

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Кафедра философии

Противодействие экстремизму: теоретико-методологические и прикладные аспекты проблемы

*Материалы межведомственной и межвузовской
научно-практической конференции*

Екатеринбург
2009

ББК 66.4(0), 304
П834

П834 **Противодействие экстремизму: теоретико-методологические и прикладные аспекты проблемы: *í àò àðèàèù ì àèáááì ìò ááí-ííé è ì àèáááí àñéíé í àó-íí-í ðàèòè-áñéíé éíí óáááí öèè (24 ííÿá-ðÿ 2008 ã).*** – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2009. – 128 с.

Обсуждено на заседании кафедры философии УрЮИ МВД России (протокол № 13 от 11 декабря 2008 г.).

Издается по решению редакционно-издательского совета УрЮИ МВД России.

ББК 66.4(0), 304
© Уральский юридический институт МВД России, 2009

Νῆ᾿ Ἀδελεί᾿ Ἐ᾿

<i>Ἀδούλαοῖα Ἐ. Ἀ.</i> Ο некоторых аспектах деятельности российских правоохранительных органов по предотвращению проявлений экстремизма	4
<i>Ἀαίῖῦῶ Ἡ. Ἀ., Νῶῖῖῖῖ᾿ Ἰ. Ἀ.</i> Правовой аспект борьбы с терроризмом	7
<i>Ἀαίῖῦῶ Ἡ. Ἀ.</i> Глобальные проблемы противодействия терроризму и экстремизму	18
<i>Ἀ᾿᾿᾿᾿᾿ Ρ. Ἀ.</i> Меры уголовно-правового воздействия, направленные на борьбу с экстремизмом	30
<i>Ἀ᾿᾿᾿᾿ Ρ. Ἡ.</i> К вопросу о криминологической характеристике экстремистской преступности	32
<i>Ἀ᾿᾿᾿᾿᾿ Ἰ. Ἰ.</i> Признаки и особенности организации экстремистского сообщества	37
<i>Ἀ᾿᾿᾿᾿᾿᾿ Ρ. Ἀ., Νῶῖῖῖῖ᾿ Ἰ. Ἀ.</i> Левоэкстремистская доктрина: социально-философский анализ	40
<i>Ἀ᾿᾿᾿᾿᾿ Ἀ. Ἀ.</i> Некоторые вопросы совершенствования уголовного законодательства об ответственности за организацию экстремистского сообщества	51
<i>Ἀ᾿᾿᾿᾿᾿᾿ Ἐ. Ἀ.</i> Необходимость взаимодействия гражданского общества и государства в качестве меры по предотвращению экстремизма	53
<i>Ἀ᾿᾿᾿᾿᾿᾿ Ἰ. Ἀ.</i> Уголовно-правовые основания противодействия экстремизму в Российской Федерации	56
<i>᾿᾿᾿᾿᾿᾿ Ἰ. Ἀ.</i> Особенности процессуального статуса специалиста на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования уголовных дел и преступлений экстремистской направленности	58
<i>Ἐ᾿᾿᾿᾿᾿ Ἀ. Ἀ.</i> Учебные заведения МВД России: страницы истории в контексте противодействия экстремизму (прикладные аспекты генезиса системы)	64
<i>Ἐ᾿᾿᾿᾿ Ἀ. Ἀ.</i> Психологические аспекты предрасположенности к экстремизму и подходы к ее коррекции	67
<i>Ἰ ᾿᾿᾿᾿᾿ Ἡ. Ἀ.</i> Становление законодательной политики Российской Федерации в сфере борьбы с экстремизмом	69
<i>Ἰ ᾿᾿᾿᾿᾿ Ἀ. Ἀ.</i> Некоторые проблемы и организационные основы борьбы с экстремизмом органов внутренних дел на современном этапе	71
<i>Νῶῖῖῖῖ᾿ Ἰ. Ἀ.</i> Методика выявления признаков экстремизма	75
<i>Νῶῖῖῖῖ᾿ Ἰ. Ἀ., Ἐ᾿᾿᾿᾿᾿ Ἀ. Ἀ.</i> Философия правого экстремизма	86
<i>Νῶῖῖῖῖ᾿ Ἰ. Ἀ., Ἐ᾿᾿᾿᾿᾿᾿ Ἀ. Ἀ.</i> Радикальный центризм и религиозно-политический экстремизм	101
<i>Ὀ᾿᾿᾿᾿᾿ Ἐ. Β., Ὀ᾿᾿᾿᾿᾿ Ἀ. Ἀ.</i> Нравственно-эстетические традиции деятельности российской полиции и ратной службы как факторы формирования личности сотрудников пожарной охраны	113
<i>Ὀ᾿᾿᾿᾿᾿ Ἐ. Ρ. Ἀ.</i> Правовая ответственность за терроризм в России. Исторический аспект	114
<i>Ὀ᾿᾿᾿᾿ Ἰ. Ἀ.</i> Технологии создания новой реальности	116
<i>×᾿᾿᾿᾿᾿᾿ Ἰ. Ἀ.</i> Проблема ликвидации экстремистских организаций в Российской Федерации и ее последствия	123

**І І А Е Т О І Д У О А Н І А Е О А О А А В О А Е У І І Н О Е Д І Н Н Е Е Н Е Е О І Д А І І О Д А І Е О А Е У І У О
І Д А І І А І І І Д А І О А Д А У А І Е Р І Д І В А Е А І Е Е Я Е Н О Д А І Е С І А**

Анализ поступающей по различным каналам информации свидетельствует о том, что начавшиеся в 90-е гг. прошлого столетия и продолжающиеся до сих пор в нашей стране перемены в общественно-политической и социально-экономической сферах, нередко сопровождаются различными экстремистскими проявлениями. Как правило, они основаны на объективно возникающих либо искусственно формируемых мотивах идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти и вражды (либо ненависти и вражды в отношении какой-то социальной группы) и обусловлены рядом таких внутренних и внешних факторов, как:

- кризис в социально-экономической сфере и наблюдающиеся до сих пор его последствия, выражающиеся в ухудшении социально-экономического положения населения;
- демографические и миграционные проблемы, вызывающие существенные изменения исторически сложившегося в нашей стране этноконфессионального баланса, что приводит к обострению социальной напряженности, сопровождаемой возникновением конфликтов на национальной или религиозной основе;
- рост внутри- и межрелигиозных противоречий, центробежных, а иногда явно сепаратистских настроений, особенно в национальных республиках;
- провозглашение после распада СССР открытости российского общества и ликвидации всех существовавших социокультурных барьеров, объективно защищающих исторически сложившиеся духовные ценности, идеалы, традиции, нормы поведения и культуру каждого народа;
- ослабление духовно-нравственных устоев в обществе и правового контроля со стороны государства за деятельностью общественных и религиозных объединений и группирований;
- не всегда компетентные и последовательные действия (а иногда бездействие) властей, в первую очередь региональных, в конфессиональной, национальной и социально-экономической сферах;
- увеличение масштабов коррупции в системе исполнительной, законодательной и судебной власти, что объективно влечет за собой неисполнение действующих нормативных и правовых актов, направленных на защиту прав и свобод граждан;
- деятельность ряда международных организаций экстремистского и иного радикального толка, направленная на дестабилизацию обстановки в социально-политической сфере.

В число субъектов экстремистских проявлений, прежде всего, входят:

- политические партии, общественные и религиозные движения, которые инспирируют или непосредственно осуществляют деятельность экстремистской направленности;

- зарубежные и российские организации, сформированные на идеях левого либо правого радикализма, национализма, сепаратизма, религиозного и экологического фанатизма, осуществляющие противоправную деятельность по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды;

- преступные организации международного и внутригосударственного уровней, проявления которых в рассматриваемой сфере обычно выражаются в форме поддержки деятельности радикальных структур, имеющих сходные политические интересы, либо в непосредственной организации и осуществлении противоправных акций экстремистского характера собственными силами (например, в случае реализации правоохранительными органами активных действий по борьбе с организованной преступностью, незаконным оборотом оружия, наркотических веществ и т. п.);

- отдельные лица, придерживающиеся крайних взглядов в идеологической, политической, национальной или религиозной сферах и стремящиеся реализовать их на практике, либо вынужденно (в основном, в случае бездействия властей) пытающиеся с помощью экстремистских акций достичь каких-либо своих целей (например, социально-экономического характера).

В настоящее время экстремизм фактически превратился в одну из ключевых угроз национальной безопасности современной России. Идейной основой этого явления служит определенная система принципов и установок, оправдывающих и обосновывающих необходимость совершения насильственных действий (как правило, с помощью оружия) для достижения тех или иных социально-политических целей. При этом в качестве объектов соответствующих экстремистских акций рассматриваются различные элементы государственного механизма, члены политических, общественных и религиозных организаций, тех или иных социальных групп.

С учетом названных выше обстоятельств, перед российскими правоохранительными органами стоит регламентированная соответствующими правовыми и нормативными актами¹ задача по противодействию экстремистской деятельности, выполнение которой в соответствии со ст. 2 и 3 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» должно осуществляться по таким основным *направлениям*, как:

- принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих ее осуществлению;

- выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

Вместе с тем достичь каких-либо положительных результатов в данной деятельности возможно лишь:

¹ См.: Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ). Ст. 105, ч. 4, п. «л», ст. 239, 277–280, 282¹ и 282²; О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ; Концепция национальной безопасности: утверждена указом Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24; О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма: указ Президента РФ от 23 марта 1095 г. № 310; и др.

- при наличии эффективного взаимодействия всех заинтересованных элементов правоохранительной системы страны, которое, как показывает практика, пока еще недостаточно организовано;

- непосредственном и заинтересованном участии федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, которые в соответствии с Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности» в пределах своей компетенции в приоритетном порядке должны осуществлять профилактические, в том числе воспитательные, пропагандистские меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности.

В этой связи, по нашему мнению, минимизации количества экстремистских проявлений может существенным образом способствовать решение таких важных задач, как:

- 1) достижение должной согласованности в действиях всех элементов российской правоохранительной системы, в первую очередь органов прокуратуры, юстиции, безопасности и органов внутренних дел;

- 2) осуществление органами власти различных уровней на постоянной основе деятельности:

- по решению проблем занятости населения, прежде всего молодежи (в том числе в плане организации ее досуга, вовлечения в общественно-полезную деятельность), являющейся основным объектом вербовочных устремлений экстремистских организаций и группирований; социального обеспечения (особенно медицинского и пенсионного); доступности получения необходимого образования (начиная с дошкольного и заканчивая высшим). Как показывает практика, в тех регионах, где власти на постоянной основе стремятся решать эти проблемы, количество экстремистских и иных радикальных проявлений в указанных выше сферах минимально;

- духовно-нравственному воспитанию населения, особенно подрастающего поколения и молодежи, на основе отечественных культурных традиций в целях создания условий для мирного сосуществования людей с различными политическими взглядами, религиозными убеждениями, социальным положением, этнической принадлежностью и, в конечном итоге, формирования у них устойчивого иммунитета к возможным попыткам вовлечь их в экстремистскую деятельность;

- проведению (во взаимодействии со всеми заинтересованными элементами правоохранительной системы и соответствующими научными учреждениями) мониторинга социально-экономической и общественно-политической обстановки в регионе с целью своевременного выявления и нейтрализации негативных тенденций, способных привести к возникновению протестных настроений и их перерастанию в какие-либо антиконституционные действия экстремистского характера.

Наряду с этим, в целях повышения эффективности работы по противодействию проявлениям экстремизма, представляется целесообразным сформировать в региональных структурах Следственного комитета при Генеральной Прокуратуре РФ:

- подразделения, специализирующиеся на рассмотрении материалов о признаках подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 105, ч. 4, п. «л», ст. 239, 277–280, 282¹ и 282² УК РФ;

- внештатные группы экспертов из числа квалифицированных специалистов (преподавателей высших учебных заведений и т. д.), занимающихся научно-исследовательской и практической деятельностью в области религиоведения, социальной философии, филологии, психологии, педагогики, лингвистики, социологии и политологии, которых можно было бы привлекать к исследованию соответствующих аудио-, видео- и печатных материалов как на стадии доследственной проверки, так и в процессе расследования возбужденных уголовных дел по перечисленным выше статьям УК РФ.

АйііуōÑ. А.
УрГИПС МЧС России,
ÑорііііаІ. А.
УрЮИ МВД России

ЇВАІАІЕ АЊІ АЕО АІДУАЇ Ñ ОАДДИ ВЕСІ І І

Правовое обеспечение антитеррористической деятельности является важнейшей предпосылкой успешного противодействия как внутригосударственному, так и международному терроризму.

Основным российским нормативным актом в этой области является Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» от 9 июля 1998 г., который определяет правовые и организационные основы борьбы с терроризмом в Российской Федерации, субъекты этой деятельности, основы их взаимодействия, роль иных государственных и негосударственных органов и граждан в противодействии терроризму.

Главными принципами борьбы с терроризмом признаются: законность, приоритет мер предупреждения терроризма, неотвратимость наказания виновных, приоритет защиты прав лиц, подвергающихся опасности в результате террористической акции, минимальные уступки террористу, единоначалие в руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении контртеррористических операций и некоторые другие. Как нам кажется, законодательное закрепление принципов борьбы с терроризмом является очень важным, поскольку именно этот вид преступления может спровоцировать применение излишне жестоких государственных мер, отступление от законности, способное подорвать доверие к государству, т. е. вызвать эффект противоположный ожидаемому.

Существенным условием, которое могло бы препятствовать росту терроризма и способствовать более успешной борьбе с ним, является приведение национального законодательства в соответствие с международными стандартами, разумеется, с учетом особенностей терроризма, существующего в России.

Для решения проблемы антитеррористической деятельности во всем мире были приняты такие международные акты, как Конвенция о создании международного уголовного трибунала для привлечения террористов к ответственности (принял Совет Лиги Наций в 1937 г.), Конвенция о предупреждении и наказании терроризма (Организация Американских Государств, 1971 г.), Конвенция о физической защите ядерного материала (МАГАТЭ, 1980 г.), Конвенция о маркировке пластических взрывчатых веществ в целях их обнаружения (ИКАО, 1990 г.), Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма (Генеральная Ассамблея ООН, 1994 г.).

Согласно Федеральному Закону «О борьбе с терроризмом», основными целями этой деятельности являются: 1) защита личности, общества и государства от терроризма; 2) предупреждение, выявление, пресечение террористической деятельности и минимизация ее последствий; 3) выявление и устранение причин и условий, способствующих осуществлению террористической деятельности. Что касается последних двух пунктов, то здесь законодатель дублирует себя, ведь выявление и устранение причин и условий, способствующих осуществлению террористической деятельности (цель 3) – это и есть предупреждение терроризма (цель 2).

Отметим еще один недочет законодателя, который закрепляет за Министерством Внутренних Дел Российской Федерации обязанность осуществлять «борьбу с терроризмом посредством предупреждения, выявления и пресечения преступлений террористического характера, преследующих корыстные цели». Как можно предположить, такая деятельность требует проведения соответствующих оперативно-следственных и силовых действий. Однако в структуре МВД России не предусмотрен специальный Антитеррористический центр, который занимался бы всеми вопросами организации и координации деятельности по борьбе с терроризмом (как, например, Антитеррористический центр в ФСБ). Этими вопросами занимаются различные управления МВД России, которые выполняют только те обязанности, которые определяются традиционно решаемыми ими задачами без учета комплексного характера рассматриваемой проблемы в целом, поэтому при осуществлении мер по предупреждению и пресечению террористических проявлений они зачастую действуют разрозненно. Все это снижает эффективность проводимых мероприятий и затрудняет контроль за их реализацией. Четкое разграничение компетенций служб по борьбе с терроризмом необходимо также между МВД России и другими правоохранительными органами.

Некоторые упущения законодатель допустил и в гл. 3 Федерального закона «О борьбе с терроризмом», которая регламентирует проведение антитеррористической операции. В ней определены вопросы, связанные с управлением контртеррористической операцией, привлечением сил и средств для ее проведения, правовым режимом в зоне проведения операции, организацией ведения переговоров с террористами, порядком распространения информации и окончанием контртеррористической операции. Но данный Федеральный закон не определяет максимальный временной интервал проведения контртеррористической операции, ничего не сказано и о том, что необходимо предпринять при затягивании операции и перерастании ее в крупномасштабную с привлечением различных подразделений и техники всех силовых структур.

В соответствии с п. 6 ст. 6 Федерального закона «О борьбе с терроризмом», предусматривающим возможность создания антитеррористических комиссий на федеральном и региональном уровнях, постановлением Правительства РФ «О Федеральной антитеррористической комиссии» от 6 ноября 1998 г. № 1302 была образована Федеральная антитеррористическая комиссия и утверждено Положение о ней. Основные задачи этой комиссии – определение стратегических мер борьбы с терроризмом, выявление его причин и условий и поиск путей их устранения, информационное обеспечение такой работы, совершенствование законодательства, касающегося вопросов борьбы с терроризмом.

Важным нормативным актом является постановление Правительства РФ «О мерах по противодействию терроризму» от 15 сентября 1999 г. № 1040, в соот-

ветствии с которым образован Межведомственный оперативный штаб и утвержден его состав, куда вошли, в частности, руководители правоохранительных органов. Постановление также указывает на необходимость создания федеральными органами исполнительной власти временных оперативных штабов для защиты населения от терроризма, обязывает правоохранительные органы осуществить комплекс оперативно-розыскных и охранных мероприятий по выявлению и пресечению деятельности различных террористических групп. Особое внимание рекомендуется уделить этническим преступным формированиям, занимающимся незаконным оборотом оружия.

Как уже упоминалось, глобальные масштабы приобрел международный терроризм, поэтому очень важную роль в борьбе с ним играет Интерпол, в структуре которого создана Группа антитерроризма (ТЕ-группа). По указу Президента Российской Федерации «Об участии Российской Федерации в деятельности международной организации уголовной полиции – Интерпола» от 30 июля 1996 г. № 1113 было образовано Национальное центральное бюро Интерпола как структурное подразделение МВД России. Каналы Интерпола активно используются для обмена информацией о терроризме.

В рамках СНГ также ведется активная работа по разработке мер противодействия терроризму. Хотелось бы отметить такой важный документ, как «Программа государств-участников Содружества Независимых Государств по борьбе с международным терроризмом и иными проявлениями экстремизма на период до 2003 г.», утвержденная Советом глав государств СНГ 21 июня 2000 г. В первом разделе предусматривается приведение нормативной базы стран СНГ в соответствие с международными нормами путем присоединения к соответствующим международным договорам, направленным на борьбу с терроризмом и иными проявлениями экстремизма; решение вопроса о гармонизации законов, касающихся борьбы с терроризмом, производства и оборота оружия, противодействия наемничеству. Второй раздел предусматривает проведение совместных командно-штабных и оперативно-тактических антитеррористических учений и специальных операций по предупреждению преступлений террористического характера, розыску лиц, групп и организаций, причастных к террористической деятельности. В третьем разделе планируется создание в Антитеррористическом центре государств-участников СНГ базы данных, куда войдут сведения о международных террористических и иных экстремистских организациях, их лидерах, а также причастных к ним лицах; состоянии и тенденциях распространения международного терроризма; структурах и лицах, оказывающих поддержку международным террористам. Особое внимание уделяется привлечению к антитеррористической деятельности общественности и средств массовой информации. Четвертый раздел предусматривает организацию обучения лиц, участвующих в борьбе с терроризмом, и постоянное повышение квалификации кадров. Пятый раздел «Материально-техническое и финансовое обеспечение» не предлагает каких-либо конкретных мер. Последний, шестой раздел, предусматривает принятие планов по реализации Программы и ежегодное представление доклада Совету глав государств СНГ о ходе ее выполнения.

Для успешной реализации Программы утверждено Положение об Антитеррористическом центре государств-участников Содружества Независимых Госу-

дарств, которое определяет организационные основы Центра (руководящий орган – Совет руководителей органов безопасности и специальных служб государств-участников СНГ и региональные подразделения); основы взаимодействия с другими органами; основные задачи Центра (информационное, аналитическое и научно-методическое обеспечение антитеррористической деятельности, содействие государствам-участникам СНГ в практической антитеррористической деятельности и ее координация); полномочия руководителя и штатных сотрудников Центра; положения о финансировании и юридическом статусе Центра.

Освещая вопрос борьбы с терроризмом, нельзя не обратить внимание на такую актуальную проблему, как финансирование террористической деятельности со стороны частных лиц, кредитных организаций и даже государств. О какой же борьбе (тем более успешной) может идти речь до того, как будут ограничены финансовые потоки, питающие террористическую деятельность?

Поэтому важным шагом вперед в этой сфере является принятие 9 декабря 1999 г. на очередном заседании Генеральной Ассамблеи ООН Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма. Так, одной из основных мер по ликвидации международного терроризма признана борьба с его финансированием.

Уголовная ответственность предусмотрена для любого лица, «если оно любыми методами, прямо или косвенно, незаконно и умышленно предоставляет средства или осуществляет их сбор с намерением, чтобы они использовались, или при осознании того, что они будут использованы полностью или частично для совершения:

а) какого-либо деяния, представляющего собой преступление, согласно сфере применения одного из договоров, перечисленных в приложении, и содержащемуся в нем определению;

б) любого другого деяния, направленного на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население или заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения».

Конвенция содержит требования, согласно которым преступление составляет любое из вышеупомянутых деяний, независимо от того, что средства фактически использовались для совершения преступлений, перечисленных в пунктах «а» или «б». Так, по смыслу Конвенции карается не только финансирование конкретного преступления террористического характера, но и отчисление средств на обеспечение международного терроризма в целом.

Несколько недоработанным с этой точки зрения представляется российское уголовное законодательство. С одной стороны, Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» рассматривает финансирование терроризма как одну из функций террористической деятельности (ст. 3). С другой стороны, по смыслу УК РФ лицо, финансирующее терроризм как систематическое совершение преступлений террористического характера, не подпадает ни под какой из видов соучастников (ст. 33), так как его действия не направлены на совершение конкретного преступления. Поэтому хотелось бы еще раз обратить внимание на необходимость как

можно скорее разработать единую концепцию антитеррористической деятельности в современных условиях и привести в соответствие с ней национальное законодательство.

Советское уголовное право определяло террористический акт как «посягательство на жизнь или иную форму насилия над государственными или общественными деятелями, совершаемые с политическими целями». Таким образом, до принятия действующего УК РФ ответственность предусматривалась только за убийство государственного или общественного деятеля, или представителя власти в связи с его государственной или общественной деятельностью с целью подрыва или ослабления советской власти, либо за нанесение тяжкого телесного повреждения тем же лицам, а также за убийство представителя иностранного государства с целью провокации войны или международных осложнений, либо за нанесение тяжкого телесного повреждения тем же лицам с той же целью. Поэтому включение в УК РФ специального состава преступления – терроризма – представляет собой значительный шаг вперед в деле более эффективного использования уголовного закона в борьбе с террористической деятельностью.

Видовым объектом рассматриваемого вида преступления является общественная безопасность, непосредственным объектом посягательства могут быть жизнь и здоровье граждан, имущество, нормальное функционирование органов власти.

Хотелось бы обратить внимание на то, что в Федеральном законе «О борьбе с терроризмом» понятие этого явления представлено в более широком смысле (ст. 3). Так, к преступлениям террористического характера, помимо собственно терроризма, закон относит захват заложника (ст. 206 УК РФ), заведомо ложное сообщение об акте терроризма (ст. 207 УК РФ), организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК РФ), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ) и нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой (ст. 360 УК РФ).

Здесь тоже есть один недочет. Данное в Законе понятие заложника совпадает с понятием, данным в ст. 206 УК РФ. Тем не менее, это понятие получается искаженным, так как в Законе нет указания на угрозу общественной безопасности, которая определяет видовой объект этого преступления. В УК РФ такое указание отсутствует, так как ст. 206 расположена в главе под названием «Преступления против общественной безопасности».

Итак, объективная сторона терроризма состоит в совершении взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий (например, покушение на объекты жизнеобеспечения населения водой, теплом, электроэнергией, захват и разрушение зданий, вокзалов, заражение источников воды и продуктов питания, радиоактивное, химическое, бактериологическое заражение местности), или в угрозе совершения указанных действий. Предполагается, что «иные действия» подразумевают лишь активную форму поведения человека, хотя террористический акт иногда может быть осуществлен путем бездействия. Например, невыполнение обязанности по своевременному отключению производственных процессов в энергетике, на транспорте, в добывающей промышленности.

Кроме того, объективная сторона терроризма может встречаться не только в единичных, разовых действиях (поджог, взрыв, разрушение здания, заражение местности), но и в продолжаемых деяниях, состоящих из ряда взаимосвязанных посягательств на жизнь, здоровье, имущество, объединенных общим замыслом и целью запугать население. Например, погромы, сопровождаемые убийствами и насилием среди населения, групповые вооруженные нападения и массовые убийства с применением таких орудий, средств и методов, которые явно предназначены для устранения жителей и возбуждения паники.

Ни для кого не секрет, какую угрозу для всего человечества несет в себе такая сравнительно новая «разновидность» терроризма, как ядерный терроризм. Отметим, что до 1999 г. объективная сторона терроризма не включала такие действия, как посягательство на объекты использования атомной энергии и использование ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения. Этот пробел был устранен Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 9 февраля 1999 г.

Преступление имеет формальный состав и считается законченным, если указанные в ст. 205 УК РФ действия уже совершены, или возникла реальная угроза их осуществления, проведены необходимые подготовительные действия. Для оконченого состава преступления не требуется фактического наступления указанных в УК последствий. Достаточно, чтобы соответствующие действия создавали реальную опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба или наступления иных общественно опасных последствий. Реальность угрозы осуществления террористических действий определяется тем, способна ли она вызвать у отдельного человека, группы людей или властей опасения, что угроза будет осуществлена, а нанесенный ущерб окажется значимым. Угроза может быть выражена устно, письменно или другим способом. Но заметим, что содержание понятия «значительный имущественный ущерб» представляется весьма расплывчатым, тем более в условиях существенного разрыва в доходах разных слоев населения. Таким образом, законодатель оставляет определение «значимости» ущерба на усмотрение суда.

Субъектом терроризма может быть любое вменяемое лицо, являющееся гражданином РФ, иностранцем или лицом без гражданства и достигшее четырнадцатилетнего возраста. Данное положение представляется чрезвычайно важным, так как в национальном и религиозном терроризме принимает участие довольно много подростков, которые в силу своего возраста легко попадают под влияние взрослых.

Состав терроризма содержит указания на специальные цели (нарушение общественной безопасности, устрашение населения, оказание воздействия на принятие решений органами власти), поэтому с субъективной стороны террористический акт может совершаться только с прямым умыслом: виновный осознает общественную опасность своих поступков, предвидит возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления для достижения своих целей. Особое место в субъективной стороне преступлений террористической направленности занимают эмоции, т. е. переживания лица, сопровождающие подготовку преступления и процесс его совершения. Все чаще террористические акты стали совершаться в тех случаях, когда эмоции довлеют над разу-

мом и приводят к общественно опасным проявлениям нетерпимости, экстремизма, политического, националистического или религиозного фанатизма. Яркий тому пример – совершение террористических актов террористами-камикадзе.

Вторая часть ст. 205 УК предусматривает ответственность за совершение действий, перечисленных в п. 1, при наличии квалифицирующих обстоятельств, которые свидетельствуют о большей общественной опасности, т. е. совершенные:

- группой лиц по предварительному сговору;
- неоднократно;
- с применением огнестрельного оружия.

Ст. 35 УК РФ предусматривает ответственность за совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, если в нем участвовали лица, заранее договорившиеся о совместном совершении преступления.

Такой квалифицирующий признак, как неоднократность, означает неоднократность совершения именно террористических, а не каких-нибудь иных преступлений. Неоднократность – это совершение преступления не в первый, а, как минимум, во второй раз.

Применение огнестрельного оружия при совершении терроризма рассматривается в качестве еще одного отягчающего уголовную ответственность обстоятельства. Данного квалифицирующего признака не будет, если огнестрельное оружие применялось с целью избежать задержания после совершения акта терроризма. Такие действия квалифицируются самостоятельно. Террористический акт может считаться совершенным с использованием огнестрельного оружия, если оно применялось для нанесения телесного повреждения или демонстрировалось другим лицам как готовность преступника пустить его в ход. Однако не совсем понятно, почему законодатель не включил в число отягчающих вину обстоятельств применение боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, которые по поражающим свойствам намного превосходят поражающие свойства огнестрельного оружия. По смыслу закона получается, что устройство обвалов или затоплений с применением огнестрельного оружия или стрельба из него по зданию вокзала являются более опасными преступлениями, чем совершение тех же действий с применением взрывных устройств или взрыв на вокзале.

Третья часть ст. 205 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, если они совершены организованной группой либо повлекли по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, а равно сопряжены с посягательством на объекты использования атомной энергии либо с использованием ядерных материалов, радиоактивных веществ или источников радиоактивного излучения.

Организованной группой УК РФ признается устойчивая группа лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Важно отметить, что основными отличительными признаками преступной организации является масштабность ее деятельности, длительность функционирования, налаженный механизм управления, замаскированность, неуловимость, способность влиять на крупные социальные, политические, экономические решения, тесная подпольная связь с государственными, политическими, общественными, финансовыми организациями.

В ст. 3 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» раскрываются понятия террористической группы и террористической организации. По смыслу указанного закона эти понятия отличаются друг от друга лишь тем, что организация предполагает наличие структурных подразделений и руководящих органов. Представляется необходимым соотнести эти определения с уголовно-правовыми понятиями форм соучастия, уточнив, что в соответствии со ст. 35 УК РФ террористическая группа и террористическая организация – это разновидность преступной группы и преступной организации.

Субъективная сторона терроризма, повлекшего по неосторожности смерть человека или иные тяжкие последствия, характеризуется двойной формой вины: прямым умыслом по отношению к террористическим действиям и неосторожностью (легкомыслием или небрежностью) по отношению к указанным в п. 3 ст. 205 последствиям.

В примечании ст. 205 УК РФ указано, что лицо, «принимавшее участие в подготовке акта терроризма, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом содействовало предотвращению осуществления акта терроризма, и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления». То есть, имеются в виду активные позитивные действия человека, который готовил террористический акт или участвовал в его подготовке, но затем решил не допустить его путем своевременного предупреждения органов власти или иным способом. Такие действия могут быть добровольными даже в том случае, если он действовал в страхе перед разоблачением, в силу религиозных мотивов, выполняя указания священника в ходе исповеди и т. д.

Следует обратить внимание на еще один, на наш взгляд, самый существенный недостаток действующего уголовного законодательства. Исключительная общественная опасность терроризма состоит в том, что при этом деянии совершается массовое уничтожение людей, поэтому нельзя признать справедливым то положение, при котором самые распространенные и опасные формы терроризма по строгости наказания лишь приравниваются к убийству при отягчающих обстоятельствах. Получается, что, например, убийство с целью сокрыть другое преступление влечет по закону такое же наказание (до 20 лет лишения свободы), что и взрыв пассажирского состава, повлекший гибель сотен людей. Для устранения указанного недостатка можно было бы установить за совершение террористических актов, связанных с убийством людей, наказание до тридцати лет лишения свободы. По действующему уголовному законодательству такое наказание может быть назначено только по совокупности приговоров (ч. 4 ст. 56 УК РФ), но такое исключение было бы вполне оправданным в отношении террористов.

Терроризм и террористы существовали в обществе задолго до появления этих терминов. Обзор истории терроризма позволяет понять, что вне зависимости от мотивов использования методов террора (от самопожертвования на благо общества и действий в «высших интересах человечества» до желания самоутвердиться или захватить власть) он в любые времена сопряжен с агрессией, жестокостью, отрицанием общечеловеческих ценностей, желанием бросить вызов всей социально-политической и юридической системе. Смысл террористического акта состоит в невозможности законными средствами заставить общество и государство

считаться с потребностями определенных лиц или группы лиц (террористические организации). А попытки радикально изменить существующие порядки или повернуть ход социальной истории вспять, пусть даже из лучших побуждений, лежат через анархию, хаос, террор. Достаточно вспомнить средства борьбы, предлагаемые основоположниками современного терроризма: «разрушения», «яд, нож и веревка» (Бакунин), «создание максимального хаоса посредством отравляющего газа, ракет, а также поиск новых средств уничтожения» (Гейнцген), «нож, винтовка и динамит» (Кропоткин).

Терроризм имеет довольно много разновидностей, но в любой форме он является самой опасной по своим масштабам, непредсказуемости и последствиям социально-правовой проблемой XXI столетия. Еще не так давно терроризм был локальным явлением, однако за последние 10–15 лет приобрел глобальный характер и угрожает безопасности многих стран, оказывает сильное психологическое давление на их граждан, влечет огромные политические, экономические, моральные потери, уносит все больше жизней ни в чем не повинных людей.

О невероятном размахе террористической деятельности свидетельствует существование множества террористических организаций, которые взаимодействуют друг с другом, обладают жесткой структурой с подразделениями разведки и контрразведки, материально-техническим и информационно-пропагандистским обеспечением, разветвленной сетью конспиративных укрытий, наличием агентуры в государственных и правоохранительных органах. Печальная практика показывает, что современные террористы вполне способны вести диверсионно-террористические войны, участвовать в масштабных вооруженных конфликтах (Косово, Чечня, Афганистан).

Терроризм – преступление против общественной безопасности, субъектами которой являются личность, общество, государство. Терроризм возникает не на пустом месте, существуют определенные причины и условия общественной жизни, способствующие этому. Их выявление и исследование раскрывает природу терроризма как социально-правового явления, объясняет его происхождение, показывает, что способствует, а что противодействует его росту. Кроме того, анализ причин и условий имеет практический смысл для разрешения конкретных конфликтных ситуаций, диагностики и предупреждения террористических актов, разработки стратегии и тактики борьбы с терроризмом. Основной причиной ухудшения ситуации в современном мире является рост социально-экономических, политических, религиозных противоречий, расширение пропасти между богатыми и бедными странами и слоями населения. С теми же проблемами столкнулось и российское общество. Такие социально-негативные явления, как переходный период, разрушение административно-командной системы, экономический кризис, раскол общества на группы с различным материальным положением, безработица, политические, экономические, национальные, религиозные конфликты представляют собой весьма благоприятную почву для проявлений и роста терроризма. Современная действительность доказывает: распространенное в годы правления Б. Ельцина утверждение о том, что терроризм не имеет ни национальности, ни лица, ни религии, и поэтому «нельзя переводить проблему на этническую и религиозную почву», является заблуждением. История терроризма и его современ-

ная практика свидетельствуют о том, что террор имеет лицо, так как его совершают в своих интересах конкретные люди, имеет религию, так как всегда существуют человеконенавистнические (например, фашистские) религии, которые вдохновляют террористов, обещая им не только земные, но и загробные блага, разделяя народы на богоизбранных и богоотверженных, имеет террор и национальность.

Среди политических причин появления терроризма в России можно отметить утрату общенациональной идеи как политического стержня общества, расшатывание основ федерализма, ослабление государственных устоев и институтов власти, обострение политической борьбы, беззаконие и коррупцию. Конечно, нельзя утверждать, что все эти обстоятельства обязательно имеют «террористический выход», но в сочетании с различными видами социальных конфликтов и беспомощностью властей они создают благоприятные условия для развития и роста терроризма.

В такой ситуации совершенно очевидно, что без масштабного государственного вмешательства обойтись невозможно. Никакая личность не в состоянии обеспечить свою индивидуальную безопасность без функционирования государственной системы безопасности. Преодолеть же экономический кризис, ликвидировать угрозу безопасному развитию общества, своевременно не допускать перерастание опасности в угрозу невозможно без жесткого государственного регулирования во всех сферах жизни. Поэтому приоритет в обеспечении общественной безопасности должен быть за государством.

Поскольку терроризм, как было сказано выше, порождается многими социальными, политическими, психологическими, экономическими, историческими и иными причинами, то и борьба с ним представляет собой исключительно сложную задачу. Надо полагать, что указанные причины и должны быть объектом профилактического вмешательства, но сделать это на практике очень трудно, так как основная часть причин связана с обладанием государственной властью, распределением собственности, торжеством той или иной идеологии, изменением национальной и социальной структуры общества. Кроме того, на фоне постоянно организуемых совещаний властей, посвященных мерам по усилению борьбы с терроризмом, наблюдается явная неспособность, несогласованность и неорганизованность действий правоохранительных органов и спецслужб по борьбе с террористической деятельностью, а также их недостаточная информированность и техническая оснащенность.

К сожалению, приходится констатировать факт, что терроризм неискореним, так как является частью извечного и неумирающего спутника человечества – преступности. Невозможно представить себе, что когда-нибудь с лица земли исчезнут неистовые и слепые искатели правды и справедливости, готовые пожертвовать собой и другими для всеобщего счастья или гегемонии своей социальной или национальной группы. Также невозможно представить, что больше не родятся на земле люди, которые путем террора будут решать свои корыстные задачи, причем не только материальные, но якобы ради торжества всеобщего равенства.

Тем не менее, цивилизованное общество должно стремиться к тому, чтобы не давать распространяться этому злу и вовремя выявлять террористическую угрозу. Сегодня совершенно очевидной становится необходимость определить и проанализировать причины, проблемы, сущность и тенденции терроризма, как можно скорее разработать формы, методы и эффективные средства борьбы с ним. Главные направления предупреждения терроризма должны включать:

- прогнозирование террористической активности с определением ее возможных субъектов;
- воздействие на основные явления и процессы в обществе, способствующие росту терроризма;
- пресечение совершающихся террористических актов в отношении государственных и общественных деятелей, задержание виновных и предание их суду (причем крайне важно наказание не только рядовых исполнителей и пособников, но и организаторов, и вдохновителей террора, а также тех, кто занимается финансированием террористической деятельности);
- предупреждение и пресечение сходных с терроризмом преступлений (захват заложников, геноцид, диверсия и др.);
- сотрудничество международных организаций в предупреждении и пресечении террористической деятельности.

Как уже было изложено, в российском уголовном законодательстве существует немало недостатков и упущений. Такие пробелы не только позволяют террористам и их «спонсорам» уходить от ответственности, но и ослабляют борьбу с преступностью в целом. Со всей определенностью можно утверждать, что не изменив уголовно-правовой основы борьбы с терроризмом, не исправив дефектов уголовного закона в этой сфере, невозможно создать качественный закон по борьбе с терроризмом. Правовая регламентация – одна из важнейших составляющих всего комплекса мер по борьбе с терроризмом – должна иметь единую четкую концепцию, быть ясной и понятной, способной к эффективному применению на практике, а также служить гарантией от произвола субъектов антитеррористической деятельности. Помимо того, необходимо привести национальное законодательство в соответствие с международным, а также с учетом тенденций современного терроризма модернизировать Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации, Федеральный закон «Об оружии», Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», которые позволят расширить возможности правоохранительных органов по выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию террористической деятельности.

Важное значение имеет объединение усилий в противодействии терроризму всех сил государства и общества. Это и верхние эшелоны представительной власти, и законодатели, и спецслужбы, и правоохранительные органы, и средства массовой информации, и религиозные, и иные общественные объединения.

В последнее время все чаще звучат высказывания о том, что к террористам необходимо применять правила об ответственности соучастников, которые применялись в отношении нацистских военных преступников, т. е. каждый участник террористической организации должен нести ответственность за всю ее преступную деятельность. Похожую мысль высказал 9 мая 2002 г. и президент страны В. Путин после взрыва в г. Каспийск во время праздничного парада, в результате которого погибло более сорока ни в чем не повинных людей, в том числе дети, женщины, ветераны. Президент заявил, что подобные бесчеловечные акции дают нам все основания относиться к террористам, как к нацистам. Нам думается, такое отношение, действительно, было бы оправданным и справедливым.

В заключение еще раз отметим, что борьба с терроризмом требует комплексного подхода, который должен включать меры и экономического, и политического, и социального, и правового характера. Это долгосрочная программа, реализация которой зависит от многих факторов. Но решительные и эффективные меры необходимы уже сегодня.

Ααί ί ύ ο Ñ. Α.

УрГИПС МЧС России

***ΑΕΤ ΑΑΕΥΙ ΟΑ Ι ΔΙ ΑΕΑΙ Ο Ι ΔΙ ΟΕΑΙ ΑΑΕΝΟΑΕΒ
ΟΑΒΒΙ ΔΕΣΙ Ο Ε ΥΕΝΟΔΑΙ ΕΣΙ Ο***

Терроризм – постоянный спутник человечества, который относится к числу самых опасных и труднопрогнозируемых явлений современности, приобретающих все более разнообразные формы и угрожающие масштабы. Террористические акты приносят массовые человеческие жертвы, оказывают сильное психологическое давление на огромное количество людей, влекут разрушение материальных и духовных ценностей, не поддающихся порой восстановлению, сеют вражду между государствами, провоцируют войны, недоверие и ненависть между социальными и национальными группами, которые иногда невозможно преодолеть в течение жизни целого поколения.

Терроризм как массовое и политически значимое явление – результат повальной «деидеологизации», когда отдельные группы в обществе начинают ставить под сомнение законность и права государства, чем оправдывают свой переход к террору для достижения собственных целей. Различные преступные группировки совершают террористические акты для устрашения и уничтожения конкурентов, воздействия на государственную власть с тем, чтобы добиться наилучших условий для своей преступной деятельности. Жертвой террористического акта может стать каждый – даже тот, кто не имеет ни малейшего отношения к конфликту, породившему террористический акт.

Уровень терроризма и конкретные формы его проявления представляют собой показатель, с одной стороны, общественной нравственности, а с другой – эффективности усилий общества и государства по решению наиболее острых проблем, в частности, по профилактике и пресечению самого терроризма.

К сожалению, терроризм является весьма действенным орудием устрашения и уничтожения в извечном и непримиримом споре разных миров, кардинально отличающихся друг от друга своим пониманием жизни, нравственными нормами, культурой. А за последние несколько лет проблема терроризма приобрела глобальные масштабы и имеет тенденцию к устойчивому росту (если в 80-х годах зафиксировано до 800 крупных террористических актов, то в 90-х – уже более 900).

Террористические акты с каждым годом становятся все более тщательно организованными и жестокими, с использованием самой современной техники, оружия, средств связи. В различных регионах мира политическими и националистическими радикалами, взявшими на вооружение методы террора для достижения своих целей, организована разветвленная сеть подполья, у них есть свои склады оружия и взрывчатых веществ, обеспечивающие структуры, финансовые учреждения. В качестве прикрытия для террористических организаций функционирует система

фирм, компаний, банков и фондов. Совершенно очевидно, что для противодействия этому крайне опасному явлению необходима координация усилий всех государств на высшем уровне, создание сети международных организаций. Для осуществления эффективных действий по борьбе с терроризмом необходима также выработка его единых международно-правовых понятий, точной правовой характеристики терроризма как вида преступления.

Противодействие терроризму должно рассматриваться всеми цивилизованными странами в качестве одной из основных общегосударственных задач. Важнейшие направления деятельности в этой сфере: совершенствование правовой базы, усиление взаимодействия между федеральными органами, оказание максимального давления на страны, поддерживающие терроризм, увеличение численности сотрудников федеральных структур, занимающихся проблемой терроризма, и их технической оснащенности.

В данной статье я дам краткий обзор истории возникновения терроризма, попытаюсь изложить и проанализировать главные причины, порождающие это опасное явление, а также описать основные виды современного терроризма.

За свою долгую историю терроризм представал в самых разных обликах: были и Варфоломеевская ночь и Сицилийская вечерня, врагов – реальных и мнимых – уничтожали римские императоры, оттоманские султаны, русские цари, а также многие другие, и каждая страна имеет как минимум одного «героя».

Террористы были всегда. Самая ранняя террористическая группировка – секта сикариев, которая действовала в Палестине в I веке новой эры и истребляла представителей еврейской знати, выступавших за мир с римлянами. В качестве оружия сикарии использовали кинжал или короткий меч – сику. Это были экстремистски настроенные националисты, возглавлявшие движение социального протеста и настраивавшие низы против верхов. В действиях сикариев прослеживается сочетание религиозного фанатизма и политического терроризма: в мученичестве они видели нечто приносящее радость и верили, что после свержения ненавистного режима Господь явится своему народу и избавит его от мук и страданий.

Той же идеологии придерживались и представители мусульманской секты ас-сошафинов, убивавшие халифов, префектов, губернаторов и даже правителей: ими был уничтожен Иерусалимский король Конрад Монферратский. Убийство являлось для сектантов ритуалом, они приветствовали мученичество и смерть во имя идеи и твердо верили в наступление нового миропорядка.

В эти же времена в Индии действовали различные тайные общества. Члены секты «душителей» уничтожали своих жертв с помощью шелкового шнура, считая этот способ убийства ритуальным жертвоприношением богине Кали. Один из членов этой секты сказал: «Если кто-нибудь хоть раз испытает сладость жертвоприношения, он уже наш, даже если он овладел разнообразными ремеслами, и у него есть все золото мира. Я сам занимал достаточно высокую должность, работал хорошо и мог рассчитывать на повышение. Но становился самим собой, только когда возвращался в нашу секту».

В Китае тайные общества, Триады, были основаны в конце семнадцатого века, когда маньчжуры захватили две трети территории Китая. Первоначально они были основаны как тайные общества для свержения господства маньчжуров и восстановления династии Минь на имперском троне. Эти общества во время

правления династии маньчжуров фактически превратились в инструмент местного самоуправления, взяли на себя многие административные и судебные функции. Многие Триады расширили философию сопротивления маньчжурским завоевателям и включили в число противников также «белых дьяволов», в особенности, британцев, силой навязавших торговлю опиумом Китаю. Триады неоднократно предпринимали попытки к народному восстанию, которые жестоко подавлялись маньчжурами. После Восстания Красных Тюрбанов, в начале XIX в., маньчжурами была проведена особо жестокая операция наказания, когда сотни тысяч китайцев были обезглавлены, закопаны живьем, медленно удушены. В результате многие члены Тριάд были вынуждены искать убежища в Гонконге и США. По оценкам британских властей более двух третей населения Гонконга того времени состояло в различных Триадах. К началу XX в. прежде легальная база существования Тριάд была подорвана репрессиями маньчжур. Триады постепенно перешли на использование криминальных методов обеспечения своей деятельности: контрабанде, пиратству, вымогательству. В 1911 году деятельность Тριάд полностью превратилась из патриотической в криминальную. Впервые в истории образовалось государство, возглавляемое и управляемое членами тайных криминальных обществ, которые привлекали отряды боевиков для расправы над своими политическими противниками.

Две наиболее известные доктрины, оправдывающие террор, – это «философия бомбы» и «пропаганда делом». «Философия бомбы» появилась в XIX столетии, ее основоположником и ярким приверженцем считается немецкий радикал Карл Гейнцген. Он был убежден, что «высшие интересы человечества» стоят любых жертв, даже если речь идет о массовом уничтожении ни в чем не повинных людей. Гейнцген считал, что силе реакционных войск нужно противопоставить такое оружие, с помощью которого небольшая группа людей может создать максимальный хаос, и призывал к поиску новых средств уничтожения.

Во второй половине XIX в. начинаются систематические террористические акции. Так, в 70–90-е гг. анархисты взяли на вооружение «пропаганду делом» (террористические акты, саботаж), их основная идея состояла в отрицании всякой государственной власти и проповеди ничем не ограниченной свободы каждой отдельно взятой личности. Главными идеологами анархизма на различных этапах его развития были Пьер Жозев Прудон, Макс Штирнер, Петр Алексеевич Кропоткин. Анархисты отвергают не только государственную, но любую власть вообще, отрицают общественную дисциплину, необходимость подчинения меньшинства большинству. Создание нового общества анархисты предлагают начать с уничтожения государства, они признают лишь одно действие – разрушение. В 90-е годы анархисты повели «пропаганду делом» во Франции, Италии, Испании и Соединенных Штатах, запугав граждан так, что те, в конце концов, стали полагать, что терроризм, экстремизм, национализм, социализм, нигилизм, радикализм и анархизм – это одно и то же. Этому предшествовало несколько взрывов в Парижских домах, произведенные неким Равашолем, заявившим следующее: «Нас не любят. Но следует иметь в виду, что мы, в сущности, ничего, кроме счастья, человечеству не желаем. Путь революции кровав. Я вам точно скажу, чего я хочу. Прежде всего – терроризировать судей. Когда больше не будет тех, кто нас смо-

жет судить, тогда мы начнем нападать на финансистов и политиков. У нас достаточно динамита, чтобы взорвать каждый дом, в котором проживает судья...». Правда, этот «идейный террорист» оказался на самом деле обыкновенным уголовником, промышлявшим воровством и контрабандой.

В 1887 году террористическая фракция «Народной воли» совершает в Петербурге покушение на императора Александра III. В 1894 году итальянский анархист убивает президента Франции Карно. В 1897 году анархисты совершают покушение на императрицу Австрии и убивают испанского премьер-министра Антонио Канова. В 1900 году жертвой анархистского нападения стал король Италии Умберто. В 1901 году американский анархист убивает президента США Уильяма Мак-кинли. В России анархистское движение 1917–1919 гг. также свелось к экспроприациям и открытому террору, причем зачастую под видом анархистов действовали бандиты и авантюристы. В Москве была создана «Всероссийская организация анархистов подполья», совершившая ряд террористических актов (взрыв здания МК РКП(б) и др.). В то же время радикальные националистические группировки – армянские, польские, македонские, сербские террористы, ирландские «динамитчики», турецкие бомбисты-одиночки – пользовались террористическими методами в борьбе за национальную независимость.

Свое продолжение концепции «философия бомбы» и «пропаганда делом» получили в теории фашизма, возникшей в начале XX столетия в Италии и Германии. Это была террористическая диктатура самых реакционных сил, отличающаяся применением крайних форм насилия, шовинизмом, расизмом, антисемитизмом, идеями военной экспансии и всевластия государственного аппарата. Был обрушен кровавый террор на демократические и либеральные движения, физически уничтожались все действительные и потенциальные противники нацистского режима. Созданный в фашистской Германии механизм диктатуры включал в себя отличавшийся крайней жестокостью террористический аппарат: СА, СС, Гестапо, «Народный трибунал» и др. Под влиянием Италии и Германии режимы фашистского типа были установлены в Испании, Венгрии, Австрии, Польше, Румынии. Фашизм явился смертельной угрозой для всего человечества, поставив под вопрос существование многих народов. Использовалась тщательно разработанная система массового уничтожения людей, по некоторым подсчетам, через концентрационные лагеря прошло около 18 млн человек всех национальностей Европы.

Нелегко дать определение терроризму, так как порой в это понятие вкладывают разный смысл. Современное общество столкнулось со многими видами терроризма, и этот термин лишился четкой смысловой нагрузки. Под терроризмом подразумеваются и чисто уголовные похищения людей с целью выкупа, и убийства на политической почве, и жестокие методы ведения войны, и угоны самолетов, и шантаж – т. е. акты насилия, направленные против собственности и интересов граждан. Существует более ста определений террора и терроризма, но ни одно из них не является достаточно точным. Слово террор произошло из латинского языка: *terror* – страх, ужас. Действительно, любые действия террориста (даже не связанные с убийством) всегда предполагают насилие, принуждение, угрозу. Главное средство достижения цели для любого террориста – это создание атмосферы страха и неуверенности, наведение ужаса. Принимая во внимание край-

ную общественную опасность и жестокость актов террора, их антисоциальность и антигуманность, терроризм можно определить как общественный феномен, заключающийся в противоправном использовании крайних форм насилия или угрозы насилием для устрашения противников ради достижения конкретных целей.

В наши дни существует множество форм терроризма, которые можно классифицировать по субъектам террористической деятельности и по направленности на достижение тех или иных результатов.

Внутригосударственный терроризм представляет собой деятельность специально организованных террористических групп или террористов-одиночек, акции которых направлены на достижение различных политических целей в пределах одного государства. Террором может называться насилие, сознательно направленное по отношению к государству.

Насилие выступает в двух формах: 1) прямое насилие, которое выражается в непосредственном применении силы (война, вооруженное восстание, политические репрессии, террор); 2) косвенное (скрытое) насилие, которое не предполагает непосредственного использования силы (различные формы духовного, психологического давления, политическое вмешательство, экономическая блокада), но означает только угрозу применения силы (политическое давление, дипломатический ультиматум). Как отмечается в правовой литературе, к государственному террору чаще прибегают нестабильные политические режимы с низким уровнем легитимности власти, которые не могут поддерживать устойчивость системы экономическими и политическими методами. Политический террор Россия познала еще во времена «Народной воли», участники которой широко пользовались террористическими методами для борьбы с ненавистным правительством (эта организация подготовила 7 покушений на Александра II). Однако, если в прошлые времена террористы избирали в качестве жертв конкретных государственных или общественных деятелей, то современные политические террористы предпочитают массовые убийства: из досадных издержек посторонние жертвы превратились в одно из самых действенных средств современного терроризма. Паника – вот на что рассчитывают террористы. Они ничего не требуют, ни к чему не призывают, и взрывают дома, чтобы посеять животный страх и панику. «Обычные» террористы для достижения своих целей сначала угрожают насилием, и только при неуступчивости реализуют свои угрозы, политический же террор изначально предполагает массовые человеческие жертвы. И чем беспощадней и кровавей будет террористическая акция, тем лучше для террористов. Это значит, что тем быстрее власть, политические силы или население будут делать то, что от них требуется. В этом отношении больницы, родильные дома, детские сады, школы, жилые дома – идеальные объекты для политических террористов. То есть, при политическом терроре главным объектом воздействия являются не сами люди, а политическая ситуация, которую посредством террора в отношении мирных жителей пытаются изменить в нужном для террористов направлении.

Терроризм квалифицируется как уголовное преступление, независимо от его причин, целей и мотивов. Современный политический терроризм слился с уголовной преступностью, они взаимодействуют и поддерживают друг друга. Их цели и мотивы могут быть различными, но совпадают формы и методы. Напри-

мер, колумбийские террористические организации взаимодействуют с наркомафией, корсиканские – с сицилийской мафией. Часто чтобы получить достаточно финансовых ресурсов для своей деятельности, политические террористические группировки пользуются уголовными методами – контрабандой, незаконной торговлей оружием. Кроме того, не всегда можно понять, с какой целью совершаются такие акты, как захват заложников, убийство известных журналистов, угон самолетов. Какой характер они носят – уголовный или политический?

Когда государственный терроризм выходит за границы отдельных стран, он приобретает характер международного. В последнее время этот вид терроризма приобрел невиданные, глобальные масштабы. Международный терроризм расшатывает государственные и политические устои, наносит огромный материальный ущерб, уничтожает памятники культуры, подрывает международные отношения. Как и любая другая форма террора, международный терроризм проявляется в беспорядочном насилии, как правило, направленном против людей для создания в массах идеи, что цель оправдывает средства.

Разновидностями международного являются транснациональный и международный криминальный терроризм. Первый представляет собой различные акции негосударственных террористических организаций в других государствах. Акции осуществляются самостоятельно и не нацелены на изменение международных отношений. Второй проявляется в действиях международной организованной преступности, участники которой могут быть далеки от каких-либо политических целей, а их акции могут быть направлены против конкурирующих преступных организаций в другой стране.

В соответствии с направленностью терроризм можно классифицировать: на социальный, преследующий цель коренного или частичного изменения экономического или политического строя собственной страны; националистический, практикуемый организациями сепаратистского толка и организациями, поставившими своей целью борьбу против диктата инациональных государств; религиозный, связанный либо с борьбой приверженцев одной религии (или секты) в рамках общего государства с приверженцами других, либо с попыткой низвергнуть светскую власть и утвердить власть религиозную.

Терроризм, представляющий собой опасность глобального масштаба, в современных условиях, по существу, превратился в угрозу политическим, экономическим, социальным институтам государства, правам и фундаментальным свободам человека. Нам уже грозит ядерный терроризм, терроризм с применением отравляющих веществ, информационный терроризм.

Сегодня в мире насчитывается около 500 нелегальных террористических организаций. С 1968 года по 1980 год ими было совершено около 6700 террористических актов, в результате которых погибло 3668 и ранено 7474 человека. В современных условиях наблюдается эскалация террористической деятельности экстремистски настроенных лиц, групп и организаций, усложняется ее характер, возрастают изощренность и античеловечность террористических актов. Согласно исследованиям ряда российских ученых и данным зарубежных исследовательских центров, совокупный бюджет в сфере террора составляет ежегодно от 5 до 20 млрд долларов.

Хотелось бы отметить тот факт, что кроме многочисленных террористических организаций, существует и множество поддерживающих эти организации государственных структур и даже государств-спонсоров терроризма. В основном это развитые западные и арабские нефтедобывающие страны. Совершенно очевидно, что явление терроризма становится особенно опасным, если оно создается и поддерживается государственными режимами, особенно диктаторского, националистического, сепаратистского типа. Предполагается, что базы подготовки террористов существуют по меньшей мере в десяти странах: Иране, Ираке, Северной Корее, Ливии, Сомали, Кубе, Сирии, Судане. Экстремистские и террористические организации и группировки, не исключая и мусульманские, находятся на территории таких развитых стран, как Германия, Великобритания, Франция. Террористическое подполье – в том числе такие группировки, как «Хамас», «Хезболла», «Исламский джихад» – действуют в труднодоступных джунглях и пустынях и скрываются в центрах больших городов.

Кровавые акции чеченцев, события 11 сентября в США, почти ежедневные террористические акты в Израиле, поражающие своей жестокостью и варварскими формами (взрывы в местах массового скопления людей – кафе, магазинах, административных зданиях, пассажирских автобусах и самолетах)... И это далеко не полный список действий террористов-фанатиков за последние несколько лет. Хотелось бы отметить, что все перечисленные акты совершались террористами на религиозной почве. Именно религиозные убеждения Бен Ладена делают его и его последователей такими опасными. Известно, что агенты так называемого «террориста номер один» уже в течение многих лет пытаются купить или украсть ядерные технологии. Вот что пишет Стивен Саймон, бывший член Совета Национальной безопасности, издавший книгу о религиозном терроризме: «Это не насилие на службе какой-либо практической программы. Это – убийство неверных во славу Аллаха. Для человека нерелигиозного – это безумие. И может ли это кончиться само по себе? Факты говорят за себя: у них есть только одна цель – убить возможно большее число людей, чтобы подорвать таким образом власть сатаны. И никакой ответственности: есть только один моральный критерий, и этот критерий – Бог». Восторженные и убежденные, что они выполняют волю Божью, террористы-фанатики лишены какого-либо морального самоограничения. Они ограничены только своими возможностями.

Современный терроризм представляет не только угрозу безопасности отдельных политических или общественных деятелей, организаций, государств. Принимая во внимание глобальные масштабы и размах терроризма сегодня, можно с полной определенностью утверждать, что он представляет смертельную опасность для всего человечества. Известными фактами являются попытки отравления водопроводной воды, распыления радиоактивных веществ, применение оружия массового поражения в метро, угрозы применения горчичного газа, бациллы сибирской язвы, распространение которой может сравниться по количеству жертв с действием термоядерного оружия. Террористами также была создана подпольная лаборатория по производству палочки ботулинуса, 200 граммов которого достаточно для уничтожения всего живого на планете: не раз предпринимались попытки проникнуть на ядерные объекты, получить доступ к химическому и бактериологическому оружию.

Таким образом, для решения вышеизложенной проблемы представляется необходимым совершенствование национального уголовного законодательства, ужесточение санкций по отношению к государствам, поддерживающим терроризм, координация усилий и тесное сотрудничество всех международных организаций по борьбе с терроризмом.

Терроризм процветает, когда общество переживает глубокий кризис, в первую очередь кризис идеологии и государственно-правовой системы. Появляются различные оппозиционные группы – политические, социальные, национальные, религиозные, – для которых становится сомнительной законность существующей власти. Терроризм имеет тенденцию к росту именно в переходные периоды и этапы жизни общества, когда в нем создается определенная эмоциональная атмосфера, а неустойчивость является основной характеристикой базовых отношений и социальных связей. Это становится благодатной почвой для возвращения насилия и агрессивности и приводит к тому, что та или иная экономическая, этническая, социальная, религиозная или другая группа пытается навязать свою волю, используя при этом в качестве инструмента реализации своих устремлений насилие.

Проблема терроризма приобретает особую остроту во время социальных конфликтов, которые являются провоцирующим фактором террористического поведения. В свою очередь, причиной возникновения конфликтных ситуаций является переходный период, коренное изменение социально-политического и экономического устройства общества.

Рассмотрим наиболее существенные причины, порождающие терроризм, на примере России. Переходный период, отягощенный тяжелым экономическим кризисом, создал условия социального противостояния, сформировал особое состояние массового сознания, для которого характерна неадекватная оценка реальной действительности. Широкое распространение получили настроения неуверенности, неоправдавшихся ожиданий, социального страха, озлобленности и агрессивности. В этих условиях легко воспринимаются экстремистские призывы к акциям протеста. Нищета, безработица, безысходность, крайняя дифференциация населения по уровню доходов, слабость государственной власти, ее неспособность обеспечить безопасность личности и имущества приводят к тому, что культ насилия начинает стремительно прокладывать себе дорогу, и экстремизм в этих условиях становится неотъемлемой частью менталитета общества. Утрата людьми уверенности в своем настоящем и будущем, разрушение всех идеалов бывшего советского общества, царящая атмосфера насилия и жестокости, культивируемая средствами массовой информации, создают весьма благоприятные условия для роста преступности, а терроризм приобретает масштабы национального бедствия.

Не стоит забывать и о том, что Россия обладает уникальными геополитическими характеристиками: необъятность территории, многонациональный характер населения, несходство традиций и обычаев наций и народностей, неравномерность регионального социально-экономического развития. Все это, безусловно, сказывается на общественной стабильности, способствует нарушениям безопасности граждан. На территории России проживают миллионы мусульман, основная часть которых исповедует радикальные течения, связанные с проявлениями насилия и особой жестокости. У ряда народов и этнических групп России на-

силе, экстремистские и террористические методы решения проблем часто являются элементами национальной культуры и религии.

Фактором, способствующим активизации терроризма в России в постсоветский период, явилось и разрушение административно-командной системы. Интересным представляется тот факт, что распространенный в советское время тезис о существовании терроризма в международных отношениях в капиталистических странах и лишь отдельных террористических акций в социалистических странах, соответствовал действительности, так как мировой опыт свидетельствует о том, что общество демократического типа создает более благоприятные условия для террористической деятельности, чем административно-командная система с ее жестким контролем как за поведением отдельной личности, так и за функционированием всех общественно-политических институтов. Из этого можно сделать вывод, что разрушение административно-командной системы и демократизация общества могут способствовать усилению политического экстремизма и терроризма. Особенно уязвимым с этой точки зрения является переходный период, сопровождающийся ломкой старых и формированием новых государственных структур, усилением элемента нестабильности, резким обострением внутренних противоречий, основанных на нерешенных социально-экономических, национальных, религиозных и других проблемах, появлением различного рода негативных явлений. Переходный период опасен также потерей частью российского общества нравственных и социальных ориентиров, что зачастую приводит к стремлению решить те или иные проблемы с помощью насилия.

Следует отметить и все возрастающее влияние различных экстремистских структур из-за рубежа на так называемые «горячие точки», отдельные группы населения России – беженцев или эмигрантов из других стран, и поощрение нестабильности и сепаратизма в России западными спецслужбами. Некоторые общественно-политические, национальные, религиозно-политические объединения допускают использование насильственных методов борьбы для достижения своих конкретных политических целей, создают незаконные вооруженные формирования. В политическую практику таких организаций в отдельных регионах входит и непосредственное применение методов насилия для запугивания и устрашения политических оппонентов, оказания определенного давления на органы государственной власти, дестабилизации политической обстановки, срыва принимаемых властями усилий по урегулированию конфликтов. Все чаще раздаются угрозы уничтожить объекты жизнеобеспечения, жилой фонд, промышленные предприятия. Даже без выдвижения требований политического характера такие акции могут резко дестабилизировать политическую обстановку, стать причиной организованных или стихийных противоправных массовых выступлений.

Растет масштаб незаконного оборота в России различных видов оружия, что является важнейшей предпосылкой увеличения числа террористических проявлений, усиления их общественной опасности. О размахе терроризма может свидетельствовать сводка МВД России по результатам операции «Вихрь-Антитеррор», проведенная на объектах транспорта в октябре 1999 г.: «в течение нескольких дней из незаконного оборота было изъято около 200 единиц огнестрельного оружия, свыше 38 тыс боеприпасов, 50 взрывных устройств. Сотрудниками Ми-

нераловодского УВДТ обнаружен находящийся в помещении акционерного общества подпольный склад хранения 2 тонн взрывчатых веществ. На вокзале станции Волгоград-1 задержана местная жительница с пятью взрывпакетами и 80 патронами различного калибра. В лесу, под Котовском Тамбовской области, обнаружен склад взрывчатых веществ – 453 кг тола и гексогена, в Москве в разных местах – несколько тонн взрывчатки, предназначенной для совершения терактов». И это лишь официальная статистика! Невозможно даже представить, сколько еще средств и орудий совершения террористических актов находится в руках преступников и дельцов преступного оружейного бизнеса.

Весьма негативным фактором являются и социальные противоречия, присущие современной российской действительности:

1) противоречия, обусловленные расколом общества на группы с различным экономическим положением. Замедлился процесс формирования среднего слоя, который создает основу социальной стабильности, увеличилось число люмпенов, пополняющих криминальные группы различного толка. Затем последовали отток активной части населения из приоритетных сфер жизнедеятельности (производства, науки, образования), возрастание социальной вражды и агрессивности, обвальный рост преступности, прежде всего тех видов преступлений, которые связаны с насилием против личности;

2) противоречия, обусловленные углублением национальных, религиозных, региональных и иных конфликтов;

3) противоречия, обусловленные разрушением сложившейся и отсутствием новой эффективной системы социальных гарантий жизни населения. При этом сказывается действие таких факторов, как рост социальной неудовлетворенности, формирование в связи с этим настроений социальной отчужденности, усиление иждивенчества со стороны значительной части общества, постепенное втягивание определенной части населения в криминальные отношения; в связи с материальной и финансовой неустроенностью, бытовыми сложностями для военнослужащих, массовыми увольнениями из вооруженных сил и органов внутренних дел, разведки и контрразведки формируется отрицательный социальный потенциал в среде военнослужащих, и, как следствие, происходит падение престижа армии, органов внутренних дел, рост преступности среди военнослужащих, переход в криминальные структуры многих профессионалов из МО, МВД, ФСБ.

Все вышеперечисленные противоречия привели к следующим неблагоприятным последствиям:

- формирование очагов социальной напряженности и противоборства, способных легко перейти в стадию открытого конфликта с активным применением форм насилия, в том числе и террора;
- снижение эффективности деятельности правоохранительных органов и возрастание угрозы безопасности личности и имущества;
- утрата государством контроля над экономическими и финансовыми ресурсами страны, оборотом оружия;
- проникновение в Россию и деятельность на ее территории зарубежных экстремистских террористических организаций и религиозных сект («Хесболлах», «Братья-мусульмане» и пр.);

- обострение криминогенной обстановки и распространение правового нигилизма;
- усиление влияния лидеров организованной преступности на развитие и обострение противоборства, дестабилизации общества;
- усиление миграции населения, нарастание волны беженцев, что влечет за собой тяжелые экономические и социальные последствия и создает новые очаги напряженности в различных регионах, местах поселения беженцев. Лишенные социальной и материальной основы жизни, они становятся одной из самых опасных социальных групп пополнения криминальных группировок, входят в наиболее организованные и жестокие преступные группировки, построенные на этнической основе;
- отсутствие контроля за распространением способов террористической деятельности через информационные сети и публикация пособий по изготовлению взрывчатых веществ, организации взрывов.

Совершенствование информационных технологий расширяет возможности пропаганды идей терроризма, распространения современных технологических приемов организации и проведения террористических акций.

Кроме перечисленных, существуют и другие факторы, служащие благоприятной почвой для развития терроризма не только в России, но и за ее пределами.

Это, в первую очередь, экономические факторы. Именно они, по мнению многих юристов и социологов, являются главной предпосылкой возникновения терроризма во всех его проявлениях. Экономический кризис ущемляет интересы средних слоев населения, которые при этом могут создавать своим поведением политическую нестабильность, устраивая забастовки, пикеты, перекрытия транспортных магистралей. Безработица молодежи объединяет ее в группы, а наличие большого количества свободного времени приводит к тому, что для молодежи участие в делах группы становится основной формой деятельности. А при наличии определенных личных качеств (отсутствие трудолюбия, желание быстро разбогатеть, привлечь к себе внимание хоть на некоторое время, стать популярным в своей среде) может побудить человека к активной террористической деятельности.

Негативное воздействие оказывают и противоречия в политических отношениях, среди которых принципиальное значение имеют:

- противоречия между демократическими конституционными принципами и реальной практикой;
- противоречия, вытекающие из продолжающегося процесса политического размежевания общества, формирования социальных групп и слоев с противоположными политическими интересами;
- противоречия, порожденные отчужденностью между властью и населением;
- противоречия, вызванные ослаблением социально-экономических и культурных связей между центром и регионами, а также между отдельными регионами.

Вся совокупность социальных, экономических, политических и иных противоречий дополняется противоречиями в духовной сфере, влекущими за собой деградацию духовной жизни общества, разрушение исторических, культурных, нравственных традиций, гуманистических ценностей, утверждение культа индивидуализма, эгоизма, жестокости и насилия, неверие в способность государства защитить своих гражд-

дан, формирование в обществе настроений национального унижения и обесценивание таких понятий, как долг, достоинство, честь, верность Отечеству, т. е. потерю идеологии государственности. Именно при возникновении таких явлений происходит «героизация» уголовных авторитетов, бандитов и террористов.

Особого внимания заслуживают и психологические аспекты проблемы терроризма. Их анализ нужен для объяснения не только конкретного террористического акта и его причин, но и всего явления терроризма в целом. Знание психологии терроризма позволяет понять: от кого можно ожидать соответствующих действий, что представляет собой террорист как личность, как предупреждать и расследовать преступления, связанные с террором, как наказывать виновных. Основу психологического познания терроризма составляет анализ мотивов этого преступления. Возникает вопрос: какую выгоду получает виновный от совершения соответствующего акта, в том числе и в тех случаях, когда он действует за материальное вознаграждение? Ведь корыстные стимулы лишь внешне выглядят естественными мотивами, а под ними, в глубине, на бессознательном уровне, функционируют еще и другие, не менее мощные побуждения, которые достаточно часто являются ведущими.

Итак, непосредственные причины обращения к террористической деятельности:

- причины психопатологического характера. Современные ученые-психологи ведут дискуссии относительно преобладания среди террористов нормальных людей или же людей с психическими отклонениями. Большинство исследователей склоняются к первому;
- мотивы самоутверждения, молодежной романтики и героики, придания своей деятельности особой значимости, преодоления отчуждения, обезличивания, стандартизации;
- корыстные мотивы, которые могут вытеснять идейные или переплетаться с ними. Кроме того, некоторых людей просто нанимают для совершения террористических актов;
- очень часто терроризм является результатом «железного» убеждения в обладании естественной, высшей, окончательной истиной, уникальным рецептом «спасения» своего народа или даже всего человечества («идейный абсолютизм»).

Приведенная типология далека от совершенства. Некоторые ее пункты переплетаются. Так, «идейный абсолютизм» может сопрягаться с корыстной заинтересованностью или быть присущим лицам с психическими отклонениями. Однако представление о мотивах террористической деятельности, пусть даже логически не слишком строгое, необходимо не только в исследовательских, но и в практических целях.

Тем не менее, следует заметить, что корни терроризма находятся не столько в психологии, сколько в политических, экономических и иных социальных отношениях. И террористической деятельностью люди занимаются не в силу психологических аномалий (хотя они, как уже отмечалось, могут иметь место). Важнейшими причинами являются все же аномалии политические, территориальные, идеологические, религиозные. Углубляющийся социальный, экономический, духовный и политический кризис, ослабление правопорядка порождают новые противоречия, для разрешения которых отдельные лица и организации все чаще прибегают к насилию. Разрушая и убивая, террористы преследуют определенные

венной власти могут и должны осуществлять противодействие экстремистской деятельности. Эта система включает в себя нормы запретительного, охранительного и уполномочивающего характера.

Можно выделить некоторые критерии эффективности рассматриваемых здесь мер уголовно-правового воздействия на экстремистскую деятельность:

I. Уголовно-правовые меры предупреждения экстремистских проявлений и сопутствующих им преступлений заключаются в воспитательном воздействии на неустойчивых и иных лиц и не связаны с применением уголовной ответственности. Исключение составляет побуждение правонарушителей к деятельному раскаянию (п. «и» ч. 1 ст. 61, ст. 75, примечания к ст. 205, 205¹, 208, 210, 282, 282¹ УК РФ). К числу указанных мер относятся:

1) пропаганда уголовного законодательства – доведение до сведения граждан содержания уголовных законов и убеждение их в правдивости этих законов. Минимальная профилактическая цель пропаганды уголовных законов – удержать неустойчивых лиц от совершения преступлений экстремистской направленности путем устрашения возможным наказанием или убеждением в нецелесообразности совершения таких преступлений; максимальная цель – предупреждение экстремизма путем воспитания у граждан убеждения справедливости законов и готовности соблюдать их;

2) официальное предостережение потенциальных правонарушителей, осуществляемое уполномоченным на то представителем власти, выражается в предупреждении гражданина, проявившего намерение к осуществлению экстремистской деятельности или стремление совершить соответствующее преступление, об уголовной ответственности за его реализацию;

3) побуждение правонарушителей к добровольному отказу от завершения начатых преступлений осуществляется правоохранительными органами на основании ст. 31 УК РФ, согласно которой лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, освобождается от уголовной ответственности за совершение, приготовление или покушение на преступление;

4) побуждение правонарушителей к деятельному раскаянию осуществляется правоохранительными органами на основании следующих уголовно-правовых норм: а) на основании специальных норм Особенной части уголовного права, освобождающих от уголовной ответственности за совершенные преступления лиц, проявивших деятельное раскаяние в предусмотренных законом формах (например, примечания к ст. 205, 205¹, 208 и др. УК РФ); б) на основании норм Общей части уголовного права, признающих смягчающими обстоятельствами предотвращение виновным других последствий совершенного преступления или добровольное возмещение населению ущерба, или устранения причиненного вреда, а также чистосердечное раскаяние или явка с повинной, или активное содействие раскрытию преступления (п. «и» ч. 1 ст. 61, ст. 75 УК РФ).

II. Уголовно-правовые меры пресечения экстремистской деятельности и сопутствующих ей преступлений отличаются тем, что профилактические цели (предотвращение вредных последствий преступного деяния, лишение правонарушителя возможности продолжать преступную деятельность и т. п.) достигаются путем применения к правонарушителям правомерного насилия (необходимой обороны, задержания

преступника) и уголовно-правового принуждения (привлечения к уголовной ответственности за приготовление или покушение на преступление или за оконченное менее тяжкое, по сравнению с предупрежденным, преступление).

Пресечение преступлений и привлечение лиц, осуществляющих экстремистскую деятельность, к уголовной ответственности за предварительную преступную деятельность реализуется на основании ст. 30 УК РФ, предусматривающей наказуемость общественно опасных приготовлений к преступлению и покушение на преступление.

III. Уголовно-правовые меры реализации уголовной ответственности экстремистов – деятельность правоохранительных органов, обеспечивающих выявление анализируемых преступлений, правонарушителей и применение к ним параллельного уголовно-правового и пенитенциарного воздействия – осуждения и наказания с целью охраны господствующих интересов, благ и общественных отношений.

IV. Иные меры воздействия на преступность экстремистского характера, содействующие достижению целей уголовной ответственности, но не укладывающиеся в рамки рассмотренных групп, хотя и обладают рядом их признаков. Например, к числу этих признаков относится применение процессуальных мер пресечения в отношении подозреваемых и обвиняемых в экстремистской деятельности, которое регламентируется уголовно-процессуальным законодательством и уголовным законодательством.

Другие меры уголовно-правового воздействия необходимы и возможны в процессе борьбы с отдельными видами экстремистских преступлений и отдельными категориями правонарушителей, притом нередко при наличии определенных условий. И, что особенно важно, содержание каждой меры уголовно-правового воздействия на отдельные виды экстремистских преступлений и категорий правонарушителей приобретают, как правило, специфику, порождаемую особенностями их различных форм.

А.А.Е.Е.Р.Н.

УрЮИ МВД России

*Ê Ā Ī Ī DĪ ÑÓ Ī ÊDÈĪ ÊĪ Ī ÊĪ ĀÈ × Ā Ñ Ê Ī Ê Õ Ā D Ā Ê Õ Ā D È Ñ Õ Ê Ē Ā
Û È Ñ Õ D Ā Ī È Ñ Õ Ê Ī Ê Ī D Ā Ñ Õ Ó Ī Ī Ī Ñ Õ È*

Одним из новых видов преступности, который вызывает все большую обеспокоенность правоохранительных органов, является экстремистская преступность. Проводившиеся ранее исследования были посвящены анализу понятия «экстремизм», его видам и мерам предупреждения¹. Мне бы хотелось обратить

¹ Забарчук Е. Л. Религиозный экстремизм как одна из угроз российской государственности // Журнал российского права. 2008. № 6; Лапаева В. В. Политический и религиозный экстремизм: проблемы совершенствования законодательства // Законодательство и экономика. 2001. № 10. С. 5; Мельник Т. Е. Приостановление и запрет деятельности общественных объединений: направления совершенствования // Журнал российского права. 2003. № 4; Каширкина А. А. Международно-правовое сотрудничество государств в борьбе с экстремизмом // Журнал российского права. 2007. № 12; Бирюков В. В. Опасность экстремизма и возможности уголовно-правовых мер борьбы с ним // Адвокат. 2007. № 9; Устинов В. Создать общегосударственную систему предупреждения и пресечения экстремизма // Российская юстиция. 2003. № 1.

внимание на криминологическую характеристику экстремистской преступности, поскольку это является важным вопросом при комплексном разрешении проблем предупреждения экстремизма.

Yéñò dàì èfò òrèy' i dàfò óí' ífò ú – это совокупность преступлений и лиц их совершивших, посягающих на жизнь и здоровье, конституционные права человека, общественный порядок и общественную безопасность, нормальные отношения в сфере сохранения конституционного строя и безопасности государства, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы в определенных пространственно-временных границах.

В зависимости от родового объекта уголовно-правовой охраны преступления экстремистской направленности подразделяются на три группы:

Преступления, против личности:

- п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ – убийство по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;
- п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ – умышленное причинение тяжкого вреда здоровью по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;
- п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ – умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;
- ч. 2 ст. 115 УК РФ – умышленное причинение легкого вреда здоровью, совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;
- п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ – побои, нанесенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;
- п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ – истязание, совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;
- ч. 2 ст. 119 УК РФ – угроза убийством по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы;
- ст. 148 УК РФ – воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий;
- ст. 149 УК РФ – воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них;

- ч. 4 ст. 150 УК РФ – вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Преступления, против общественного порядка и общественной безопасности:

- п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ – хулиганство;
- ч. 2 ст. 214 УК РФ – вандализм;
- ст. 243 УК РФ – уничтожение или повреждение памятников истории и культуры;
- п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ – надругательство над телами умерших и местами их захоронения.

Преступления против государственной власти:

- ст. 280 УК РФ – публичные призывы к осуществлению экстремисткой деятельности;
- ст. 282 УК РФ – возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства;
- ст. 282¹ УК РФ – организация экстремистского сообщества;
- ст. 282² УК РФ – организация деятельности экстремистской организации.

Объектами этих преступлений являются: жизнь и здоровье, конституционные права человека, общественный порядок и общественная безопасность, нормальные отношения в сфере сохранения конституционного строя и безопасности государства.

С объективной стороны деяния совершаются в форме действия, реже бездействия.

Преступления совершаются умышленно.

Самым важным, объединяющим признаком рассматриваемых преступлений, является мотив – политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная ненависть или вражда либо ненависть или вражда в отношении какой-либо социальной группы.

В связи с тем, что содержание мотива преступлений экстремисткой направленности нигде в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ не раскрывается, считая, что следует обратиться к энциклопедическим источникам.

Ī ĭă ĭĭëëòè-ăĭĕĭé ĭăĭăëĭñòĭř èëè âđăæăĭé понимается чувство сильной злобы и неприязни к лицам, принадлежащим к определенной партии, организации, общественной группировке в связи с их целями деятельности, а также к органам государственной власти и государственного управления в связи с их деятельностью¹.

Ī ĭă èăăĭĕĭăë-ăĭĕĭé ĭăĭăëĭñòĭř èëè âđăæăĭé понимается чувство сильной злобы и неприязни к какой-либо социальной группе, классу, политической партии, обществу в связи с их приверженностью к определенным взглядам и идеям².

Ī ĭă ĭăöëĭĭăëĭĭĭé ĭăĭăëĭñòĭř èëè âđăæăĭé понимается чувство сильной злобы и неприязни к лицам, принадлежащим к определенной социальной группе,

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 570.

² Там же. С. 241.

т.е. устойчивой общности людей, которая сложилась исторически в процессе формирования *общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры и духовного облика*¹.

Í îä ääñäîé íáíäññöüþ èëè ääæäîé понимается чувство сильной злобы и неприязни к лицам, принадлежащим к исторически сложившейся группе человечества, объединенной общностью *наследственных физических признаков* (цветом кожи, глаз, волос, формой черепа и др.), обусловленных общностью происхождения и первоначального расселения, например, европеоидная, монголоидная, негроидная расы².

Í îä ääëëñîçîîé íáíäññöüþ èëè ääæäîé понимается чувство сильной злобы и неприязни к лицам, *исповедующим ту или иную религию*.

Эти преступления отличаются повышенной искусственной латентностью, так как выявляются в результате независимой экспертизы с привлечением специалиста, например, ст. 282 УК РФ.

Субъекты преступлений – несовершеннолетние и молодые люди. Они осуществляют свою деятельность, как правило, в группе или организованной группе (преступном сообществе).

Экстремистская преступность в большинстве своем является преступностью крупных городов. Совершаются преступления в общественных местах: метро, на рынках и т. д., в вечернее время.

Способом достижения преступного результата может быть применение как физического (например, побои), так и психического насилия (угроза причинить физическое насилие, клевета, оскорбление), так как понятие «экстремизм» включает в себя следующие действия:

1. насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации;
2. публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;
3. возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;
4. пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
5. нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;
6. воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;
7. воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;
8. совершение преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ;

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 408.

² Там же. С. 679.

9. пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения;

10. публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

11. публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

12. организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

13. финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг¹.

Характерной особенностью экстремистских преступлений является низкая раскрываемость. У практических работников существуют сложности в отграничении исследуемых преступлений от смежных деяний, например, от убийства в драке. Еще одной проблемой можно назвать поиск фигурантов по уголовному делу, так как, если потерпевшие – случайные люди и преступников поймать по горячим следам не удалось, то отсутствует связь между жертвой и нападающими.

Особое внимание криминологов заслуживают жертвы экстремистских преступлений. Это, как правило, полностью невиновные лица, ранее не знакомые с преступниками, случайно оказавшиеся на месте преступления. Среди основных признаков жертв следует назвать особенности внешности, например, черный цвет волос, смуглая кожа, черные глаза, т. е. не европейская внешность. Возраст и пол значения не имеют. Это могут быть как мужчины, так и женщины и даже дети.

Преступники тщательно планируют свои преступления, приобретают оружие, выслеживают «подходящую» жертву, нападают группой. Лица, совершающие экстремистские преступления, имеют особенности во внешнем виде (например, используют фашистскую символику в одежде, обуваются в берцы, носят характерные стрижки и др.).

Статистические данные по преступлениям экстремисткой направленности позволяют сделать вывод, что за четыре года с 2004 г. по 2007 г. число рассматриваемых противоправных деяний в России увеличилось в 2,5 раза, а Свердловской области – в 2 раза. В 2007 г. темп прироста в России составил 35,4 %, в Свердловской области – 18,2 %.

¹ О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. Ст. 1 (с изм. от 27 июля 2006 г., 10 мая, 24 июля 2007 г., 29 апреля 2008 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

Под созданием экстремистского сообщества следует понимать организованную группу, создаваемую для подготовки и совершения по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной и религиозной ненависти или вражды, а равно по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы преступлений экстремистской направленности, предусмотренных ст. 148, 149, 213, 214 УК РФ. Создаваясь для совершения преступлений экстремистской направленности, данное сообщество воспринимается как разновидность преступной организации. Поэтому если преступное сообщество наряду с общеуголовными преступлениями станет планировать и совершение деяний, содержащих признаки экстремизма, то это должно повлечь уголовно-правовую оценку содеянного по совокупности ст. 210 и ст. 282¹ УК РФ. В случае если экстремистским сообществом фактически совершается одно или несколько преступных деяний, то каждое из них должно квалифицироваться самостоятельно по совокупности со ст. 282¹ УК РФ.

Признаками экстремистского сообщества являются: его организованность, включающая в себя совокупность таких элементов, как наличие устава, руководителя (лидера) или руководящего ядра; сплоченность ее участников вокруг своих руководителей; наличие определенной структуры (например, центра и региональных подразделений), символики, а также дисциплины, основанной на собственных нормах поведения, и системы мер воздействия за ее нарушение; устойчивость, о чем может свидетельствовать длительность ее существования. Как правило, экстремистские организации существуют не обособленно, а образуют коалиции, создавая сообщество, объединенное вокруг единого центра на основе определенной идеологии. В качестве примера можно назвать создание группировок националистической или профашистской ориентации. Также к экстремистским относятся некоторые религиозные объединения и тоталитарные секты, такие как Аум Сенрикэ, Белое Братство.

Создание экстремистского сообщества является окончательным независимо от того, были ли совершены планировавшиеся им преступления. Вопрос о признании зарегистрированного общественного объединения экстремистским решается судом в порядке гражданского судопроизводства.

Характерной особенностью большинства экстремистских организаций является отсутствие сведений об их деятельности, закрытость информации о программных документах. Практика свидетельствует о том, что экстремистские организации обычно не включают в свои уставы запрещенные Конституцией РФ и законами виды деятельности, однако занимаются ими.

Во многом успешное раскрытие и расследование преступлений указанной категории зависит от полноты и качества документирования экстремистской деятельности. Основной целью такого документирования является не только получение каких-либо важных сведений о лицах, событиях, связанных с экстремизмом, проверка их достоверности, но и их фиксация в целях дальнейшего использования в ходе доказывания процессуальными способами.

При документировании обеспечивается выявление и закрепление фактических данных: относящихся к событию преступления; о причастности выявленных лиц к приготовлению, покушению или совершению преступления; иных лицах,

причастных к преступлению; местонахождении орудий преступления, иных предметов, имеющих доказательственное значение; характере и размере причиненного ущерба; иных обстоятельствах, имеющих значение для раскрытия и расследования преступления, а также розыска скрывшегося преступника.

Кроме того, устанавливаются свидетели преступления, выявляются и изымаются с принятием мер к их сохранности предметы и документы, могущие быть доказательствами преступной деятельности, фиксируются действия виновных лиц путем применения аудио-, видеозаписи, фотографирования; обеспечивается обнаружение, фиксация и изъятие следов преступления и т. д.

В случае подключения следователя к работе на стадии оперативной разработки¹, оперативные материалы ему предоставляются для оказания органу дознания методической помощи с момента ведения дел оперативного учета. Наиболее эффективные результаты достигаются в случаях, когда следователи, помимо дачи заключения о наличии или отсутствии состава преступления, участвуют в обсуждении материалов, разработке совместных планов оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, решении организационных вопросов.

Залог качественного расследования уголовных дел об организации экстремистского сообщества во многом зависит от тесного взаимодействия с оперативными подразделениями МВД России и Управлением Федеральной службы безопасности с применением всего комплекса оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление преступной деятельности. Вместе с тем действующее законодательство, регламентирующее проведение оперативно-розыскных мероприятий, не позволяет в полном объеме использовать весь потенциал оперативно-розыскных мероприятий. Так, ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» разрешает прослушивание телефонных и иных переговоров только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении тяжких или особо тяжких преступлений. В то же время преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 282¹ УК РФ, отнесено к категории преступлений средней тяжести. Потому оперативные службы при проведении оперативно-розыскных мероприятий, имея технические возможности, значительно ограничены в их реализации².

Учитывая вышесказанное, следует констатировать, что проблема организации экстремистских сообществ в России ежегодно обостряется, превращается в общегосударственную, связанную с обеспечением национальной безопасности страны в целом, и поэтому необходимо ужесточить санкции за данный вид преступления. Эффективность борьбы с организацией экстремистских сообществ зависит не только от деятельности и взаимодействия компетентных органов внутри Российского государства, но и от совместных усилий всего мирового сообщества.

¹ В порядке, определенном Временной инструкцией об особенностях взаимодействия подразделений органов предварительного следствия по расследованию организованной преступной деятельности и оперативных подразделений криминальной милиции, утвержденной приказом МВД России от 7 марта 2002 г. № 215.

² Рязанов Э. Расследование участия в деятельности экстремистской организации // Законность. 2007. № 2. С. 21–22.

Александр П. А.

УрГУ,

Норейтат А.

УрЮИ МВД России

ЭААТ УЕНОВАТ ЕНОНЕАВ АТ ЕОДЕТА: НТ ОЕАЕУТ Т-ОЕЕТ НТ ОНЕЕЕ АТ АЕЕС

Левая идеология всегда отличалась склонностью к насильственным действиям, поскольку возникла как оппозиция «старой», традиционной, правой идеологии. «Левые» исходят из возможности активного преобразования человечеством окружающего мира. Поэтому следует признать, что левые радикалы, обращаясь к экстремистским средствам достижения политических идей, последовательно реализуют свои мировоззренческие установки.

Политолог и публицист Марк Радужский отмечает, что левая идеология имеет в своей основе вполне определенные религиозно-мировоззренческие корни: «В широком понимании левая идеология отражает мировоззрение, согласно которому человек в состоянии изменять основы объективного мира. Ее апологеты получали микроорганизмы из грязи и новые способы производства из смеси божков и насилия, они смело создавали новые народы и уничтожали старые. “Мы свой, мы новый мир построим” – пели самые откровенные из них. Менее откровенные маскировались и маскируются под что угодно: под демократов и либералов, под националистов и религиозных. Однако их всегда выдает вера в собственную способность создать новый мир, или по крайней мере какую-то его часть».¹ Левая идеология архаически воспроизводит религиозную модель язычества.

«Язычество» – термин достаточно условный и не выражает всей сути данного религиозного феномена. В переводе со старославянского «языцы» – это народ, таким образом, язычество – племенная, этническая религия. Религиозная суть язычества в том, что она является одной из первых моделей, в рамках которой человек определяет свои взаимоотношения с окружающим миром пытается изменять окружающий мир. Для этого человеку было достаточно заключить соглашение, компромисс с одним из божеств, руководящим грозными и непонятными силами окружающей природы.

Противоположной религиозно-мировоззренческой моделью является Ветхозаветное отношение человека и мира. Ветхозаветная монотеистическая вера (которая дала начало иудаизму и христианству) утверждает, что окружающий человека мир, человек и общество существуют по единым объективным законам, и человек не в силах изменить эти законы, а может только научиться ими пользоваться. «Левое» мировоззрение имеет в своей основе «языческое» осуществление своей власти над миром. В ходе исторического прогресса научного знания человечество пришло к осознанию объективности законов физического мира, а кровавая история «левых» режимов должна убедить человечество в объективности социально-экономических законов.

Современный российский политолог и историк религии Александр Дугин, работающий в культурологической парадигме исследования политических идеоло-

¹ Радужский М. Левая идеология – примитивизм язычества // www.zionet.co.il/maof (Radutsky).

гий, называет «левую» политическую позицию «идеологией волшебной материи» или «мистическим материализмом». Данный тип идеологии воспроизводит религиозно-мировоззренческую модель абсолютного пантеизма или чистого атеизма. Человек, в рамках данной модели, рассматривается как часть мира (космоса) и как его зеркальное отражение. Космос отождествляется со своей причиной, т. е. обожествляется. Поэтому синонимом пантеизма можно назвать космизм. (Отметим любопытный факт, что философское учение русского космизма в лице многих своих представителей Н. Федорова, А. Чижевского, Н. Вернадского, К. Циолковского так или иначе симпатизировало коммунистическим идеям).

Для данной идеологической конструкции характерен и эволюционизм, т. е. идея постепенного и однонаправленного изменения качества мироздания в сторону совершенства, причем этот процесс носит объективный и закономерный характер. Поэтому субъектом эволюции является не «герой», не «сверхчеловек», а человек как воплощение родовых качеств. Философ-марксист Д. Лукач в своей онтологии рассматривает фигуру пролетария как человека-машину, «зеркало эволюции», в котором совпадают субъект и объект. А в соответствии с концепцией «ноосферы» Н. Вернадского, разум является воплощением, зеркалом внешнего мира. В таком радикально материалистическом учении отсутствует понятие духовной иерархии, кастового устройства общества, что выражается в идее «равенства». Отсюда вытекает и учение о «диктатуре пролетариата» как особой роли обездоленных и «нищих духом».

Таким образом, в левой политической доктрине прослеживаются религиозно-мировоззренческие корни. «Левое» возникает как отрицание, оппозиция «правому», разрушение старого мира и традиции. Первыми «левыми» можно считать «якобинцев» – деятелей Французской революции, находившихся у власти в 1793–1794 гг. Свое наименование они получили от названия политического клуба, располагавшегося в бывшей библиотеке католического ордена доминиканцев (по-французски – *jacobins*), что уже само по себе является символичным. Великая Французская революция носила ярко выраженный антиклерикальный, антирелигиозный характер, достаточно вспомнить известные слова Вольтера – «раздавите гадину» (имелась ввиду католическая церковь).

Пришедшие к власти путем народного восстания 1793 г. Марат, Дантон, Робеспьер провозгласили республику, политическую свободу и народный суверенитет. Однако де-факто была установлена первая в истории левая, якобинская диктатура, вся полнота власти была сосредоточена в руках Конвента, были созданы чрезвычайные (т. е. экстремальные) карательные органы – комитет общественной безопасности и Революционный Трибунал. Свобода обернулась государственными репрессиями и террором якобинской диктатуры, просуществовавшей менее года (с июля 1793 г. – по июнь 1794 г.). Но пример якобинцев вдохновлял впоследствии многие поколения «левых» революционеров: народовольцев, меньшевиков, большевиков.

Вопрос заключается в следующем: была ли декларация свободы, равенства и братства лишь благим намерением или тактическим шагом? Совместима ли идеология освобождения обездоленных и угнетенных с последующим террором и репрессиями? Нам представляется, что крайне экстремальные средства политической дея-

тельности логически следуют из «левого» мировоззрения и являются частью как левой идеологии в целом, так и политической доктрины левоэкстремизма.

Насилие является сердцевинной всякой революции. Революция – это тотальный переворот (не путайте просто с захватом власти), так как рождение нового всегда происходит за счет смерти старого: «Весь мир насилья мы разрушим до основания, а затем мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем». Революция не может не быть радикальной, так как затрагивает корни общественного устройства. Но когда Революция совершена, то право на насилие переходит от революционеров к государственным чиновникам, и революционное насилие превращается в государственный террор и репрессии. Это всегда является трагедией для истинных революционеров, потому что речь идет не просто об удалении с ведущих ролей определенных личностей, а об изменении характера политической доктрины. Данная проблема волновала Льва Давидовича Троцкого еще задолго до того, как его самого постигла подобная печальная участь. Троцкий хотел предотвратить перерождение Революции в Систему, и поэтому создал теорию «перманентной революции» как непрерывной революционной войны и радикальных преобразований.

Итак, политический экстремизм – это категория, описывающая деятельностный аспект феномена политического радикализма. Деятельностная сторона левой идеологии выражается в насилии, о чем прямо заявляется в «евангелии коммунизма» – Манифесте коммунистической партии.

На теоретическом уровне исследованиями легитимации политического насилия занимался известный левый философ-анархист Жорж Сорель. Данной проблеме посвящен его главный труд «Размышление о насилии» (1906). Сорель сразу же пытается выделить насилие, применяемое в борьбе за социализм, в качестве отдельного феномена, противопоставив его любым другим формам физической агрессивности в обществе. Идея насилия у Сореля связана с идеей «пролетариата» как монополиста этого насилия и идеей «всеобщей политической стачки», являющейся главным оружием революции. «Всеобщая стачка» есть проявление политического насилия со стороны пролетариата, которое рассматривается как ведение настоящих боевых действий. Сорель подчеркивает, что в настоящей, классической, войне отсутствует ненависть и мстительность, на нормальной войне побежденных не убивают. Причем физическое насилие совсем не обязательно должно присутствовать в «стачке». Насилие выражается, прежде всего, в демонстрации военной мощи пролетариата. Смерть и уничтожение являются побочным следствием такого насилия, но не его сущностью. В отличие от грубого, «полицейско-армейского» насилия буржуазии пролетарское насилие имеет рыцарские черты. Анж Сампьеру считает, что «сорелевское насилие есть лишь утверждение твердой позиции, решительного противостояния врагу. Кроме того, насилие – это идея, которая способствует мобилизации и действию, проистекающему из этой мобилизации»¹.

Насилие – это, прежде всего действие, поэтому Сорель искренне презирал план интеллигенции как неспособной к таковому. Интеллигенты боятся реальной битвы, а если все таки оказываются у власти, то творят садистское, патологическое и бессмысленное насилие. Это объясняется тем, что они неспособны сплю-

¹ Сампьеру А. Сорель Ж. Социализм и насилие // Элементы. 1998. № 9; www.arctogaia.com.

тить массы вокруг ценностей, которые сами же и выдвигают. Насилие же пролетариата великодушно, исполнено чувства собственного достоинства, оно есть проявление твердости в достижении цели и верности идеалу. Также насилие названо Сорелем «творческим» или «волевым».

«Творческое» насилие исторически должно утвердить себя во всеобщей «стачке», которая есть основа пролетарского социализма. Согласно Сорелю, путь к социализму лежит через революционный синдикализм. Синдикат – это пролетарский профсоюз, орган, непосредственно берущий и осуществляющий власть (следует помнить, что в политической истории Жорж Сорель известен как анархосиндикалист). Профсоюзы должны быть автономными центрами власти, «рычагами» революции. Синдикалистское движение не имеет ничего общего с социалреформизмом. Социалисты, ориентирующиеся на парламентские методы борьбы, на компромисс, есть предатели. Сорель называет их деятельность «обезьяньими ужимками интеллигенции». Он также осуждает ортодоксальных марксистов, упрекая их в «социалистической мечтательности». Профсоюз чужд всякой, в том числе и марксистской, партийности. По большому счету, между интеллигентами-марксистами и буржуазными интеллигентами нет никакой разницы. И те, и другие своей мечтательностью блокируют революционное движение и отчуждают мысль рабочих. Подлинная революция являет собой мысль в действии.

Таким образом, экстремальные средства борьбы есть суть социализма. Истинный социализм – это идея в действии. Если же социализм откажется от действенной борьбы и превратится в законченную систему, то это будет началом его конца.

Исследуя левоэкстремизм в исторической ретроспективе, мы встаем перед довольно трудной задачей определения хронологических рамок данного феномена. С одной стороны, сущностные признаки левоэкстремизма выделяются у «левых» XVIII в., XIX в. и первой половины XX в.: якобинцев, анархистов, революционных демократов и, конечно же, большевиков. Но с другой стороны, сами термины «леворадикализм», «левые экстремисты» появляются позже.

«Леворадикалы» или «леваки» – это термин, применяемый по отношению к крайне левой части спектра всего левого движения. Поначалу употребление этого термина было навязано советской пропагандой для того, чтобы отделить «правильные» (т. е. лояльные Москве) иностранные коммунистические партии от «неправильных», неуправляемых из Москвы левых движений (например, троцкистов или маоистов).

Со временем термин «леворадикалы» перестал осознаваться как нечто негативное и даже был принят в качестве самоназвания. С термином же «левоэкстремизм» дело обстоит сложнее, поскольку в общественном сознании последних десятилетий «экстремизм» ассоциируется с «терроризмом» – морально осуждаемым и уголовно наказуемым деянием. Ни одна левая, даже допускающая террор, группировка не называет себя экстремистской, поскольку для всех «левых» характерно морализаторство, стремление этически безупречно обосновать свою деятельность.

Поскольку предметом нашего исследования является экстремизм, в качестве исторического материала (отечественного и зарубежного) уместно брать историю левого терроризма начиная с 60-х годов XX в. История революционного и государственного левого экстремизма XX в. (в СССР прежде всего) является для нас

именно историей, левый же терроризм, о котором пойдет речь ниже, есть часть нашей современности.

60-е годы стали временем рождения множества левоэкстремистских группировок по всему миру. Исторически и идейно-мировоззренчески это связано с известной «студенческой революцией» 1968 г. и появлением «новых левых», идеологами которых были Г. Маркузе, Ж. П. Сартр, Г. Дебре, Ф. Фанон. Движение «новых левых» получило собирательное наименование «гошизм» (от французского *gauchism* – левачество).

Ключевой идеей «новых левых» является теория «третьего пути», состоящая из нескольких элементов. Во-первых, из идеи об утрате рабочим классом и коммунистическими партиями революционного потенциала, поскольку они интегрировались в буржуазную политическую систему. Во-вторых, идеи о том, что главной революционной силой современности являются маргинальные группы общества: интеллигенция, студенты и различного рода меньшинства. Согласно Маркузе, революцию должна начать молодежь, совершившая «великий отказ» от сотрудничества с буржуазным обществом и государством.

Вразрез с догматическим марксизмом шел и известный призыв Ж. П. Сартра: «Власть воображению!», подразумевавший понимание истории как продукта свободного человеческого творчества и воображения.

Вышеупомянутый Маркузе являлся представителем Франкфуртской школы социальной философии, в которую кроме него входили также известные философы и психологи М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Э. Фромм. И если экзистенциалист Сартр лично участвовал в студенческих беспорядках 1963 г., франкфуртцев нельзя упрекнуть в экстремальном политическом поведении. Все делалось в рамках сугубо философских исследований. Хоркхаймер и Адорно создали «критическую теорию общества», отвергающую традиционную философию и искусство, – речь шла о «самоубийстве» искусства. Психологически можно даже объяснить лево-радикальные мотивы франкфуртцев, поскольку в большинстве своем они были эмигрантами из нацистской, праворадикальной Германии. Однако потом их философские идеи стали использоваться для политических выводов. Ряд исследователей отмечают: «...когда их ученики и последователи начали устанавливать эту связь между идейным, философским радикализмом и политическим экстремизмом, «отцы основатели и основоположники Франкфуртской школы (такие как М. Хоркхаймер, Т. Адорно и др.) поспешили отмежеваться от «новых левых». Однако было уже поздно. Слово было сказано, и логика перерастания радикализма в экстремизм заработала автоматически»¹.

Особенно это коснулось философии Г. Маркузе (его основные работы: «Одномерный человек», «Эссе об освобождении», «Вопросы революции», «Контрреволюция и бунт»): «...С одной стороны, обнаружилась достаточно глубокая «укорененность» экстремистских политических тенденций отдельных франкфуртских теоретиков в некоторых основополагающих посылах всей их социальной философии, а с другой стороны, стал значительно более понятным «ход мыслей», приводившей к выводам левоэкстремистского порядка достаточно многих представителей ...интеллигенции современного Запада. ...Однако у нас есть ос-

¹ Ольшанский Д. В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002. С. 171.

нования и для того, чтобы говорить не только о косвенном влиянии таких франкфуртцев, как Г. Маркузе, на политические настроения буржуазной интеллигенции, толкающем ее в направлении экстремизма. Многие «маркузеанские» формулировки, получившие затем хождение в качестве популярных лозунгов и газетных клише, прямо и непосредственно подталкивали радикальных интеллигентов ... к выводам, и главное, «акциям» левозкстремистского порядка»¹.

У Маркузе был целый ряд последователей-идеологов студенческого «левачества» (М. Савио, Р. Дучке, Д. Конбендит), которые трансформировали «маркузеанский» философский радикализм в политическое действие экстремистского толка. Поначалу это были уличные беспорядки и провокации, вынуждающие буржуазные демократии показать свое истинное, «фашизоидное» лицо, прибегнув к силовым полицейским нарушениям прав и свобод человека.

Неизбежным следствием возникновения радикальной политической мысли стал переход к идеологии и психологии «профессиональных революционеров»: «Не так уж трудно понять связь этого левацкого комплекса с той идеологией, которая легла в основу деятельности террористических организаций типа японской «Рэнго сопигун», занимавшейся, как известно, не только захватом заложников и угоном самолетов, но и активным применением насилия в своих же собственных рядах: по отношению к «оппортунистам», а вернее, к тем, кто был склонен к менее уголовным методам политической борьбы»².

Данную эволюцию от радикализма к экстремизму можно проследить на примере студенческого движения «новых левых» 60-х годов. Оно начиналось как протест против авторитарной системы обучения в университетах и колледжах. Среди студентов особенно популярно было марксистское учение об отчуждении, так как «большинство студентов выступило против доминирования технико-коммерческого уклона в образовательных учреждениях, что превращало будущих специалистов в послушный придаток бездушной экономической машины, главной целью которой является не человек, а получение прибыли»³. Следующим шагом было создание радикальных студенческих организаций типа «Студенты за демократическое общество» (США), ставившие перед собой цель захвата власти в университете как «слабом звене» капитализма, и создание «красных баз», студенческих городков, превращенных в опорные пункты, очаги «городской партизанской войны».

Высшей точкой студенческого протеста стали события, прошедшие в мае 1969 г. в Париже, когда молодежь перешла к экстремистским действиям в форме погромов: осуществляя захват зданий, строительство баррикад, сжигая автомобили, устраивая драки с полицией в Латинском квартале. Так был реализован тезис одного из идеологов «новых левых» Д. Конбендита: «Главное – сокрушить капитализм, а там посмотрим».

В 70-е годы левозкстремизм развивается в своей наиболее зловещей форме – форме левого терроризма. Теоретическим обоснованием левозкстремистской

¹ Давыдов Ю. Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. М., 1977. С. 266.

² Давыдов Ю. Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. М., 1977. С. 289.

³ Русакова О. Ф. Радикализм в России и современном мире: вопросы типологии. Екатеринбург, 2001. С. 40.

террористической практики стали работы французского социолога и журналиста Р. Дебре. Он был знаком с Че Геварой и выдвигал идею о существовании особого, латиноамериканского, пути освобождения от капитализма. Должен быть создан «партизанский очаг» как база для дальнейшего распространения революции по всему континенту. Акцент делался также на образе смелого и решительного революционера, способного перевернуть мир.

Проанализируем основные этапы развития левозэкстремизма, неразрывно связанного с левым терроризмом.

Первым этапом стал левозэкстремизм в Латинской Америке. Утвердившийся на Кубе в начале 60-х гг. «левый» режим Фиделя Кастро активно стремился экспортировать революцию дальше. Но сельская «герилья» (партизанская война) захлебнулась, так как в ряде латиноамериканских стран существовали авторитарные национально-реформистские режимы, ориентированные на рыночные преобразования. В этот момент и появились левозэкстремистские группировки.

Идея Че Гевары о «сельском очаге» революционной борьбы была заменена идеей «городского очага». Это было продиктовано несколькими причинами. Во-первых, в сельской местности негде было укрыться от атак правительственных войск. Гораздо эффективнее наносить систематические удары по врагу малыми группами, координирующими между собой свои действия. Во-вторых, крестьянское, сельское население гораздо в меньшей степени склонно оказывать поддержку партизанам в силу своей безграмотности и деполитизированности. В-третьих, «городские партизаны» стали использовать в своих целях средства массовой информации, а события в городе гораздо более оперативно освещаются в СМИ.

В 60-е и 70-е годы XX в. в Латинской Америке возникает феномен «городских герильерос», партизан. Исследователь современного терроризма Е. П. Кожушко считает, что между партизанами и террористами существует принципиальная разница¹. Разница в целях. Цель партизан – нанесение ущерба непосредственно вооруженным силам противника, уничтожение его живой силы и техники, захват территории. Психологический ущерб, наносимый врагу, является при этом побочным результатом.

Террористы не могут нанести решающего военного, материального поражения, не могут захватывать территории в силу малочисленности и недостаточности материально-технической оснащенности. Цель террористов – нанесение максимального психологического ущерба, внушение страха всему обществу в целом, что должно вызвать политический резонанс. Террористы воюют не с армией, а, прежде всего, с гражданским населением. Исходя из этого, не выдерживают критики попытки ряда левых экстремистов представить свою деятельность как часть партизанской, национально-освободительной борьбы.

Главным теоретиком левозэкстремизма на данном этапе был Хуан Карлос Маригелла, исключенный из Бразильской коммунистической партии «за авантюристско-сектантскую деятельность». Являясь автором настольной книги террористов всего мира «Краткое пособие по организации городской герильи». Маригел-

¹ Кожушко Е. П. Современный терроризм: анализ основных направлений / Под общ. ред. А. Е. Тараса. Минск: Харвест, 2000. С. 16.

ла развивает широко известный тезис большевиков начала XX в. – «чем хуже, тем лучше».

Путем совершения террористических актов теоретик предлагает вызвать в стране политический кризис и заставить правительство установить военную диктатуру, делающую невыносимой жизнь простых людей. Таким образом, доведенный до отчаяния народ восстанет против диктатуры, следуя инстинкту самосохранения. Терроризм для Маригеллы – это средство, от которого настоящий революционер никогда не откажется. Ему принадлежит авторство стратегии деления революционного движения на «политическое» и «боевое» крыло. «Боевое», террористическое крыло должно быть абсолютно самостоятельным, представляя не революционную партию, а «народ». Легальное, «политическое» крыло остается чистым перед законом и может цивилизованным, парламентским методом прикрывать террористов.

Главными акциями террора, по Маригеллу, должна стать ликвидация высокопоставленных военных и полицейских, а также экспроприация средств на революционную борьбу. Тем самым подрывается авторитет власти, показывается ее неспособность защищать саму себя и население страны от террора.

Маригелла подчеркивал, что террористическая организация должна состоять из автономных групп, связанных не организационно, а идеологически. В случае провала одной из групп, ущерб для всей организации минимален.

Главным полем деятельности «герильерос» должен быть город как центр организации политической и экономической эксплуатации и в то же время самое слабое звено общественно-государственной системы.

В городе должна происходить и подготовка террористической деятельности по формуле М–Д–О–Б–В (моторизация – деньги – оружие – боеприпасы – взрывчатка). Появившись, террористические группы должны раздобыть автомобили, совершить налет на банк или оружейный магазин, купить оружие и взрывчатку. Далее следует захват заложников с требованием выкупа или обмена их на попавших в тюрьму «товарищей по борьбе», а также вербовка боевиков и информаторов методами подкупа и шантажа.

Тактика действий «городских партизан» должна быть основана на неожиданности и наступательности. Объектами атаки являются, во-первых, люди и учреждения, символизирующие режим, включая репрессивные органы (армию и полицию), во-вторых, североамериканские и международные фирмы и учреждения и их служащие.

Теория «городской партизанской войны» стала не только составляющей политической доктрины левоэкстремизма, но и повлияла на последующие поколения террористов (и не только «левых»).

Среди организаций левоэкстремистского толка 60–70-х гг. в Латинской Америке назовем следующие:

«Тупамарос» – Движение за национальное освобождение «Тупамарос» (MLN) – вооруженная организация уругвайских левоэкстремистов. Называется по имени индейского вождя XVIII в. Тупаку Амара Второго.

Бразильские левоэкстремистские группировки: **«Национально-освободительное движение (АЛН)**, **«Народно-революционный авангард» (ВНР)**, **«Авангард революционной армии» (ВАР)**.

«Революционная народная армия» (ЕРП) – аргентинская левозэкстремистская террористическая организация, идейной базой которой является троцкизм.

«Сендеро Луминосо» («Светлый путь») – **«Коммунистическая партия Перу – светлый путь Хосе Карлоса Мариатеги»** – левозэкстремистская партия маоистского толка.

«Революционное движение имени Тупаку Амару» (РДТА) – террористическая группировка в Перу, идейной базой которой является синтез марксизма-ленинизма и учения Че Гевары об «экспорте революции». В деятельности этой организации особенно четко прослеживаются антиамериканские мотивы. Наиболее ярким эпизодом во время ее существования был захват японского посольства с декабря 1996 г. по январь 1997 г. в Лиме, в ходе которого был убит один из лидеров организации – Нестор Серпа.

Спад левых терроризма в Латинской Америке начался с 80-х гг., когда «левые» окончательно проиграли войну с военными диктатурами в Аргентине, Уругвае, Эквадоре, Боливии, Чили. Но главный перелом наступил тогда, когда консервативные правительства в латиноамериканских странах осознали необходимость политического диалога и определенных уступок оппозиции, а также стали восстанавливать демократические институты. Неоднократно объявлялись амнистии политическим заключенным, привлекались к суду наиболее одиозные лица, виновные в незаконных репрессиях. Это еще раз подтверждает тезис о том, что причины экстремизма и терроризма следует искать не только в самих преступниках, но и в социальной системе общества, в котором они находятся.

Следующим этапом истории левозэкстремизма является левый терроризм в Европе в 70-х гг. В это время там стало совершаться вдвое больше левотеррористических актов, чем в Латинской Америке. Само возникновение левых терроризма в Западной Европе является определенным парадоксом, так как западноевропейские страны отличаются высоким уровнем жизни и стабильностью общественно-политических отношений.

Левый терроризм в Западной Европе появился в молодежной среде. Экстремистски настроенные лидеры молодежи отождествляли критику капитализма с тотальным отрицанием существующего строя. Все начиналось с актов вандализма как реализации «права на ненависть». Впоследствии ряд активистов перешел от хулиганства к настоящему террору.

Вот наиболее известные западноевропейские террористические организации левозэкстремистского толка:

«Фракция Красной Армии» (РАФ) – западногерманская террористическая организация, взявшая на вооружение теорию «городской герильи» Маригеллы. Самым громким ее преступлением стало похищение и убийство Ганса Шлейера – председателя Федерального объединения союзов немецких работодателей (БВА) и Федерального объединения германских промышленников (БДИ).

«Движение 2 июня» (Д-2) – террористическая «левая» организация, названная так в память о кровавом столкновении «левых» демонстрантов и полиции 2 июня 1967 г.

«Революционные ячейки» (РЦ) – левозэкстремистская организация, наряду с прочими «левыми» лозунгами выдвигавшая идею борьбы с патриархами, т. е. с господством мужчин во всех сферах общественной жизни.

«Антиимпериалистические ячейки» (АИЗ) – левые террористы солидарные с арабско-исламским террористами.

«Красные бригады» (БР) – итальянская левозэкстремистская организация, вышедшая из политического кружка студентов социологического факультета г. Трентино. Самым ярким эпизодом ее деятельности было похищение бывшего премьер-министра Италии Альдо Маро. Это была удачная попытка срыва соглашения между правящей Христианско-демократической партией и компартией Италии (умеренными «левыми»). Левозэкстремисты абсолютно верно поняли, что такой союз дискредитирует «левую» идею в целом, переключив на коммунистов часть ответственности за асоциально-экономическую ситуацию в стране.

В целом, западноевропейский левый терроризм основывался на совершенно иллюзорной идее о революционной ситуации в Западной Европе.

В качестве третьего этапа левого экстремизма и терроризма можно выделить деятельность организаций, носящих ярко выраженный антиимпериалистический (антиамериканский и антинатовский) характер. Для них характерно отсутствие марксистской зашоренности и готовность сотрудничать с другими, не только «левыми» антиамериканскими силами. В ряду этих организаций можно назвать следующие:

«Аксон директ» – французская террористическая группировка, разгромленная в 1990 г.

«Движение 17 ноября» – греческая марксистско-ленинская антиимпериалистическая организация.

«Фракция Красной Армии» («Сэпигунха») или **«Красная Армия Японии (КАЯ)** – левые экстремисты, активно использующие криминальные методы управления своей организацией.

Вопрос о связях левозэкстремистов с СССР является довольно сложным. С одной стороны, советский режим для них был негативным примером ревизионизма и оппортунизма, но с другой стороны, советские спецслужбы опосредованно поддерживали европейских левых террористов, оказывая помощь их союзникам – арабским террористам.

В целом, в 80–90-е гг. левозэкстремизм на Западе уходит на обочину политической жизни, что связано, конечно же, с распадом СССР и полной дискредитацией идей социализма.

В России левозэкстремизм заявляет о себе еще до распада СССР, в конце 80-х годов. Но в отличие от Запада и Латинской Америки, отечественные левозэкстремисты пока что не сумели развернуться именно как террористические организации (отдельные эксцессы, типа взрывов памятников нельзя считать серьезным терроризмом).

В российской политике существует целая плеяда левых коммунистических организаций, но не все они являются левозэкстремистскими.

«Радикальные» коммунисты, в отличие от «умеренных», не признают тезис КПРФ об «исчерпаемости Россией лимита на революцию», который в принципе противоречит марксистской доктрине. Этот тезис дает право усомниться в «левизне» КПРФ, относя ее к «ревизионистским», «оппортунистическим» организациям.

Для «радикальных» коммунистов характерно непризнание в политико-правовом смысле распада СССР, требование передела собственности, ориентация

на революционный способ восстановления Советской Власти. К таким организациям можно отнести следующие:

«Российская партия коммунистов» (РПК). Лидер – А. Крючков. Наиболее активно проявила себя в событиях 21 сентября – 4 октября 1993 г.

«Российская коммунистическая партия – КПСС» (РПК – КПСС). Лидер – А. Пригарин. Основная экстремистская тема – пропаганда «второго издания социалистической революции» и восстановление СССР.

«Российская коммунистическая рабочая партия» (РКРП) (лидер – В.Тюлькин) и движение **«Трудовая Россия»** (лидер В. Анпилов). Воспринимались как единое целое до исключения в 1996 г. из РКРП Анпилова. РКРП известно не только экстремистскими высказываниями, но и действиями. В 1992–1993 гг. активисты партии организовали массовые беспорядки в Москве, кульминацией которых стал октябрь 1993 г. Главным методом захвата власти ими рассматривается «всеобщая политическая стачка». В 1996–1997 гг. в партии произошел раскол на сторонников Тюлькина и Анпилова. Последние настаивали на более экстремистских методах борьбы, а также допускали националистические, вплоть до антисемитских, высказывания. Общей чертой РКРП и «Трудовой России» является культ Сталина и полное оправдание сталинского периода отечественной истории. В 1999–2000 гг. возникает молодежная организация анпиловцев – **«Авангард красной молодежи».**

Молодежная левозэкстремистская организация **«Российский коммунистический союз молодежи большевиков» (РКСМБ)**, активисты которого организовали взрыв памятника Николаю II, издает газету «Бумбараш – 2017 г.», где настойчиво проводится идея, что социалистическая революция не может быть мирной.

Существует критерий, по которому можно отделить современные российские левозэкстремистские организации от коммунистического движения реставрационного толка. Это критическое отношение к советскому прошлому, которое варьируется от критики брежневского «ревизионизма» до критики Сталина и даже Октябрьской революции у левых анархистов.

В целом, левозэкстремизм не имеет в России серьезных перспектив, так как возрастной и социальный состав участников организаций подобного толка не позволяет им развернуть массовую и эффективную деятельность. Но данная ситуация может породить феномен индивидуальных эксцессов террористического плана, что является серьезной проблемой для правоохранительных органов.

И в России, и в странах Запада левозэкстремизм находится в состоянии идейного и организационного упадка. Ставка на революционное действие масс, разбуженных репрессиями «фашистско-буржуазного государства», спровоцированных «левым террором», исторически провалилась. Но деструктивный потенциал левозэкстремизма не исчезает бесследно, а переходит в так называемый феномен «красно-коричневых», которые в большей степени принадлежат к правозэкстремистскому лагерю.

В качестве вывода будет уместно вспомнить статью русского философа Ивана Ильина, опубликованную им в эмигрантской прессе на смерть Ф. Э. Дзержинского. Ильин проводит мысль, что противоречия между социалистами и радикальными коммунистами (левозэкстремистами типа Ф. Э. Дзержинского) носят тактический

характер. «По существу же, перед нами единый стан социалистов-интернационалистов. И Дзержинский свирепствовал в России в качестве боевого органа этого единого стана. Он делал в России то, что нынче готовится во всех странах, во всем мире: он вырезал от лица победившего социализма его врагов. Это совершится повсюду, где социалисты приведут к власти коммунистов. И всюду, где это совершится, совершенное будет иметь тот же самый смысл и то же значение: это будет актом единого социалистическо-интернационалистического дела, — не эксцессом, а обдуманым поступком, тактическим и программным достижением»¹.

В основе левой политической доктрины лежит религиозно-мировоззренческая модель, которая рассматривает человека как активного преобразователя. Левое мировоззрение принципиально допускает возможность использования «крайних» средств достижения политических целей, поэтому левозэкстремизм является своеобразной квинтэссенцией левой политической доктрины.

Александр А. А.

УрЮИ МВД России

*Γ ΑΕΙ ΟΙ ΠΥΡΑ ΑΙ ΤΙ ΔΙΝΟΥΝΤΑΙ ΑΔΟΧΑΙΝΟΑΙ ΑΑΙ ΕΒ ΟΑΙ ΕΤΑΙ ΤΑΙ
ΣΑΕΙ ΤΑ ΑΟΑΕΥΝΟΑΑ ΤΑ ΤΟΑΑΟΝΟΑΑΙ ΤΙ ΤΝΟΕ ΣΑ ΤΒΑΑΙ ΕΣΑΟΕΡ
ΥΕΝΟΔΑΙ ΕΝΟΝΕΤΑΙ ΝΤΙ ΤΑΥΑΝΟΑΑ*

События последних лет в России подтверждают наличие безусловной связи между экстремизмом и насильственными преступлениями против личности. Отражением озабоченности государства ростом преступлений на почве экстремизма стало дополнение в 2002 г. УК РФ² ст. 282¹ «Организация экстремистского сообщества» и 282² «Организация деятельности экстремистской организации».

Кроме этого, статьи о преступной групповой деятельности помимо ст. 35 УК РФ широко представлены в Особенной части УК РФ как статьи о специфических разновидностях организованной преступной деятельности: организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем (ст. 208 УК РФ), бандитизм (ст. 209 УК РФ), создание религиозного или общественного объединения, посягающего на личность и права граждан (ст. 239 УК РФ), содействие террористической организации (ст. 205¹ УК РФ).

Появление самого института преступлений экстремистской направленности в России связано с ратификацией Российской Федерацией Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 5 июня 2001 г.). В ней экстремизм определяется как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организацию в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них».

Значительно шире определяет экстремистскую деятельность (экстремизм) Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

¹ Ильин И. Кто совершил? // Новое время. 1926. № 1578.

² Далее УК РФ.

Экстремизм (от лат. *extremus*) означает приверженность к крайним мерам, взглядам. Эти меры или взгляды по своему характеру могут быть расистскими, националистическими, религиозными и социальными.

Составы преступлений, связанных с осуществлением организованной групповой преступной деятельности, появляются в нормах Особенной части УК РФ в связи с тем, что организованная преступность возникает из эпизодических преступлений отдельных лиц. Повышенную общественную опасность представляет деятельность организованных экстремистских групп и экстремистских сообществ (организаций). В частности, общественная опасность преступлений, предусмотренных ст. 282¹ и 282² УК РФ, заключается в подрыве основ конституционного строя, обеспечения целостности и безопасности государства.

Ответственность за организацию экстремистского сообщества и организацию деятельности экстремистской организации урегулирована только в рамках соучастия, так как в диспозиции статей 282¹ и 282² УК РФ в качестве обязательного признака указаны организованная группа и экстремистское сообщество. Но на практике возникает вопрос: как следует квалифицировать действия субъекта преступления, предусмотренного ст. 282¹ УК РФ, если «организованную группу лиц для подготовки и совершения преступлений экстремистской направленности» (ч. 1 ст. 282¹ УК РФ) составляют лица, не достигшие установленного законом возраста уголовной ответственности по данной статье УК РФ, т. е. 16-летнего возраста? Такая ситуация нередко встречается среди скинхедов. В этом случае отсутствует обязательный признак субъекта преступления – достижение установленного законом возраста уголовной ответственности. Фактически в действиях лица, создавшего экстремистское сообщество, в которое входят только лица, не достигшие возраста уголовной ответственности, отсутствует состав преступления.

Если лицо, обладающее всеми признаками субъекта преступления, создало экстремистское сообщество, в состав которого входят лица, не достигшие возраста уголовной ответственности, а равно руководит таким экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями, то в его деянии отсутствует состав преступления, предусмотренного ст. 282¹ УК РФ. Субъект признается исполнителем преступлений экстремистской направленности, совершившим преступление посредством других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста (ч. 2 ст. 33 УК РФ), хотя по сути преступление совершено групповым способом.

Пункт «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ предусматривает в качестве отягчающего вину обстоятельства привлечение к совершению преступления лиц, которые страдают тяжелыми психическими расстройствами либо находятся в состоянии опьянения, а также лиц, не достигших возраста уголовной ответственности. При этом необходимым признаком является сознание субъекта, что он использует указанных в законе лиц и желает привлечь их к совершению преступления экстремистской направленности. При групповом способе совершения преступления также используются вышеперечисленные лица, поэтому групповой способ совершения преступления должен быть предусмотрен в диспозиции квалифицированного состава преступления.

На основании проанализированного считаю необходимым:

экономики, произвола крупных собственников, роста социального неравенства, обострения классовых и других конфликтов, социальной ущемленности и политической пассивности широких слоев населения, периодически сменяемой революционными потрясениями, что можно наглядно продемонстрировать событиями в России после 1991 г. Деградация и криминализация общества препятствует созданию стабильности в социальной сфере и экономике, а значит, противодействует выходу страны из кризиса. В такой ситуации государство обязано выступать гарантом стабильности, медиатором, создавать приемлемые условия для организации подлинной социальной интеграции. Пока в российском посттоталитарном обществе царит хаос, пока нарождающаяся демократия больше похожа на олигархию, организация публичной власти может только внешне тяготеть к восстановлению государственно-правовых форм (относительно свободные выборы органов власти, ответственность правительства перед высшим органом народного представительства, реформа законодательства). В действительности все усилия направляются на воспроизводство форм и методов административно-командного управления. Для государств с сильным авторитарным и этатистским наследием формирование гражданского общества в период укрепления правовой государственности является наиболее сложной задачей политики реформирования, а также необходимым условием легитимации новой власти. В современной литературе, особенно у теоретиков социал-демократической и леволиберальной ориентации, преобладает мнение о необходимости государственной регламентации общества и даже целесообразности вмешательства государства, в рамках закона, в дела гражданского общества при возникновении чрезвычайных ситуаций. Путь ориентации на классические либеральные представления о гражданском обществе и правовом государстве, на идеи, предполагающие опору на рыночную стихию и собственников индивидуалистов, не может быть успешным в силу того, что реальное общество в условиях современного индустриального и постиндустриального развития складывается не столько из деятельности отдельных индивидов, сколько из взаимодействия их организованных по интересам объединений, малых и средних социальных групп и иных естественно складывающихся ассоциаций.

Условием создания прочной государственности является политическая консолидация общества. Государство, раздираемое противостоянием различных политических сил, неспособно решать возникающие в каждом обществе задачи. Идея солидарности общества вытекает из осознания взаимосвязанности всех членов общества, независимо от того, к каким социальным группам они относятся. Сознание взаимосвязанности важно не только для различных социальных групп, но и для различных политических сил, для которых зачастую отсутствует определенная социальная база. Политическим партиям, движениям трудно осуществлять свои программы, не считаясь с другими политическими течениями. Из этого возникает неизбежность политического компромисса как перехода к солидарности. И в этом большая роль принадлежит государству. Б. Кистяковский считал, что государство не может продолжительно существовать насилием и угнетением. У государства наступает эпоха реформ, и тогда оно выходит на широкий путь истинных целей. « В чем же... настоящие задачи и истинные цели государства? Они заключаются в осуществлении солидарных интересов людей. При помощи

государства осуществляется то, что нужно, дорого, ценно всем людям. Государство само по себе есть всеобъемлющая форма солидарности между людьми, и вместе с тем оно ведет к созданию и выработке наиболее полных и всесторонних форм человеческой солидарности. Общее благо – вот формула, в которой выражаются задачи и цели государства¹.

Сущностным содержанием процесса государственного регулирования стало переосмысление понятия гражданских прав. Гражданство дополнялось социальным содержанием, превращаясь в юридически закрепленное право гражданина на получение социальной услуги – бесплатного образования, медицинской помощи, пенсии – от государства. В обществах, живущих в условиях социального государства, существенные аспекты связи между макроэкономическими процессами и социальными ожиданиями или императивами становятся предметом сознательных политических решений. Такие решения чувствительно воздействуют на все общество, на каждую из его прослоек и групп. Поэтому в демократическом обществе они должны соответствующим образом соотноситься с социальными стандартами равноправия, справедливости, человеческого достоинства и жизненных устремлений, представленных различными группами. Поскольку в современных условиях эти стандарты выражены множеством различных вариантов, то возникает необходимость широких дебатов с целью достичь соглашения и выработать общезначимую систему взглядов и ориентаций. С помощью такой системы может быть обеспечена защита различных, даже конфликтующих, интересов. Если гражданское общество не находит форм и механизмов такого «горизонтального» ведения переговоров, то только государство может создать условия, на основе которых будут приниматься решения и достигаться компромиссы. Это уже означает дальнейшее ограничение социальной автономии, создающее ситуацию дезориентации, болезненного переживания, слома привычных представлений, травмирующей «сверхсоциализации». Реакцией граждан на это становится поиск надежных точек опоры, в частности, начинают создаваться разного рода низовые, местные объединения, локальные сообщества. В соразмерном пространстве человек восстанавливает утраченное было ощущение своего права на отдельное от государства существование, на власть над собственной судьбой. Тем самым облегчается его примирение с новой общественной системой координат, повышается уровень «социального капитала».

Так, в современной России в роли медиатора государство выступает в том случае, если оно действует в соответствии с возможностями страны и быстро изменяющимися внешними условиями. Государственная власть должна способствовать консолидации общества, без которой наилучшие замыслы государственной власти не могут воплотиться в жизнь, поскольку общество не является монолитом, а структурировано, т. е. состоит из классов и социальных групп, слов со своими собственными, различными, подчас противоположными интересами. При таких обстоятельствах умелое перераспределение доходов, бюджетных средств может сглаживать напряженность в обществе и направлять его в пози-

¹ Кистяковский Б. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1990. № 6. С. 142.

тивное русло. Особенно важно это сегодня, когда в силу совокупного воздействия конкретных исторических причин страна пришла к кризисному состоянию. Тем не менее, бурная история XX в. дает достаточно примеров успешной модернизации при крайне неблагоприятных внешних условиях.

Александр И. А.

УрЮИ МВД России

***ОАТЭТАТТ-ТДААТАУА ТНТТААТЭВ ТДТ ОЭАТ ААЭНОАЭВ
УЭНОДАТ ЭСТ О А ДТННЭЭНЭТЭ ОААДАОЭЭ***

Если в конце 90-х годов понятия «экстремизм», «сепаратизм» и «терроризм» ассоциировались и звучали только в связи с событиями на Северном Кавказе и в отдельных регионах за рубежом, то с началом нового столетия картина сильно изменилась.

Сегодня в России получили распространение различные проявления экстремизма, в том числе политического, которые провоцируют нестабильность в обществе, способствуют ослаблению российской государственности, порождают в отдельных субъектах Российской Федерации сепаратистские настроения и создают для экстремистов благоприятную возможность реализации своих целей и задач. Это ведет к попранию прав и свобод граждан, подрывает общественную безопасность и государственную целостность России, создает реальную угрозу основам конституционного строя.

Общественность страны, увлеченная борьбой партий и движений, еще не в полной мере осознает ту опасность социальному благополучию, которую несет экстремизм. Политическое многообразие и многопартийность, свобода мысли и слова, свободный выбор языка общения и воспитания, гарантированные Конституцией РФ, часто подменяются нетерпимостью и враждебностью к оппонентам, что, в свою очередь, вплотную подводит к той черте конкуренции идей, за которой находится преступление.

Государственная система противодействия экстремизму функционирует не столь эффективно, как того требуют реалии сегодняшнего дня. Недостаточно скоординированы действия органов государственной власти. В серьезном совершенствовании нуждается система обмена информацией между заинтересованными ведомствами. В общий процесс почти не вовлечены общественные объединения и другие институты гражданского общества. Органы государственной власти и местного самоуправления недостаточно оперативно и адекватно реагируют на проявления политического экстремизма. Общество не выработало устойчивого негативного отношения к экстремизму, не в полной мере осознало степень опасности этого явления для российской государственности, многонационального и поликонфессионального российского народа. Недостаточное внимание уделяется антиэкстремистской пропаганде, разъяснительной работе среди широких кругов населения, профилактике политического экстремизма среди молодежи.

Наиболее опасными проявлениями экстремизма являются преступления экстремистской направленности. Таковых в 2007 г. в России было зарегистрировано 356. Не так много в общей массе совершенных преступлений, однако, если учесть,

что темп прироста таких преступлений в сравнении с 2006 г. составил 35,4 %, становится понятно, почему сложившаяся ситуация не может не вызывать озабоченности. Кроме того, нужно сказать о таком криминологическом показателе преступности, как ее «цена». «Цена» анализируемых преступлений чрезвычайно высока, учитывая, какой общественный резонанс получает каждый факт проявления экстремизма, сколько опасений порождает.

Основой противодействия преступлениям экстремистской направленности являются нормы УК РФ. Хотя само понятие преступлений экстремистской направленности было сформулировано лишь в действующем УК РФ, ответственность за отдельные экстремистские проявления предусматривалась и в советском законодательстве. Так, УК РСФСР 1960 года содержал:

- ст. 70 «Антисоветская агитация и пропаганда»;
- ст. 74 «Нарушение национального и расового равноправия»;
- ст. 134 «Воспрепятствование осуществлению равноправия женщин»;
- ст. 143 «Воспрепятствование совершению религиозных обрядов»;
- ст. 190-1 «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй».

Нормы действующего уголовного законодательства, предусматривающие ответственность за экстремизм, на наш взгляд, не лишены недостатков. Об этом свидетельствует, в частности, количество вносившихся в них корректив.

Так, уже в 1999 г. в ч. 2 ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к насильственному изменению конституционного строя РФ» были внесены изменения, коснувшиеся санкции данной нормы. В 2002 г. название данного преступления меняется – «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», а также появляются два новых преступления: «Организация экстремистского сообщества» (ст. 282¹ УК РФ), «Организация деятельности экстремистской организации» (ст. 282² УК РФ).

Законом от 8 декабря 2003 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» опять изменяется санкция ч. 2 ст. 280 УК РФ, а также корректируются название и диспозиции ст. 282 УК РФ, вместо «Возбуждения национальной, расовой или религиозной вражды», преступление стало называться «Возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства». В 2004 году вносятся изменения в санкцию ч. 3 ст. 282¹ УК РФ. И, наконец, законом от 24 июля 2007 г. изменяется редакция ст. 282¹ УК РФ.

Такая ситуация, хотя во многом и связанная с изменением законодательных актов других отраслей права, свидетельствует о неудовлетворенности законодателя положением дел с нормами уголовного законодательства, предусматривающими ответственность за преступление экстремистской направленности. Постоянные изменения, вносимые в уголовное законодательство, не могут не сказаться на сфере его применения, не вызвать разногласия в следственно-судебной практике.

Дополнительной проблемой является использование законодателем оценочных категорий. Например, в ст. 282¹ УК РФ «Организация экстремистского сообщества» используется термин «организованная группа», установление признаков которой вызывает серьезные затруднения в практике деятельности правоохранительных органов.

Возможно, устранить такие проблемы помогло бы принятие Пленумом Верховного Суда РФ постановления, разъясняющего вопросы применения законодательства об ответственности за экстремизм.

Также хотелось бы обратить внимание на то, что в законе «О противодействии экстремистской деятельности» разновидностью экстремизма признается террористическая деятельность. Тем временем уголовное законодательство разграничивает понятия «преступления экстремистской направленности» (ст. 282¹ УК РФ) и «преступления террористического характера» (ст. 205¹ УК РФ).

Что касается предложений по увеличению санкций за экстремистские преступления, то с ними трудно согласиться. Так как дело не в жестокости наказания, а в его неотвратимости, и правоохранительным органам необходимо должным образом реагировать на каждый факт проявления экстремизма, правильно его квалифицировать и назначать наказание в соответствии с характером и степенью общественной опасности преступления.

Дальнейшая работа по противодействию экстремизму не может проводиться путем кратковременной кампании и требует постоянного внимания на достаточно длительную перспективу, в связи с чем борьба с экстремизмом и его крайней формой – терроризмом должна стать одним из приоритетных направлений правоохранительной деятельности.

Рассмотренные аспекты данной проблемы, безусловно, не исчерпывают всего круга вопросов этой темы. Тем не менее, их обсуждение будет способствовать активизации борьбы с этими опасными явлениями в нашем обществе.

Сидяк Е.А.

УрЮИ МВД России

***ІНІААІ І ІНÒÈ І ДІ ОАЃЃОАЕЎІ ІАІ НОАООНА НІАОЕАЕЕНОА
ІА НОААЕÈ АІСАОЕААІ ÈВ ОАІЕТАІ ІАІ ААЕА È І ДААААДЕОАЕЎІ ІАІ
ДАЃЃЕААІААІ ÈВ ОАІЕТАІ УО ААЕÈ È І ДАЃОІІЕАІ ÈÈ
ІЕЃОДАІ ÈЃОЃЕІЕ ІАІ ДААЕАІ І ІНÒÈ***

Тема экстремизма в последнее время приобретает все большую актуальность, поскольку данное проявление общественной жизни несет огромную негативную составляющую для социального «здоровья» граждан и личности как таковой. Экстремистская деятельность есть проявление нарушений прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; соединенная с насилием либо угрозой его применения она препятствует законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, и др.

История развития общественных отношений убедительно доказала, что, в частности, экстремизм обладает способностью проникать во все сферы жизни общества. При этом под экстремизмом традиционно принято понимать приверженность к радикальным взглядам, идеям и целям, достижение которых осуществляется нелегитимными, насильственными средствами и методами.

Основной правовой акт, определяющий содержание данного явления, и механизм противодействия ему – это Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», который был принят 25 июля 2002 г.¹ Содержание указанного закона претерпело несколько редакций, в частности, изменения и дополнения в этот закон вносились в 2006 г., 2007 г. и в текущем 2008 г., что, несомненно, свидетельствует об актуальности данного акта и необходимости приведения его содержания в соответствие с реальной действительностью.

В данной статье мы остановимся исключительно на процессуальных аспектах противодействия экстремизму. И здесь необходимо ограничить круг отношений, которые будут иметь процессуальный характер. Критерий данной границы обозначен в указанном выше законе – это наличие основания для привлечения лица к уголовной ответственности. В ином случае речь идет об административной ответственности лица либо о профилактической (предупредительной) деятельности, содержащей признаки экстремизма. Так, согласно ст. 6 Закона, при наличии достаточных и предварительно подтвержденных сведений о готовящихся противоправных действиях, содержащих признаки экстремистской деятельности, и при отсутствии оснований для привлечения к уголовной ответственности, Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместитель, либо подчиненный ему соответствующий прокурор или его заместитель *направляет руководителю общественного или религиозного объединения* либо руководителю иной организации, а также другим соответствующим лицам *предостережение в письменной форме о недопустимости такой деятельности с указанием конкретных оснований объявления предостережения*. В случае невыполнения требований, изложенных в предостережении, лицо, которому было объявлено данное предостережение, может быть привлечено к ответственности в установленном порядке. Как отмечает законодатель далее, в ст. 9, 10 Закона, соответствующие общественное или религиозное объединение либо иная организация могут быть ликвидированы, а деятельность соответствующего общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом, может быть запрещена по решению суда на основании заявления Генерального прокурора Российской Федерации или подчиненного ему соответствующего прокурора. Деятельность этих организаций может быть и приостановлена. Как было ранее отмечено, такие последствия имеют под собой юридическое основание – решение суда.

Во втором случае речь идет о наступлении уголовной ответственности за преступления по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ (национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды). Вот здесь и следует говорить об уголовно-процессуальной деятельности, т. е. деятельности, представляющей собой расследование уголовного дела.

Детальный механизм расследования и дальнейшего рассмотрения в суде уголовного дела о любом преступлении регламентирован Уголовно-процессуальным кодексом, который устанавливает общие обязательные правила расследования, регламентирует процессуальные институты и основные содержательные механизмы расследования и рассмотрения уголовных дел. Однако расследование ка-

¹ Далее – Закон.

ждого вида преступлений (преступлений, связанных с хищением, дорожно-транспортных преступлений и др.) имеет некоторые отличительные особенности. В том случае, когда мы говорим о преступлениях экстремистской направленности, основную «ключевую» составляющую предмета доказывания будет представлять необходимость доказывания именно экстремистского характера действий, т. е. совершения преступления по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды. Вот в этом и заключается наибольшая сложность расследования.

К данным видам преступлений также следует отнести и преступные посягательства экстремистской направленности, средствами которых явились информационные материалы.

Согласно указанию прокурора Свердловской области¹, представление о признании информационных материалов экстремистскими прокурором следует вносить в форме заявления на основании ст. 45, 262 ГПК РФ в защиту интересов Российской Федерации в федеральный суд общей юрисдикции по месту их обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство таких материалов. В рамках подготовки заявлений прокурорами в обязательном порядке должны быть получены результаты комплексного исследования материала специалистами по психологии и лингвистике.

В заявлении необходимо максимально точно формулировать, какой информационный материал признается экстремистским (название, автор, год издания и т. п.). Это делается для того, чтобы предотвратить проблемы при его дальнейшей идентификации.

По ч. 4 ст. 61 ГПК РФ вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесен приговор. В связи с этим, по уголовным делам о преступных посягательствах экстремистской направленности, средствами которых явились информационные материалы, после вступления приговора в законную силу следует незамедлительно подавать в суд заявление в порядке гражданского производства о признании этих материалов экстремистскими с учетом преюдициального значения выводов приговора.

Обратимся к существующей практике о признании информационных материалов экстремистскими. Так, в решении Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 3 июля 2008 г. «О признании информационных материалов книги Г. Бутми “Кабала или свобода”, книг И. А. Истархова “Удар русских богов”, “Что такое Мертвая вода?”» судья указывает, что информационные материалы признаются экстремистскими федеральным судом по месту обнаружения, распространения или нахождения организации, осуществившей производство этих материалов, на основании представления прокурора или при производстве по соответствующему делу об административном правонарушении, гражданскому или уголовному делу. Одновременно с решением о признании информационных материалов экстремистскими судом принимается решение об их конфискации. Копия вступившего в законную силу судебного решения направляется в федераль-

¹ Информационное письмо о состоянии работы по противодействию распространению экстремистских материалов на территории Свердловской области // Информационно-аналитический бюллетень прокуратуры Свердловской области. 2008. № 3.

ный орган государственной регистрации. Федеральный список экстремистских материалов подлежит размещению в международной компьютерной сети Интернет на сайте федерального органа государственной регистрации. Указанный список также подлежит опубликованию в средствах массовой информации.

Как было сказано ранее, дать оценку указанным материалам может лишь лицо, обладающее для этого специальными познаниями. Для решения указанного вопроса законодатель предусмотрел различные формы участия в расследовании сведущих лиц – специалиста и эксперта.

В ходе проведения доследственной проверки фактов экстремистской деятельности для исследования и дальнейшей оценки материалов обязательно привлечение специалиста. Специалист – это лицо, обладающее специальными знаниями, *привлекаемое к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию* (ч. 1 ст. 58 УПК РФ).

Эксперт – это лицо, обладающее специальными знаниями и *назначенное для производства судебной экспертизы и дачи заключения* (ч. 1 ст. 57 УПК РФ). Этот участник появляется после решения о возбуждении уголовного дела.

Согласно ст. 12 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», государственным судебным экспертом является аттестованный работник государственного судебно-экспертного учреждения, производящий судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей.

Категорию эксперта можно рассматривать с двух сторон: эксперт как работник экспертного учреждения, в должностные обязанности которого входит производство экспертиз; и эксперт как лицо, осуществляющее процессуальную функцию эксперта. В первом случае, он может не только проводить экспертные исследования, но и привлекаться в качестве специалиста к участию в производстве иных процессуальных действий. Во втором случае, процессуальная роль определяется непосредственно производством экспертизы при судопроизводстве по гражданскому, уголовному, арбитражному или административному делу. Таким экспертом не обязательно будет являться работник экспертного учреждения. В практической деятельности имеют место случаи, когда лицо, обладающее специальными познаниями в определенной сфере, но не являющееся экспертом, приглашается следователем (дознавателем) для производства необходимого исследования. Указанное лицо приобретает статус эксперта с момента его назначения для производства данного следственного действия, соответственно наделяется всеми правами и обязанностями этого участника.

При несомненном сходстве в функциях эксперта и специалиста можно выделить ряд отличительных черт:

1. Различное назначение таких участников уголовного судопроизводства, как специалист и эксперт. Так, назначение эксперта – это производство судебной экспертизы и дача заключения, специалиста – содействие в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела для постановки вопросов эксперту, а

также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

2. Специальная дееспособность у эксперта появляется с момента назначения его для производства соответствующей экспертизы, что отражается в постановлении о назначении судебной экспертизы. В отличие от него, лицо приобретает статус специалиста в ходе расследования уголовного дела с момента его привлечения следователем (дознавателем) для оказания помощи.

Результатом работы того и другого участника являются такие виды доказательств, как показания и заключения специалиста, показания и заключения эксперта, в отличие от результатов работы специалиста за рамками уголовного дела. Исследование материалов и их соответствующая оценка специалистом будет представлена в виде письменного документа – исследования, которое не будет иметь статус доказательства, а будет служить одним из оснований к возбуждению уголовного дела.

Что касается показаний, то в данном случае каких-либо сложностей не возникает. Показания получаются в результате допроса следователем указанных лиц. Принципиальное отличие: эксперт может быть допрошен лишь после производства судебной экспертизы исключительно в целях разъяснения или дополнения данного им заключения. Специалист может быть допрошен и вне производства исследования, выразив свое суждение по поводу содержания исследуемых материалов.

Не следует отождествлять и понятия «заключение специалиста» и «заключение эксперта», так как их содержание различно.

Согласно ст. 80 УПК РФ, заключение эксперта – это представленные в письменном виде **содержание** исследования и **выводы** по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами. Заключение специалиста – представленное в письменном виде **суждение** по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами.

В отличие от эксперта, суждение специалиста основывается на фактах, с которыми он был ознакомлен, мнениях, обстоятельствах, собственных специальных знаниях.

Невзирая на то, что заключение эксперта и заключение специалиста имеют статус доказательств по уголовному делу, они не могут быть признаны взаимозаменяемыми актами. Следует избирательно подходить к каждому из них и оценивать в совокупности с иными доказательствами.

В качестве положительного аспекта УПК РФ следует отметить, что законодатель не запрещает лицу, участвовавшему ранее по уголовному делу в качестве специалиста, выступать в качестве эксперта по этому же делу (ст. 70, 71 УПК РФ). Указанная норма явилась решением тех следственных ситуаций, когда возникают трудности с производством экспертизы, а именно: для исследования требуются знания в очень узкой области жизнедеятельности, экспертов данной специальности нет в экспертно-криминалистическом центре и т. д. Данный аспект особенно актуален в отношении расследования уголовных дел о преступлениях экстремисткой направленности, учитывая узкую направленность специальных знаний.

Прокуратурой Свердловской области проведено обобщение практики проведения исследований и экспертиз при производстве доследственных проверок и расследовании уголовных дел экстремистской направленности.

Всего в 2007 г. и в первом полугодии 2008 г. проведено три экспертизы по уголовным делам экстремистской направленности (1 экспертиза в 2007 г., 2 – в 2008 г.), по всем экспертизам даны положительные заключения.

По уголовным делам указанной категории проводятся судебные психолого-лингвистические экспертизы.

Проведено 18 психолого-лингвистических исследований по материалам доследственных проверок (12 исследований в 2007 г., 6 – в 2008 г.), из них положительных – 8 (4 – в 2007 г., 4 – в 2008 г.), отрицательных – 10 (8 – в 2007 г., 2 – в 2008 г.).

Согласно письму прокурора Свердловской области Ю. А. Пономарева в адрес Генеральной прокуратуры РФ (начальнику управления по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях и противодействии экстремизму), проведение судебных психолого-лингвистических *экспертиз* поручалось по двум уголовным делам экспертам Уральского регионального центра судебных экспертиз¹. По одному уголовному делу экспертиза была поручена специалистам криминалистической лаборатории регионального оперативно-технического отдела УФСБ России по Свердловской области с привлечением научных работников филологического и философского факультетов Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Независимым экспертам проведение экспертиз не поручалось.

Проведение психолого-лингвистических *исследований* в ходе доследственных проверок поручалось: по 3 материалам – специалистам Уральского регионального центра судебной экспертизы, по 7 материалам – специалистам криминалистической лаборатории регионального оперативно-технического отдела УФСБ России по Свердловской области, по 3 материалам – научным работникам Уральского государственного университета им. А. М. Горького, по 5 материалам – научным работникам Уральского юридического института МВД России.

Сроки проведения экспертных исследований и экспертиз составляют от 15 суток до 2-х месяцев. Фактов прекращения органами расследования уголовных дел (уголовного преследования) за истечением сроков давности привлечения к ответственности в связи с длительным производством экспертиз не выявлено.

Экспертизы и исследования в экспертных учреждениях проводятся бесплатно, но при привлечении научных работников высших учебных заведений возникает необходимость оплаты их труда. Фактов обжалования результатов проведенных экспертиз (исследований), исключения их из числа доказательств по уголовным делам, а также оснований для принятия решений в порядке ст. 144, 145 УПК РФ не имелось.

В настоящее время в Уральском региональном центре судебной экспертизы имеются 3 штатных эксперта-лингвиста. Отсутствуют эксперты-религиоведы и эксперты-политологи, что создает организационные трудности для следственных работников по привлечению для производства судебных психолого-лингвистических экспертиз научных работников различных учебных заведений. При таких условиях прокуратурой Свердловской области полагается целесообразным введение в Уральском региональном центре судебной экспертизы штатных должностей экспертов-религиоведов и экспертов-политологов, что обеспечит возможность прово-

¹ Информационно-аналитический бюллетень прокуратуры Свердловской области. 2008. № 3.

дить судебные психолого-лингвистические экспертизы более оперативно, качественно и в необходимом объеме.

Генеральный прокурор в Приказе № 190 от 28 ноября 2007 г. «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности» указал «считать надзор за исполнением указанного законодательства одним из важнейших направлений деятельности органов прокуратуры» (п. 1). Кроме того, п. 2.1. установлено, что при выявлении информационных материалов экстремистского характера необходимо *обеспечивать проведение соответствующих исследований и судебных экспертиз в рамках доследственных проверок и расследования уголовных дел.* При наличии положительных экспертных заключений своевременно решать вопрос о направлении в суды заявлений об установлении наличия в информационных материалах признаков экстремизма и признании их экстремистскими.

Сегодня органы прокуратуры и правоохранительные органы остро ставят вопрос о необходимости выработки эффективного механизма общей координации борьбы с преступностью на государственном уровне. В этой части необходимо обеспечить единообразную постановку задач, осуществить единое управление, а также установить персональную ответственность должностных лиц за выработку, принятие и результаты управленческих и оперативных решений.

Координация действий правоохранительных органов должна стать активной и наступательной. Акцентироваться на определении приоритетных направлений борьбы с преступностью, выделении основных форм и методов согласованных усилий по противодействию преступным проявлениям.

ÈááííáÁ. Á.

УрГИПС МЧС России

*Ó×ÁÁÍ ÛÁ ÇÁÁÁÁÁÍ ÈÈ Ì ÁÁ ÐÍÑÑÈÈ: ÑÒÐÁÍ ÈÒÛ ÈÑÒÍ ÐÈÈ
Á ÈÍÍ ÒÁÈÑÒÁ Í ÐÍ ÒÈÁÍÁÁÈÑÒÁÈÈ ÒÈÑÒÐÁÍ ÈÇÌ Ó
(Í ÐÈÈÈÁÁÍ ÛÁ ÁÑÍ ÁÈÒÛ ÁÁÍ ÁÇÈÑÀ ÑÈÑÒÁÍ Û)*

Ðíññý á XIX áááá Специализированные учреждения, готовящие кадры правоохранительного (в том числе пожарно-технического) профиля в Российской империи на протяжении большей части ее истории отсутствуют. Существующие учебные заведения проводят подготовку военных и гражданских руководителей, способных действовать во всех сферах государственного управления. Первая попытка создания учебного заведения, решающего задачу непосредственной подготовки руководящих кадров во второй четверти XIX в. – Училище правоведения (1835 г.). Первое учебное заведение, действующее в ведомственных интересах (полиции) – Школа городских и околоточных надзирателей Санкт-Петербургской столичной полиции (1867 г.). Формирование подобных структур в провинциях – Школа полицейских урядников г. Пермь (1880 г.). Приоритет осуществления мер по укреплению и развитию сети учреждений, выполняющих полицейские функции (отделения, канцелярии, Отдельный корпус жандармов, внутренняя и конвойная стража и пр.) Руководство и контроль хода противопожарных мероприятий отнесено к компетенции полиции Министерства внутренних дел.

Задачи борьбы с пожарами выполняются непосредственно обывателями под руководством военных или государственных (полицейских) чинов по причине обладания подавляющим числом мужского населения знаниями и навыками строительного дела. Необходимость в наличии специализированных учебных заведений по подготовке пожарных-профессионалов отсутствует.

Ḍīññēy ā īā:āēā XX āēā Осознание органами самоуправления и государством необходимости подготовки профессионалов в стенах специализированных учебных заведений. Сохранение первенства полиции в строительстве образовательных учреждений. Полиция: первые курсы повышения квалификации руководителей охранных отделений (1907 г.). 1908 год – начало подготовки полицейских руководителей на курсах по подготовке начальников сыскных отделений. Пожарная охрана: открыто первое и единственное дореволюционное учебное заведение пожарного профиля – Курсы пожарных техников в Санкт-Петербурге с ежегодным выпуском не более 10 специалистов (1906 г.). Сохранение населением способности эффективно участвовать в обеспечении пожарной безопасности практически по всей территории страны (за исключением крупных промышленных центров и наиболее сложных в техническом плане транспортных артериях). Планирование правительством П. А. Столыпина комплекса реформ по значительному расширению сети специальных учебных заведений МВД. Завершение оформления системы учебных заведений, осуществлявших профессиональную подготовку нижних чинов (пока только полицейского профиля) МВД империи. Кадры руководителей продолжают черпаться из армейских офицеров и выпускников более чем 120 высших учебных заведений страны. Система их профессиональной подготовки находится в зачаточном состоянии. Крах сложившейся системы подготовки кадров правоохранительного профиля в связи с изменением политико-государственного устройства страны. С победой советской власти государство берет курс на формирование комплекса специализированных учебных заведений, осуществляющих подготовку кадров в ведомственных интересах НКВД.

ÑÑÑḌ. Áāāōōāōūā āāū. Строительство образовательных учреждений, обслуживающих исключительно потребности правоохранительных органов. Система милицейских учебных заведений: средние школы комсостава, губернские, республиканские школы и курсы. Сеть образовательных заведений внутренних войск: Высшая пограничная школа, школа по переподготовке среднего комсостава при Управлении войск ВЧК-ГПУ, Школы при бригадах ВЧК-ГПУ. Комплекс учебных заведений пожарного профиля: Пожарный техникум, губернские и областные пожарно-технические курсы по повышению квалификации работников пожарной охраны городов, уездов и областей, а также предприятий. Отказ государства от их централизованного руководства и финансирования пожарным делом. Возложение руководства пожарной охраной на комиссариат по делам страхования. Вынесение вопросов пожарной безопасности в ведомства и на места; несогласованность их действий. Приоритет обеспечения деятельности органов безопасности и внутренних дел НКВД. Снижение способности населения эффективно участвовать в обеспечении пожарной безопасности.

Ḑēēāōōūā āāū. Завершение строительства системы подготовки специалистов, обеспечивающей пополнение правоохранительных органов необходимым

количеством кадров, перекрывающим основные направления деятельности НКВД. Милиция: около ста учебных заведений; внутренние войска: четыре военных училища; пожарная охрана: пожарные техникумы; школа военизированной пожарной охраны; факультет инженеров противопожарной обороны; школы подготовки и переподготовки высшего, старшего и среднего начсостава, школы подготовки младших командиров. Полная централизация системы правоохранительных (в том числе пожарных) органов. Главное управление пожарной охраны. Приоритет обеспечения деятельности органов и подготовки кадров в области государственной безопасности. Отставание развития системы учебных заведений пожарной охраны от потребностей страны, растущих в ходе индустриализации. Существенное уменьшение способности населения самостоятельно противостоять пожарам в крупных населенных пунктах и промышленных центрах.

Àòíðàÿ ì èðíàÿ àíéíà Сокращение сети учебных заведений органов внутренних дел и пожарной охраны. Сохранение опыта работы и преемственности деятельности профессионального «ядра» при организации образовательного процесса в тыловых образовательных учреждениях. Участие пожарных в борьбе с фашистской Германией (добровольчество, партизанские отряды, формирование частей действующей Армии, местная ПВО и т. д.). Обеспечение пожарной безопасности за счет создания пожарных формирований из широких слоев населения. Решение задач пожарной безопасности в условиях военного времени.

Í îíèààííóà àáú - éííàö XX àíéà Восстановление и развитие системы учебных заведений правоохранительных органов, количественный и качественный рост правоохранительных учебных заведений. Органы внутренних дел: более 20 высших учебных заведений (с 50 филиалами) на местах, расположенных в соответствии с плотностью населения по всей территории страны, около 10 средних специальных учебных заведений, научно-исследовательский институт, две спецшколы, суворовское училище. Удовлетворение в основном милицейскими учебными заведениями кадровых потребностей органов внутренних дел (с учетом оттока кадров в другие, более высоко оплачиваемые структуры). Трансформация системы учебных заведений пожарного профиля на более высокий уровень: академия, институт, училища, факультеты. Неоднократное переподчинение пожарных подразделений другим правоохранительным органам, вытеснение пожарной охраны за пределы правоохранительной системы. Значительное усложнение технологических процессов, задействованных в экономике, бурное развитие транспорта, и, как следствие, почти полная невозможность населения решать задачи пожарной безопасности в техносфере, с одной стороны, и резкий рост потребностей в большем количестве специалистов пожарной охраны – с другой. Невозможность удовлетворения в полном объеме потребности пожарных подразделений на местах в специалистах.

Ðííñèÿ á XXI àíéà Расширение сети учебных заведений милицейского профиля: университеты, академии, институты, трудно поддающиеся учету колледжи, лицеи, корпуса (по подсчету автора не менее 50), рост количества высших юридических государственных и частных учебных заведений, «океан» специализированных классов милицейского профиля образовательных школ. Их способность решить проблему подготовки соответствующих кадров. Пожарная охрана: уни-

верситет, академия, институты. Открытие факультетов и кафедр пожарной безопасности в учреждениях Министерства образования и науки РФ. Вхождение России в мировую экономику – рост валового внутреннего продукта – увеличение пожарных рисков и ущерба, наносимого пожарами. Переподчинение Государственной противопожарной службы недавно образованному ведомству – Министерству РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. Сохранение устойчивого спроса на специалистов пожарной охраны, невозможность его удовлетворения имеющимися образовательными учреждениями. Социальное уравнивание статуса специалистов пожарной охраны с офицерами правоохранительных органов и вооруженных сил. Угроза их отрыва в вопросах социальной защиты от офицеров армии и милиции в будущем.

А.А.А. За все время своего существования пожарная охрана не функционировала в качестве самостоятельной структуры (исследование последствий подобной реорганизации было бы весьма актуально). Ее значение как одного из государственных органов возрастало в моменты осложнений внешне- или внутривнутриполитической обстановки; она испытывала недостаточность внимания государства в периоды проведения реформ, являясь одним из источников экономии расходов. В сфере исполнения своих профессиональных функций пожарная охрана в течение значительного времени ощущала дополнительные трудности, обусловленные отсутствием должного внимания к организации ее работы (нахождение на «вторых-третьих» ролях в иерархии правоохранительных органов). Частая (в сравнении с «соседями») смена руководящих пожарной охраной организаций также не способствовала повышению эффективности ее деятельности. Ее функционирование за пределами правоохранительных органов всегда заканчивалось возвращением в систему военизированных учреждений. В рамках МВД она не только уступала другим «силовикам» по типу и относительному количеству образовательных учреждений; но и их организационное совершенствование также осуществлялось «вторым» эшелонем после завершения аналогичных мероприятий в других учебных заведениях. В современных условиях учебные заведения ГПС МЧС России нуждаются в дальнейшем расширении, формировании между ними устойчивого взаимодействия, более качественного мониторинге Учредителем, формировании системы объективной оценки динамики развития, реформировании образовательного процесса в направлении подготовки кадров различной квалификации, включении в русло общероссийского и европейского развития. Разработку основ платформы соответствующих предложений можно было бы поручить непосредственно учебным заведениям.

Е.Е.Е. А. А.

УпрЮИ МВД России

**Ї ÑÈŌĬĒĬĀĒ×ĀÑĒĒĀ ĀÑĬĀĒŌŪ ĬĎĀĀĎĀÑĬĬĒĬĀĬ ĬĬÑŌĒ
ĒĬĒŌĎĀĬ ĒĒĬ Ō Ē ĬĬĀŌĬĀŪ ĒĀĀ ĒĬĎĎĀĒŌĒĒ**

Экстремизм как одно из самых опасных явлений современности представляет собой серьезную угрозу национальной безопасности страны.

В современном мире и в Российской Федерации появилась новая форма террористической угрозы – повышенная психологическая предрасположенность гражданского населения к экстремизму. При этом низкий уровень культуры

безопасности жизнедеятельности населения, отсутствие знаний и навыков в области сохранения конструктивного типа поведения в стрессовых и чрезвычайных ситуациях создают объективную основу для катастрофической дестабилизации современного общества.

В переводе с латинского «terror» означает страх и ужас. Ужас – это максимальная степень переживания страха, усиливающего самого себя за счет повторяющейся циркуляции этого переживания в психике. Образно говоря, ужас – это страх страха.

Терроризм, в целом, исторически развивался по следующей цепочке: индивидуальный терроризм – групповой – локальный – массовый террор.

Психологическая сущность преступного поведения состоит в активном стремлении лица (либо группы лиц) добиться осуществления поставленной цели. Оно находит свое выражение в сознательно мотивированных действиях, направленных на достижение определенной цели, независимо от того, совпадает она или не совпадает с наступившими общественно опасными последствиями. Главное в террористической акции не само насилие, а производимый им психологический эффект – запугивание, создание массового психоза в обществе.

Специфической задачей террористических актов и террористических войн является формирование чувства страха и ужаса не только у лиц, вовлеченных в экстремальные события, но и у всех остальных людей. Такие действия вызывают широкий общественный резонанс и, как следствие, панику, дезорганизацию, хаос. Для современного мира характерно все более массовое насилие.

В условиях неопределенности в поведенческих и когнитивных процессах стрессированных людей (людей, в условиях пережитого либо переживаемого ими стресса) типичными становятся явления минимизации ориентировочных реакций, приглушенность эмоциональных переживаний, истерические припадки и безрассудное поведение. У большинства людей, оказавшихся в условиях экстремальной ситуации, искажается восприятие пространства и времени, возникает ощущение нереальности ситуации. Характерным примером возникновения парадоксального психологического состояния и перехода с конструктивного типа мышления на деструктивный является «стокгольмский синдром» (данный феномен описан криминалистом Нильсом Биджеротом в ходе анализа ситуации, возникшей в Стокгольме во время захвата заложников в августе 1973 г.).

Борьба с экстремизмом в последние годы превратилась в одну из первоочередных задач общества. Безусловно, преступления данного рода фактически не должны оставаться безнаказанными. Вопреки актам экстремизма следует на государственном уровне выработать единую эффективную политику защиты личности, общества и государства.

Современная стратегия законодательного обеспечения борьбы с проявлениями экстремизма – повышение эффективности ресурсного обеспечения борьбы с проявлениями экстремизма.

При этом целесообразно, чтобы специалисты в области обеспечения безопасности жизнедеятельности населения активно работали над формированием личности безопасного типа как в сфере личной безопасности, так и в сфере формирования общественного самосознания. Существенным является формирование аде-

кватных поведенческих стереотипов безопасного поведения, эффективных как для предотвращения ЧС, так и для их профилактики.

Действия террористов требуют, в свою очередь, адекватных мер со стороны компетентных органов, концентрации усилий по борьбе с данной категорией преступлений, специализации, надлежащей подготовки и оснащения своих сотрудников.

Ī äëpãĭ Ñ. Ā.

УрЮИ МВД России

***ÑŌĀĪ ĪĀĒĀĪ ĒĀ ĄĒĒĪ ĪĀĀŌĀĒŪĪ ĪĒ ĪĪĒĒŌĒĒĒ
ĐĪÑÑĒĒĒĒĒĒ ĒĀĀĀĐĀŌĒĒ Ā ÑŌĀĐĀ ĀĪĐŪĀŪ Ñ ĲĒÑŌĐĀĪ ĒĄĪ ĪĪ***

России экстремизм известен давно. Как общественно-политическое явление экстремизм возник в результате действий определенных политических сил, общественных групп, направленных на распространение – через насилие – собственных взглядов на политическое и социально-экономическое устройство, межгосударственные отношения. В нашу жизнь экстремизм вторгся на изломе крутых перемен в политической, экономической, социальной жизни общества, этому отчасти способствовала неграмотная, хаотичная и во многом спонтанная законодательная политика российского государства в сфере борьбы с экстремизмом.

Законодательную политику следует рассматривать в качестве важнейшего самостоятельного вида, основного «ядра» правотворческой политики, которая, в свою очередь, является основной составляющей юридической политики государства.

Законодательная политика государства определяется как совокупность целей, средств и способов деятельности субъектов законодательной власти, направленная на реализацию правотворческой функции государства, выраженная в форме принятия законов, в целях повышения эффективности правового регулирования, обеспечения прав и свобод граждан, укрепления законности и правопорядка¹. Необходимо добавить, что законотворчество является основной формой реализации законодательной политики. Законотворчество, в свою очередь, – это особый вид правотворчества, направленный на создание законов в точном, формальном смысле слова как актов высшего законодательного органа².

Экстремизм реально угрожает не только нравственным и духовным устоям общества, но и жизни граждан России, государственности, а значит, и целостности многонациональной страны. Следовательно, экстремизм является одним из основных направлений воздействия законодательной политики российского государства в целях его нейтрализации и устранения.

Анализ действующего Российского законодательства позволяет сделать соответствующие выводы о проработанности и законодательном закреплении понятия «экстремизм», мерах борьбы с данным общественно опасным явлением, реализации и юридической практики применения этих правовых положений.

Следует констатировать, что до принятия Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» Российская Федерация располагала

¹ Березовский Д. В. Становление и развитие законодательной политики субъектов Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2005. № 2. С. 126–132.

² Венгеров А. Б. Теория государства и права: Учеб. для юрид. вузов. М.: Юриспруденция, 1999. С. 415.

пусть и не всеми необходимыми, но, по крайней мере, многочисленными и разнообразными правовыми средствами противодействия экстремистской деятельности. Однако положительного результата они не принесли ни до, ни после принятия указанного Федерального закона.

Объяснение этому видится в слабой изученности самого явления «экстремизм» с позиций уголовного права, криминологии и юридической психологии в процессе законотворчества. По проблемам экстремизма выполнено незначительное количество диссертационных работ и монографий. Разумеется, данное обстоятельство не могло не повлиять на качество нормативно-правового акта, определяющего основные понятия в области противодействия экстремистской деятельности. Юридическая литература содержит немало положений о недостатках Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» (например, отождествление понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность»)¹.

Отсутствие единой концепции борьбы с экстремизмом проявляется в том, что создаваемые новые нормативные правовые акты, регламентирующие борьбу с отдельными его видами и формами, содержат дублирующие нормы. На самом деле они должны раскрывать специфические особенности противодействия конкретным формам и видам экстремизма, а не повторять общие принципы и положения.

Изучение Федерального закона «О противодействии терроризму» показывает, что он практически никоим образом не связан с Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности». Отсюда значительное число повторяющихся норм, коллизий и противоречий².

В заключение хотелось бы отметить, что даже далеко неполный обзор проблем законодательной политики РФ, направленной на борьбу с криминальным экстремизмом, и практики его проявления позволяет сделать выводы о том, что бессистемное, спонтанное реформирование нормативно-правовой базы дестабилизирует правоприменительную практику, что отрицательно сказывается на уровне защищенности прав и свобод граждан Российской Федерации.

В связи с этим назрела необходимость разработки глобальной концепции борьбы с экстремизмом, в которой были бы сформулированы ее основные задачи, цели и направления. Изменения и дополнения в законодательство должны носить «опережающий» характер, создавая основу для пресечения новых форм криминального экстремизма. Экстремизм, как и терроризм, по справедливому замечанию В. В. Лунеева, становится фактором глобального значения³, что актуализирует необходимость унификации национальных законодательств в этой сфере, выработки единых подходов. Уголовная репрессия не может рассматриваться в качестве основного метода обеспечения межнационального и межконфессионального диалога. Следует продолжить работу по разработке проекта «Основы политики Российского государства в сфере свободы совести и вероисповедания», а также активизировать деятельность по реализации положений Федеральной

¹ Сергун Е. П. Правовое обеспечение противодействия экстремистской деятельности в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 2. С. 196–198.

² Бурковская В. Законодательство, направленное на борьбу с экстремизмом: проблемы становления и правоприменительной практики // Уголовное право. 2005. № 1. С. 106.

³ Лунев В. В. Основные тенденции терроризма в мире и России // Законодательное обеспечение борьбы с терроризмом: предупреждение, ответственность, правовая помощь. М., 2004. С. 23.

целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе»¹.

*Генерал А. А.
УрЮИ МВД России*

*ГЛАВНОЕ ПОСОЛНИЕ ПО ПРОБЛЕМАМ
НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЭКСТРЕМИЗМА*

В XXI веке экстремизм, как и терроризм, во всех его формах и проявлениях представляет собой одно из самых опасных, сложных и трудно прогнозируемых социально-политических и криминальных явлений, серьезно дестабилизирующих социально-экономическую и политическую обстановку в Российской Федерации и реально угрожающих национальной безопасности страны.

В настоящее время экстремизм представляет собой серьезную опасность для нашего общества. Экстремизм – это приверженность к крайним взглядам и мерам, особенно в политике.

Выделяют несколько форм экстремизма:

- националистический;
- экологический;
- бытовой;
- религиозный;
- экономический;
- политический.

Основная роль в дестабилизации социально-экономических процессов в современном обществе принадлежит двум формам экстремизма: **политическому и религиозному.**

Политический экстремизм более привержен к крайним взглядам и действиям в политике и идеологии.

Политический экстремизм включают в себя:

- пропаганду крайних форм национализма, шовинизма, расизма и т. д.;
- установление антидемократической, тоталитарной государственно-политической системы;
- насильственное свержение конституционного строя;
- силовые формы разрешения международных и внутренних конфликтов в качестве основы внешней и внутренней политики государства;
- широкое использование социальной демагогии, обмана, фальсификации и мифотворчества;
- манипулирование сознанием людей, популистские приемы для расширения своей социальной базы и политической поддержки.

Политический экстремизм подразделяется на «правый» и «левый». «Правый» экстремизм – это пропаганда и борьба за сохранение, развитие консервативных ценностей, форм политического устройства.

Основные формы «правого» экстремизма:

- фашизм;

¹ Залужный А. Г. Правовые проблемы государственно-конфессиональных отношений в современной России. М., 2004. С. 67.

- религиозный фанатизм;
- правый популизм.

Общепринятого определения фашизма в современной научно-политической литературе не существует. Данное обстоятельство крайне отрицательно сказывается на деятельности правоохранительных органов России по пресечению противоправной деятельности правоэкстремистских организаций.

В фашизме ведущим элементом выступает «ультра национализм», т. е. оценка «нации», интересы «нации» выступают наивысшими по сравнению с другими ценностями и интересами.

Цель фашизма – возрождение и оздоровление в своей стране «титულიной» нации, укоренение в ней изначальных, исконных ценностей, создание «эффективной» формы общественной организации, основанной на приоритете государственных интересов под руководством единовластного вождя.

«Левый» экстремизм апеллирует к идеям так называемого «левого» толка, которые провозглашают в качестве носителя общественной мудрости и истины «трудящиеся» классы и слои: пролетариат, трудовое крестьянство и т. п.

Они критикуют современный капитализм за социальное неравенство, несправедливость, эксплуатацию, подавление личности. Для «левого» экстремизма характерно возведение противоречия между «эксплуататорами» и «эксплуатируемыми», все иные противоречия и проблемы – межэтнические, межрелигиозные, культурные и др. – являются второстепенными. При этом отбрасываются в сторону интересы других политических сил и течений, в качестве представителя воли всего народа рассматривается только собственная партия, ее вожди. Цель левоэкстремистских организаций – возрождение социализма в России, установление власти советов трудящихся при руководящей роли коммунистической партии. При этом, как правило, модель государственного социализма рассматривается в качестве безупречного воплощения идей классиков марксизма-ленинизма.

Наибольшую опасность для общества и государства представляет экстремизм, основанный на религиозной идеологии, особенно в его крайних формах, выражающийся в приверженности к насильственным методам достижения целей, связанный с созданием военизированных формирований и культивированием агрессивного поведения. Террористические акты, совершаемые по религиозным мотивам, оборачиваются большим количеством смертей, поскольку для террориста-фанатика насилие – это божественная обязанность, освобождающая от соблюдения нравственных и моральных норм. Мишенью таких террористов становится неограниченное количество лиц, которые не исповедуют одну с террористом религию или не входят в его религиозную общину.

Религиозный экстремизм в самом общем виде можно определить как деятельность религиозных объединений (организаций и групп), должностных лиц и граждан, направленную на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, нарушение прав и свобод граждан, насильственный захват власти или насильственное удержание власти, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни, нарушение суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, иное применение насилия, а также публичные призывы к совершению противоправных деяний по мотивам религиозной нетерпимости.

Религиозное объединение экстремистской направленности – это объединение, признающее в своих учредительных, программных и иных документах, печатной продукции либо публичных выступлениях своих руководителей и членов возможным совершение деяний, направленных на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, нарушение прав и свобод граждан по религиозным, расовым или национальным мотивам, насильственный захват или насильственное удержание власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации, а также утверждение идей религиозного превосходства.

В конце 90-х гг. двадцатого века в России было зарегистрировано 16 688 религиозных объединений, 284 религиозных центра и управления, 13 600 религиозных общин, принадлежащих к 61 различной религии и конфессии, 57 духовных образовательных учреждений, 318 монастырей, 341 миссия, 147 братств и сестричеств.

Уральский федеральный округ с центром в Екатеринбурге – один из наиболее крупных, промышленно развитых географических регионов России. В состав его входят: Свердловская, Челябинская, Тюменская, Курганская области, Ханты-мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа.

На территории округа проживает более 12,5 млн человек: свыше 100 национальностей, крайне неоднородных в этнографическом отношении. Основные языковые группы – индоевропейская, уральско-юкагирская и алтайская. В основном население округа составляют русские.

Наиболее многочисленные этнические группы – татары, башкиры, азербайджанцы, таджики, чеченцы, украинцы, белорусы, марийцы, удмурты, мордва, чуваша, коми, манси, ханты, ненцы и т. д.

В субъектах по Уральскому федеральному округу зарегистрировано 294 исламских религиозных организаций, что составляет 21 % от общего количества религиозных организаций других конфессий. Из них в Свердловской области – 62, в Челябинской области – 65, в Тюменской области – 84, в Курганской области – 42, в Ханты-мансийском АО – 26, в Ямало-Ненецком АО – 15 организаций.

Самым радикальным из исламских экстремистских течений является ваххабизм – религиозно-политическое учение, возникшее в Центральной Аравии в середине XVIII в. Центральное место в этом учении занимает возврат к принципам первоначального ислама, суть которого составляет жесткое единобожие.

Исламский экстремизм на территории России проявляется в следующих формах:

- активное проповедование радикального ислама;
- склонение молодежи к экстремистским воззрениям;
- преступления, напрямую связанные с религиозными конфликтами;
- сращивание экстремистов с организованными преступными группами, в том числе занимающимися общеуголовными преступлениями: вымогательством, похищением людей, незаконным оборотом оружия, наркотиков и т. д.;
- участие лиц, исповедующих ваххабизм, в боевых действиях в составе незаконных вооруженных формирований;
- участие иностранных эмиссаров ваххабистского движения в пропагандистской деятельности, а также в боевых действиях в Чечне;
- организация и проведение терактов и диверсий;
- проникновение в правоохранительные органы и органы власти.

В целях противодействия религиозному экстремизму, предотвращения конфликтов на национальной почве сотрудникам органов внутренних дел совместно с другими правоохранительными органами необходимо наметить комплекс мероприятий, направленных:

- на организацию мониторинга деятельности религиозных экстремистов, восприятия их различными слоями местного населения в целях учета полученных результатов в деятельности органов внутренних дел;

- противодействие распространению радикальной исламской идеологии и пресечение деятельности общественных объединений и организаций, исповедующих антигосударственную экстремистскую идеологию под прикрытием исламских ценностей;

- активное привлечение к работе и координацию совместных действий с лидерами мусульманских организаций традиционного направления по контрпропаганде идей мусульманского фундаментализма и экстремизма, выявлению лиц, поддерживающих и трактующих Коран по учению Ваххаба;

- проведение совместных с сотрудниками Минюста постоянных проверок религиозных организаций и движений;

- укрепление взаимодействия и обеспечение оперативного обмена информацией между правоохранительными органами Российской Федерации и правоохранительными органами других стран, особенно государств – участников СНГ;

- создание объединенного банка данных об экстремистских организациях, действующих на их территории Российской Федерации, других стран мира, и особенно государств – участников СНГ ;

- организацию проведения межведомственных оперативно-профилактических целевых мероприятий и специальных операций: «Вихрь-Антитеррор», «Арсенал», «Динамит», «Наемник», «Граница», «Канал» и др.;

- организацию получения оперативной информации о сепаратистских, экстремистских и иных подобных настроениях, попытках дискредитации органов власти и их представителей, активизации криминального элемента и участников различных экстремистских формирований;

- предупреждение и раскрытие террористических акций, привлечение лиц, их организовавших, совершивших и оказывающих содействие при их проведении к уголовной ответственности;

- пресечение каналов финансирования религиозно-экстремистских организаций;

- выявление фактов незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, принятие мер по изъятию названных предметов, задержанию и привлечению к ответственности виновных лиц.

На сегодняшний день религиозно-экстремистские организации все чаще проявляют себя в нашей стране и на фоне социальной неустроенности привлекают в свои ряды новых и новых участников. Это диктует необходимость научного анализа и изучения данного явления со всех сторон, использования современных форм и методов при организации работы по противодействию данной категории преступлений.

Предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений экстремистской направленности – это новая для органов внутренних дел сфера деятельности, в которой значительное место отводится оперативно-розыскным мероприятиям.

Оперативные подразделения составляют ядро всех сил органов МВД России, призванных вести борьбу с преступлениями экстремистской направленности. Непродолжительная практика применения нового уголовно-процессуального законодательства по борьбе с экстремизмом предопределяет актуальность задачи науки и практики по дальнейшему обобщению и выработке дополнительных методических рекомендаций о формах и методах оперативной работы, обеспечивающих высокую эффективность этого важного направления деятельности органов внутренних дел.

Навигатор И. А.
УрЮИ МВД России

І АОІ АЕЕА АЎБАЕАІ ЕВ І ДЕСІ АЕІА ЯЕНОВАІ ЕСІ А

Проблема, обозначенная в заявленной теме, почти не представлена в научной литературе, но в то же время весьма актуальна. Практическим органам, противодействующим экстремизму, необходимы методические рекомендации с разъяснением порядка привлечения специалистов к проведению экспертиз (исследований), правильной постановки вопросов эксперту (специалисту), определения способов и приемов выявления содержащихся в аудио-, видео- и печатных материалах признаков экстремизма.

Задача осложнена тем, что в действующем законодательстве понятие «признаки экстремизма» далеко от научного, политологического значения, а потому выглядит как простое перечисление, носит «мозаичный» характер. К тому же, с момента принятия в 2002 г. Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» список этих признаков подвергался изменениям: был расширен в 2006 г. и существенно сокращен в 2007 г. В данный момент в законе указано тринадцать видов деяний, рассматриваемых как экстремистские. Они носят разноплановый характер и даже частично включены друг в друга. Например, совершение преступлений по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1. ст. 63 УК РФ, подразумевает нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии, а пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики связаны с возбуждением социальной, расовой, национальной или религиозной розни. Должен быть некий объединяющий, интегративный для многообразных проявлений экстремизма, признак. Таковым является возбуждение ненависти, вражды или унижение достоинства в связи с принадлежностью к определенной группе (национальной, религиозной, социальной). Деяние в данном случае рассматривается как целенаправленное речевое изложение мысли и иные формы передачи информации языковыми или изобразительными средствами. Поэтому предметом нашего исследования являются признаки экстремизма, фиксируемые в аудио-, видео- и печатных текстах и материалах.

Выявление таких признаков представляет собой анализ смыслового содержания информации, способной генерировать отрицательную эмоциональную установку по отношению к группе или индивиду, побуждая к действиям против индивидов или группы, нарушая их права и свободы, нанося им ущерб.

Такое исследование затрагивает сразу несколько взаимосвязанных уровней: собственно лингвистический, социально-психологический, культурологический (религиоведческий, исторический).

Выявление признаков экстремизма носит комплексный характер и не может быть прерогативой только филологов или только историков религии, или только политологов и т. д. В настоящее время признается, что при ведущей роли психолингвистики (науки, изучающей воздействие слова на психику человека) в выявлении признаков, возбуждающих ненависть и вражду, необходимо привлечение специалистов (культурологов, религиоведов, этнологов) способных оценить достоверность и объективность фактического содержания исследуемых материалов.

Поскольку у нас в стране отсутствует специальный экспертный орган по подобным делам, необходимо обращаться к уже положительно зарекомендовавшим себя в проведении таких экспертиз и исследований специалистам в области гуманитарного знания.

Перед практическими органами стоят задачи выявления признаков экстремизма на начальной стадии противодействия экстремизму, что необходимо и для профилактической работы, и для эффективного построения работы со специалистами, экспертами в плане правильного формулирования вопросов к исследованию (экспертизе).

Устный или письменный текст, аудио- или видеоряд содержит информацию, свобода распространения которой гарантирована Конституцией РФ. В то же время эта свобода может быть ограничена, если данная информация побуждает к насилию, нарушению прав и свобод.

Экстремизм – это использование крайних, деструктивных, выходящих за рамки дозволенного, средств для достижения радикальных религиозных или политических целей. Исследуя соответствующие материалы, мы не можем оценочно подходить к самим по себе взглядам, убеждениям, религиозным догмам. Личная мировоззренческая, идеологическая беспристрастность исследователя является необходимым условием и требованием закона.

Для полноты и объективности исследования необходимо сопоставление мнений нескольких независимых друг от друга специалистов.

При выборе специалиста для проведения исследования надо учитывать возможность его религиозной или идеологической ангажированности. Поэтому следует воздержаться от привлечения к исследованиям представителей общественных, политических или религиозных организаций. Их мнение может учитываться, но только в отношении частных фактических моментов исследования, но никак не окончательных выводов.

Например, с точки зрения представителей традиционного ислама на Северном Кавказе, ваххабизм является абсолютным злом и должен быть запрещен. В то же время сам термин «ваххабизм» является названием одного из направлений ислама, системы религиозных взглядов, самих по себе экстремизмом не являющихся.

За последние два года кафедрой философии УрЮИ МВД России по заказу органов внутренних дел, прокуратуры, органов государственной и муниципальной власти было проведено 36 внесудебных (допроцессуальных) исследований и судебных экспертиз аудио-, видео и печатных материалов на предмет наличия в них признаков

экстремизма. Анализ результатов проведенных исследований позволяет сделать некоторые выводы о характере экстремистских проявлений в нашем регионе.

В политической сфере материалы, несущие признаки экстремизма, в основном принадлежат «либеральной» оппозиции нынешнему политическому курсу руководства (СПС, «Оборона», сторонники Гарри Каспарова и Михаила Касьянова), в меньшей степени встречаются материалы «национал-большевистской партии» Эдуарда Лимонова, которая, впрочем, солидарна с вышеназванной оппозицией. Еще в гораздо меньшей степени представлены материалы левоэкстремистских движений (АКМ, РКСМБ).

В этноконфессиональной сфере материалы, содержащие признаки экстремизма, в основном носят антиеврейский (антииудейский) характер и принадлежат религиозно-политическим группировкам, для которых юдофобия является ключевой частью идеологии (сторонники Михаила Назарова, НДПР, большинство скинхедов).

Особо хотелось отметить рост материалов, несущих признаки религиозного экстремизма и направленных против христианства и Русской Православной Церкви. Этот факт мы связываем с процессом возрождения и развития религиозной жизни и ростом влияния Православия на общественную и культурную жизнь страны. В частности, в первую очередь антихристианский характер носят книги В. Емельянова «Десионизация» и И. Синявина «Стезя правды», а также признанные Верх-Исетским районным судом города Екатеринбурга экстремистской литературой книг В. Истархова «Удар русских богов» и «Что такое “Мертвая вода?”».

Особняком стоят материалы так называемого «молодежного экстремизма», под которым обычно понимают группировки движения скинхедов. В материалах данного движения четко видны признаки расовой и религиозной ксенофобии, призывы к совершению насильственных преступлений, а также пропаганда войны и культ насилия. Стоит отметить, что движение скинхедов носит ярко эстетизированный характер, поэтому их материалы представлены не печатными текстами, а аудио- и видеодисками, файлами, распространяемыми через Интернет.

Перед исследователем (экспертом) или сотрудником, принимающим решение об изъятии материалов и направлении их на исследование, стоит сложная задача – отыскать эту тонкую грань между свободой слова и призывом к насилию. В качестве методических аспектов и моментов, требующих внимания в таком исследовании, хотелось бы отметить следующее:

1) Анализ представленного текста должен начинаться с определения истинности приводимых фактов. Очень часто в качестве непреложной истины преподносятся не фактические данные, а слухи, измышления, мифы и гипотезы, тенденциозно подобранные, извращенные факты, бездоказательные утверждения и представления, отвергнутые современной наукой. Специалист в области исторической, религиозно-культурологической или политической науки в рамках своей компетенции должен ответить на вопрос об истинности приводимых фактов.

Например, в книгу В. Истархова включена антиеврейская фальшивка – «Катехизис еврея в СССР», где утверждается о сознательно враждебном плане евреев по отношению к русским. В книге Г. Бутми «Кабала или свобода» содержится «Речь раввина к еврейскому народу», в которой показывается злобный образ иудаизма, но при этом даже не делается попытка указать выходные данные этого документа. То есть налицо попытка явную фальшивку выдать за истину. В книге

В. Емельянова «Десионизация» приводится «Легенда об Адонираме», произведение, относящееся к жанру фантастики, т. е. не имеющее статуса действительно серьезного историко-культурного документа. Смысл этой легенды в том, что иудаизм – это скрытый сатанизм и родоначальник масонства как международной организации, а христианство – это низшая степень посвящения в масонство.

В книге М. Назарова «Жить без страха иудейска!» в главе «Духовные истоки иудейского экстремизма» автор делает попытку отождествить иудаизм и сатанизм, теологически обосновать «сатаноизбранность» современных иудеев и тем самым дискредитировать их в глазах общественного мнения. Цитирование слов Христа из Евангелия от Иоанна (8:44) «Ваш отец – Дьявол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего» не может быть аргументом в силу того, что эти слова были сказаны в определенном историко-культурном контексте и имели отношение к конкретным лицам той эпохи. Все основные направления современного христианства (православие, католицизм, протестантизм), признавая ложность религиозного выбора иудеев, не ставят знак равенства между иудаизмом и сатанизмом. Полагаем, что сравнение иудаизма с сатанизмом является умышленным приемом, направленным на демонизацию иудаизма в глазах общественного мнения, внушение ужаса и отвращения по отношению к иудеям как к представителям этноконфессиональной группы.

2) В правильной оценке специалиста нуждается сознательное искажение, извращение специфики тех или иных национальных или религиозных групп.

Например, в вышеназванной книге В. Истархова автор искажает особенности христианского вероучения и религиозной практики, главного православного и католического богослужения – литургии, формируя у читателей отвращение к ним. И это не просто заблуждение, а сознательный подход, что мы и видим в используемой при этом лексике: *«Трактовать можно что хочешь и как хочешь, а факт остается фактом: христиане – это мистические людоеды, которые мысленно едят человечину и пьют кровь. Тем самым отдают свою душу дьяволу. И никакая демагогия этого факта не изменит и не оправдает. Воистину христианская церковь – это церковь дьявола. Пока что христианские попы не додумались предложить истинно верующим кушать (мысленно, конечно) христовый кал и пить христову мочу. Еще предложат, будьте уверены. Приятного вам аппетита, святые христиане!»*

В листовке «Чем живет страна-48», подписанной «Славянским Культурным Центром Национально-Державной партии России» содержатся разжигание розни и оскорбления в адрес Русской Православной церкви, глумление над ее праздниками и святынями. Например, верующие называются баранами, икона «Животворящий источник» называется «жидоносным», православный праздник Усекновение главы Иоанна Предтечи называется «садистским», сами православные христиане именуются «труполобивой мразью». Данные высказывания основаны на сознательном искажении религиозной специфики Православия.

Распространенным приемом является «полуправда-полуложь», т. е. выборочное предоставление информации. Например, приводя ксенофобские высказывания из Талмуда или иудейской книги «Шулхан-Арух» как доказательства деструктивности иудеев как этноконфессиональной группы, авторы не показывают

контекста, в котором они были сказаны, и умалчивают о том, что, например, в Талмуде эти высказывания носят характер не императивных указаний, а мнений, высказанных в ходе дискуссии.

3) Следует обращать внимание на экспрессивно окрашенную лексику, используемую в тексте. Например, в вышеназванной книге В. Истархова Христос назван *«параноиком и извращенцем»*, а христианство – *«духовным СПИДом»*. В книге И. Синявина *«Стезя правды»* говорится о *«христианском наркотике, пропитавшем все поры нашей культуры»*, в отношении христианских святых используется однозначно негативное выражение – *«труп ходячий»*, содержится фраза *«Не уподобься христианским священникам, произносящим проповеди елейными голосами, словно кастраты или пассивные гомосексуалисты»*. Данный специальный психолингвистический прием основан на использовании выражений, негативно воспринимающихся в массовом сознании. Наиболее ярким примером является использование слова «фашизм», которое в массовом сознании давно уже утратило свой историко-политологический смысл, и стало своеобразным ярлыком. Пример – название фильма К. Душенова *«Еврейский фашизм. Россия с ножом в спине»*. Или листовка *«Неприкосновенность вкладов»*, распространяемая противниками «партии власти» накануне выборов в Государственную Думу 2007 г. заканчивалась лозунгом *“Единая Россия” – партия обыкновенного фашизма»*. Известно, что выражение *«обыкновенный фашизм»* является названием документального фильма Михаила Рома, эмоционально резко осуждающего фашизм. Три поколения жителей России хорошо знакомы с этим фильмом, поэтому использование данного выражения есть прием психолингвистического воздействия с целью дискредитировать партию *«обыкновенного фашизма»* – *«Единую Россию»*.

4) Специальным приемом является также сознательное и целенаправленное посягательство на религиозные и национальные святыни, оскорбление религиозных и национальных чувств, что нарушает права и свободы, возбуждает национальную и религиозную рознь.

Например, в книге И. Синявина *«Стезя правды»* содержится кощунственное, задевающее религиозные чувства христиан, утверждение, что одно из главных религиозных действий христианской церкви – причащение является *«причащением к миру наркоманов и духовных мертвецов»*. Тут же говорится, что христианских святых – аскетов следовало бы сажать в сумасшедший дом. В книге В. Емельянова *«Десионизация»* говорится, что: *«из недр Аравийского полуострова вышло племя профессиональных преступников-евреев»* (в дословном переводе с иврита – *«проходимцев»*). Данный пассаж объявляет преступниками целый этнос – евреев, оскорбительно преподнося их самоназвание. К подобным примерам относится глумление над холокостом, которое лежит в основе целого ряда видеороликов, снятых студией «Формат 18», относящейся к направлению «скинхедов».

Глумлением над исторической памятью русского народа и народов бывшего СССР следует назвать сознательное использование элементов фашистской (нацистской) символики, поскольку жители России, подавляющее большинство которых негативно относится к нацизму, являются потомками его жертв и героев, победивших нацизм в Великой Отечественной войне. Пропаганда нациз-

ма унижает национальное достоинство русского народа и других народов бывшего Советского Союза.

5) С вышеназванным приемом связан такой признак экстремизма, как пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности.

Доведенная до предела идея исключительности приводит к дегуманизации представителей иной национальной или религиозной группы, что оправдывает насилие по отношению к ним.

Понятие пропаганды подразумевает систематические действия, направленные на внедрение в общественное сознание идей и формирование установок. Поэтому к данному признаку нельзя отнести единичные высказывания и суждения, выдвинутые в качестве тезиса мировоззренческой или политической дискуссии (например, высказывания участников телевизионного ток-шоу или интернет-форумов).

Не являются подобной пропагандой высказывания лиц с низким образовательным и культурным уровнем, не позволяющим им адекватно аргументировать свою точку зрения, вести дискуссию и сознавать степень социальной ответственности за сказанные слова.

Так же нельзя считать подобной пропагандой распространение религиозных взглядов избранничества последователей определенной религии. Такие взгляды есть практически во всех религиях, но их пропаганда является экстремизмом только в том случае, если включает требование изменить объем гражданских прав и обязанностей лица или унижает национальное достоинство иной этнорелигиозной группы. Например, высказывание о том, что «только мусульмане имеют истинную Веру» экстремистским не является. В то же время высказывание о том, что «в православных храмах одни старухи» или «власть в нашей стране и во всем мире должна принадлежать мусульманам» может быть расценено как экстремистское.

6) Следует обращать внимание на наличие четко обозначенного адресата разжигающих вражду высказываний. В качестве элемента объективной стороны преступления ст. 282 УК РФ указывает на необходимость наличия конкретной национальной, религиозной, расовой, половой, языковой или социальной группы, в адрес которой приводятся высказывания. Поэтому далеко не всегда грубые и жесткие политические высказывания являются экстремистскими. Например, в печатном издании партии «Справедливая Россия» в Свердловской области, распространяемом накануне выборов в Государственную Думу 2007 г. представлено высказывание А. Буркова: *«Я не позволю чиновникам грабить моих земляков!»*. Сама по себе эта фраза не носит характера разжигания социальной розни, так как буквально понятое и изложенное наименование «чиновники» довольно расплывчато и может означать не только сотрудников аппарата действующей власти России, но и чиновников общественных, религиозных организаций, чиновников из других стран и т. д. Жесткие, популистского толка, политические высказывания А. Буркова направлены против неопределенного круга лиц – *«бюрократов, толстосумов, сидящих на чиновничьих креслах»*. Данное высказывание не персонифицирует объект, по отношению к которому предположительно могла бы разжигаться

социальная рознь, следовательно, признаков разжигания такой розни мы здесь не усматриваем.

В предвыборных материалах КПРФ и ЛДПР 2007 г. также не содержатся призывы к изменению политического строя или свержению действующей власти, резкая критика направлена против отдельных чиновников, в том числе президента и правительства, но не против государства как такового.

В то же время примерами разжигания социальной розни может служить документальный фильм «Психиатрия. Индустрия смерти» саентологической организации ГКПЧ (Гражданская комиссия по правам человека). Объектом вражды в данном случае является социальная группа, образованная по признаку профессиональной деятельности и именуемая в фильме «психиатры», т. е. профессиональное психиатрическое сообщество.

7) Зачастую признаки экстремизма пытаются обнаружить в политической полемике, оценивая ее как клевету. Под клеветой как признаком экстремизма понимают публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением.

Клеветой является распространение сведений о лице, заведомо не соответствующих действительности и задевающих его честь и достоинство. Поэтому следует отличать политическую полемику, допускающую порой жесткие высказывания, от собственно публичной клеветы, факт которой должен быть установлен в судебном порядке. Например, карикатура на губернатора или президента, смысл которой в том, что он вообще (без указания на конкретные действия этого лица) плохо исполняет свои обязанности, не является клеветой, так как затрагивает, прежде всего, политический курс, а не саму личность. Так же нельзя считать клеветой материалы, где политик изображается условно, без приведения фамилии, имени и отчества, в виде «человека, похожего на...».

8) Прием, направленным на возбуждение вражды и ненависти, является формирование установки на принципиальное противоречие, несовместимость социальных, национальных, религиозных групп. Например, с психолингвистической точки зрения фраза «*Мир народам, война властям*» (размещенная в канун выборов в Государственную Думу 2007 г. на одном из зданий органов государственной власти России в Свердловской области) построена с использованием антонимов, т. е. слов, противоположных по своему лексическому значению. Понятия «мир» и «война» обозначают взаимоисключающие, несовместимые явления. Они соотносятся в высказывании с другой парой явлений, и взаимоисключающий смысл переходит на эту пару явлений: *народам – мир, а властям – война*. Благодаря использованию такого психолингвистического приема потенциальному читателю исследуемой фразы внушается мысль о враждебности, принципиальной несовместимости «народов» и «властей».

9) Авторы экстремистских материалов зачастую используют сознательное нарушение основных логических законов. Например, в листовке сторонников антипутинской оппозиции «*Налоги – это грабеж!*» авторы под видом теоретико-политических рассуждений пытаются внедрить в сознание читателей мысль о вредности и неприемлемости выполнения своей конституционной обязанности –

уплаты законно установленных налогов и сборов. Для этого используется прием подмены понятий. Сущностным признаком налогов определяется принуждение, которое неправомерно отождествляется с насилием, а насилие приравнивается к грабежу, т. е. аморальному поступку и преступлению. Налицо сознательное выстраивание логически порочной цепочки рассуждений.

Авторы листовок той же серии «*Неприкосновенность вкладов*», «*Единая Россия – партия фашистского толка?*» используют прием негативных исторических параллелей, сравнивая нынешнюю российскую власть с большевистским режимом и с фашистскими государствами XX в. Для усиления этого сравнения в листовке «*Неприкосновенность вкладов*», например, используются современные жаргонные выражения из СМИ «силовики» и «либералы», с которыми отождествляются политические персонажи 20-х гг. – сторонники НЭПа и карательные органы. В листовке «*Единая Россия – партия фашистского толка?*» делается попытка найти отдельные схожие элементы в политике и экономике современной России и фашистских режимов Италии и Германии прошлого века. Однако при этом сознательно умалчивается, что один и тот же признак в разных социально-исторических контекстах может иметь абсолютно противоположный смысл. Например, инфляция, государственный статус центральных каналов СМИ или активное сотрудничество государства и Церкви объявляются признаками фашизма, что не соответствует действительности.

10) Особо следует отметить использование создателями экстремистских материалов средств эстетического воздействия, художественных образов и символов. Прежде всего, закон прямо запрещает использование нацистской символики, причем таковой считается не столько ее фактическая историко-политическая принадлежность, сколько ее узнаваемость в массовом сознании («до степени смешения»). Главным элементом нацистской символики является свастика, стоящая на ребре в 45°, с концами направленными в правую сторону. Именно такой знак находился на государственном знамени национал-социалистической Германии с 1933 г. по 1945 г., а также на эмблемах гражданских и военных служб этой страны. Однако следует помнить, что такая свастика является не только символом германского нацизма, но и традиционным символом, используемым многими религиями и культурами. Такая свастика (солярный символ, гамматический крест) может находиться и в оформлении православных храмов и икон, и в орнаменте мечетей, и в буддистских и индуистских символах. Естественно, к нацизму это не имеет никакого отношения.

Еще одним общеизвестным символом германского нацизма является так называемое «римское приветствие» – вскидывание правой руки с открытой ладонью под углом 45°, а также руны (знак «СС»).

Конечно же, большое значение имеет контекст использования подобной символики. Нельзя считать пропагандой нацистской символики и идей нацизма деятельность историков, членов военно-исторических клубов и обществ, их печатных изданий и сайтов, но они должны в своих материалах обязательно предупреждать о том, что, например, данный сайт (издание) является историко-культурным проектом и не пропагандирует идеи нацизма. Показателен в этом плане произошедший не так давно инцидент, связанный с продажей в магазине сувениров «Старый солдат» элементов униформы с нацистской символикой. Поскольку витрина магазина

является публичным местом, то наличие на ней соответствующей символики могло быть расценено как ее публичное демонстрирование.

Народ России, являясь историческим правопреемником народов Советского Союза, разгромивших германский нацизм и его союзников в XX в. и понесших при этом наибольшие потери, не может терпимо относиться к пропаганде нацистских идей и публичному демонстрированию нацистской символики. Это является оскорблением национальной памяти и чувств ветеранов и жертв Отечественной войны, их потомков. Статья 6 Федерального закона «Об увековечении победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» гласит: «В Российской Федерации запрещается использование в любой форме нацистской символики как оскорбляющей многонациональный народ и память о понесенных в Великой Отечественной войне жертвах». Поэтому необходимы четкие критерии: что является или не является нацистской пропагандой и символикой.

По смыслу существующего законодательства нацизмом является идеология и практика Германского Рейха и его союзников в XX в. Поэтому в оценках иных идеологий и движений как нацистских необходимо доказывать их идеологическую связь с европейским нацизмом времен Второй мировой войны. Поэтому нельзя считать нацистскими, например, «Черную сотню» в России начала XX в. или французский Национальный фронт Ле Пэна.

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» указывает на труды руководителей национал-социалистической рабочей партии Германии, фашистской партии Италии. Несомненно, экстремистскими, исходя из определения закона, являются следующие работы идеологических предтеч и идеологов германского нацизма:

1. Жозеф Артур де Гобино «О неравенстве человеческих рас»;
2. Адольф Гитлер «Моя борьба» (Майн кампф);
3. Альфред Розенберг «Будущий путь германской внешней политики»;
4. Альфред Розенберг «Миф XX века».

По итогам Нюрнбергского процесса 1946 г. (судебное решение было признано СССР) преступными были признаны такие организации гитлеровской Германии, как НСДАП (Национал-социалистическая рабочая партия Германии), штурмовые отряды СА, охранные отряды СС, служба безопасности СД, государственная тайная полиция Гестапо, поэтому любые публикации, оправдывающие деятельность вышеназванных организаций, являются экстремистскими.

Следует иметь в виду, что германские вооруженные силы (Вермахт) и его структурные подразделения (авиация – Люфтваффе, флот – Кригсмарин) сами по себе преступными признаны не были, поэтому публикации, описывающие их историю, позитивно оценивающие их стратегию и тактику, не несут признаков экстремизма.

Иные публикации, в отношении которых есть подозрения, что они обосновывают или оправдывают национальное и (или) расовое превосходство либо оправдывающие практику совершения военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы, должны направляться на экспертизу и признаваться экстремистскими в судебном порядке.

Также может использоваться прием карикатурных иллюстраций для усиления воздействия текстов на массовое сознание. В качестве примера можно привести кни-

гу Г. Бутми «Кабала и свобода», на обложке которой в искаженном, карикатурном виде изображены чиновники, евреи и сотрудники милиции.

10) Следует помнить, что далеко не все символы, используемые экстремистскими группировками, несут признаки экстремизма. Например, черно-бело-желтый флаг является всего лишь одним из флагов российской империи и к нацизму не имеет никакого отношения. Многие элементы субкультуры скинхедов носят характер символов для идентификации в кругу «своих» и поэтому не могут считаться экстремистскими. Подлинный смысл этих символов понятен широкому кругу только при специальной расшифровке. Например, сочетание цифр «88» на языке скинхедов означает «Heil Hitler», «14» – 14 слов «We must secure the existence of our people and a future for white children» (Мы должны сохранить существование нашего народа и его будущее для детей Белого Человека), автор Давид Лэйн (один из идеологов расизма в США).

11) Принципиальным моментом в выявлении признаков экстремизма является доказательство факта публичности распространяемых материалов, т. е. стремление автора донести смысл информации до максимального числа адресатов. Например, в случае распространения листовок, предположительно экстремистского содержания, накануне Думских выборов в одном из городов Свердловской области о публичном характере распространения могли свидетельствовать следующие обстоятельства:

Место распространения – вход в офис регионального отделения политической партии «Единая Россия». Так как «Единая Россия» – это один из наиболее активных участников политического процесса, ее офис является одним из самых посещаемых политически активными гражданами мест в городе. Это подтверждает статистика посещений данного офиса в сравнении с посещаемостью офисов других политических организаций в городе. При этом среди посетителей офиса «Единой России» были как представители власти, так и обычные граждане.

Время распространения. Согласно прилагаемому протоколу осмотра места происшествия, листовки были обнаружены и находились в вышеуказанном месте 19 декабря. Из этого следует, что они были распространены в декабре 2007 г., сразу же после выборов в Государственную Думу и в преддверие мартовских выборов президента РФ. То есть их распространение было по времени политически ангажированным, сориентированным на формирование мнения потенциальных избирателей.

Способ распространения. Согласно прилагаемому протоколу осмотра места происшествия, листовки были обнаружены и находились в правом креплении около входа в вышеупомянутый офис на высоте 1,65 м от земли. Данная высота как раз соответствует тому, что бы человеку среднего роста было удобно взять эти листовки.

В протоколе отмечено, что листовки были сложены так, что проходящему мимо человеку не было видно их содержания. Данное обстоятельство может быть проинтерпретировано с точки зрения психологической науки. Процесс восприятия имеет общие закономерности, среди которых психологи выделяют его целостность. «Даже в тех случаях, когда мы не воспринимаем некоторые признаки знакомого объ-

екта, мы мысленно их дополняем»¹. Таким образом, воспринимающий сложенные листки домысливает, что эти листки могут содержать текст, который, возможно, интересен для прочтения.

Следует выделить еще одну закономерность восприятия – апперцепцию, т. е. «зависимость восприятия от опыта, знаний, интересов и установок личности»². Выше уже было сказано, что посетителями данного офиса являются преимущественно политически активные граждане. Поэтому они воспринимают свернутые листовки направленно, т. е. как материалы, несущие интересную политическую информацию.

Важным является расположение листовок у входа в офис справа от воспринимающего их лица. С точки зрения принципов нейролингвистического программирования (одно из направлений современной психологии) человек более внимательно воспринимает предметы, расположенные справа и сверху. Это связано с устройством головного мозга, в котором левое полушарие отвечает за аналитическое познание, а правое полушарие – за эмоционально-образное познание.

Специалисты public relations проводили исследования, в ходе которых было установлено, что наибольшим успехом пользуется реклама, расположенная (на листе, плакате, экране) справа и сверху.

Поэтому листовки, расположенные справа и сверху от центра входа в офис, привлекают внимание в большей степени, нежели чем, если бы они были расположены иначе. Даже если распространители листовок использовали этот прием неумышленно, то они действовали в соответствии с нейролингвистическими принципами своей собственной психики, следуя своему желанию привлечь внимание широкого круга лиц.

12) Заключение специалиста, а тем более эксперта, имеют доказательную силу при принятии юридического решения, поэтому принципиально важным является точная формулировка вопроса, позволяющая специалисту дать недвусмысленный исчерпывающий ответ. В качестве рекомендаций можно предложить следующие типичные формы вопросов к экспертам и специалистам, которые могут варьироваться и наполняться тем или иным фактическим содержанием в зависимости от конкретной ситуации:

а) Формируют ли использованные в представленном материале приемы и средства устойчиво негативное эмоциональное отношение к какой-либо национальной, религиозной, языковой, культурной, половой группе или к отдельным ее представителям по признаку принадлежности к этой группе?

б) Содержится ли в данном материале информация, побуждающая к насильственным действиям против какой-либо национальной, религиозной, языковой, культурной, половой группе или к нарушению прав, свобод и законных интересов человека по признаку принадлежности к этой группе?

в) Использовали ли авторы данного материала и, если да, то какие именно специальные лингвистические, психологические, эстетические и иные средства для формирования негативных эмоций и побуждения к деструктивным действиям против групп и их представителей?

¹ Еникеев М. И. Общая и юридическая психология. Ч. I. М., 1996. С. 234.

² Еникеев М. И. Указ. соч. С. 238.

Приведенный список методических проблем является далеко не исчерпывающим, и открыт для дополнения. В качестве главного хотелось бы указать на необходимость постоянной обратной связи между теоретиками и практиками противодействия экстремизму. Выявление признаков экстремизма не ограничивается только узким кругом экспертов и специалистов, и в то же время специалисты-теоретики не должны замыкаться только на теоретических аспектах проблемы.

*Норейтá Ĭ. Á.,
Ëöëëĭá Á. Á.*

УрЮИ МВД России

ÔËËŦŦ ÔËВ Ĭ ДАĬĬĬ ŸÊŦÒДАĬ ÈÇĬ Á

Тема правоэкстремистской политической доктрины, на наш взгляд, гораздо менее изучена, чем политическое экстремистское «левое поле». Это вполне объяснимо, так как, во-первых, последние сто лет в России политически была актуальна «левая» идеология в ее законченном тоталитарном варианте, во-вторых, в отечественном массовом сознании существует множество комплексов и стереотипов, связанных с политическим «правым»: начиная от присвоения данного наименования тем, кто «правым» не является, и заканчивая отождествлением всего «правого» с деструктивным началом в лице «фашизма» и «нацизма». Задачей данного исследования является непредвзятый анализ феномена «правой» идеологии на предмет ее возможности генерировать экстремистские практики.

Интересен тот факт, что за последние 15 лет «правыми» именовали, казалось бы, совершенно противоположные политические силы, например, сторонников первого секретаря Компартии РСФСР Ивана Полозкова (в 1990–1991 гг.) и «Союз правых сил» Анатолия Чубайса и Бориса Немцова. Очевидно, что общее название этих двух политических сил объясняется некой общей моделью политического поведения, а не официальной идеологической позицией. В данном случае понятие «правый» связано с консерватизмом, т. е. стремлением сохранить существующий порядок. Ни та, ни другая группировка не являлись «партией власти», но выражали сущность современного им порядка куда более ярко.

Ни КП РСФСР, ни СПС не являются аутентичными «правыми», но выражают один из аспектов данного понятия – стремление сохранить существующий или восстановить утраченный порядок. Именно так понимали «правых» и «левых» в СССР времен перестройки: «правый» – консерватор, «левый» – нигилист, революционер.

При таком понимании данных терминов вопрос о правоэкстремизме кажется алогичным, так как «правые», по определению, не могут быть экстремистами и террористами, они являются всего лишь твердыми и последовательными защитниками общественно-государственного порядка.

Придерживаясь, в том числе культурологической парадигмы исследования, мы должны изучить не только сферу актуальной политики, но и обратиться к историко-культурным и метафизическим корням политических доктрин и идеологий. Изначально, еще со времен Великой Французской революции, «правыми» именовали традиционалистов в чистом виде, сторонников абсолютной монархии. Все же остальные политические силы, в том числе и либералы с умеренными монархистами, относили себя к «левым» (например, Мирабо, сторонник цензовой

парламентской монархии и противник демократии). Даже Якобинский клуб в начале своей деятельности объединял все «не правые» силы, и только потом его руководство перешло к радикальному республиканцу Робеспьеру. Такое понимание «левого» и «правого» сохранялось вплоть до начала XX в. В дореволюционной России «правыми» называли черносотенцев, т. е. сторонников сословности и самодержавной монархии, но этот термин не применялся по отношению к либералам кадетского и октябристского толка.

После Февральской революции, когда сторонники самодержавия были полностью устранены из политики, «правыми» стали именоваться либералы, прежде всего кадеты, сторонники демократической революции, в противовес «красной революционной республике».

Современный российский политолог Александр Елисеев отмечает в связи с этим интересную закономерность: «Там, где традиционалистские, монархические силы оказываются на периферии политического пространства и теряют свое влияние, термин «правый» переходит к бывшим «левым», вернее к их либеральной части. Они как бы занимают места ушедших и присваивают себе их имя – при том, что политически выполняют уже совершенно другую роль. И ныне «правыми» считаются именно либералы, которые, строго говоря, есть те же самые «левые», что и коммунисты»¹.

Возникает вопрос: почему же либералы так стремятся присвоить себе это имя, несмотря на то, что оно выражает крайнюю, маргинальную, не-центристскую (т. е. неумеренную) позицию?

«Правое» имя присваивается в целях упрощения своего собственного порядка, так как содержит в себе магическое начало могущества. Это начало способно воздействовать на глубинные, архаические слои сознания, придавленные современным сциентизмом и рационализмом. В индоевропейской культуре «правое» всегда имело положительный оттенок, отождествлялось с правильным, прямым, истинным бытием, «левое» было связано с неправдой, ложью, кривизной, неподлинным бытием. В наиболее известном источнике славянской мифологии «Голубиной книге» говорится следующее:

«Это не два зверя собиралися,
Не два лютых собиралися:
Это Правда с Кривдою соходилася.
Промеж собою они бились – дрались,
Кривда Правду одолеть хочет...»

В «Голубиной книге» Правда также связывается с верхом, победой, а Кривда с низом, поражением.

Нельзя говорить, что «левое» – это однозначное зло. Если данные категории применяются для анализа земного бытия, то «левое» понимается как онтологическая оппозиция небесному, как менее совершенное. Например, в обрядовой практике индоевропейских народов, в том числе и славян, мужское отождествляется с «правым», а женское с «левым». Так, во время свадеб или похорон мужчины стоят справа, а женщины – слева. В древнем мифологизированном праве можно наблюдать тот же самый символизм – отсюда происходит древняя судебная клятва «Даю правую руку на отсечение».

¹ Елисеев А. Политическое право: попытка анализа // www.nationalism.org.

В христианстве присутствует такая же оппозиция. Согласно Писанию во время Страшного Суда праведники будут находиться по правую руку от Христа, а грешники – по левую. За правым плечом человека находится ангел-хранитель, а за левым плечом – бес-искуситель. При правлении Иоанна Грозного, во время дворцовых церемоний, по правую руку от него находились представители Опричнины, а по левую – представители Земщины. Это символизировало тот факт, что опричные территории являются небесным уделом на земле, царством земных ангелов, воинов-монахов, управляемых Царем-игуменом.

«Правое» выражает сакрально-метафизическое, мужественное, героическое начало, устремленное за пределы обыденного, земного. Наименование «правый» должно принадлежать традиционалистскому движению, выступающему за монархию и сословность, иерархичность в социальных отношениях. Любопытно, что во Французском парламенте никто специально не распределял места относительно председателя. Скорее всего роялисты оказались справа, подсознательно следуя древней традиции.

Монархизм является аутентичной «правой» позицией. Монархия – это форма государственного устройства, пытающаяся привести социальную действительность в соответствие со своими представлениями о сакральном. Монархом человек становится по праву рождения, т. е. по факту, независящему от его воли. Трансформация изначального смысла понятия «правый» объясняется десакрализацией социальных отношений. С вытеснением сакрального из общественных отношений на место исторических «правых» встают либералы по принципу «свято место пусто не бывает».

Здесь следует вспомнить о двух критериях политического доктринального анализа: духовно-культурном и экономическом, причем первый критерий изначально подчиняет себе второй.

Современная политическая наука классифицирует «правую» позицию как праворадикальную, правоконсервативную и правоцентристскую. Под правыми радикалами обычно понимаются неофашисты и националисты, под правоконсерваторами – «менее прогрессивные» в вопросах глобализации партии в устоявшихся буржуазных политических системах (например, республиканцы в США и тори в Великобритании). Понятие правоцентриста вообще является весьма широким и расплывчатым: под правоцентристами подразумеваются буржуазные политические силы, готовые к конструктивному диалогу с оппозицией.

Перед нами стоит задача соотнести аутентичную правую позицию с имеющейся классификацией «правого» политического начала и, главным образом, с праворадикальным направлением как направлением, порождающим экстремистские практики.

Монархизм имеет религиозное происхождение и соответствующую легитимацию. Политолог и религиовед Александр Дугин считает, что в основе современного «правого» направления лежат две метафизические модели: «Полярно-райская идеология» и идеологии «Творец – Творение»¹. «Полярно-райская» идеология понимается как «утверждение Субъекта Божественной природы, стоящего в центре (на Полюсе, в

¹ Дугин А. Метафизические корни политических идеологий // Консервативная революция. М., 1994. С. 85–93.

середине) полностью подчиняющегося ему (поэтому райского!) сакрализованного космоса-зеркала, в котором не отражается ничего, кроме самого этого Субъекта, соли Неба и Земли»¹. Главной темой идеологии с такой метафизической основой является герой, вождь, царь, монарх, император, т. е. персональный носитель сакрального начала. Сакральный герой-монарх, призванный просветить этот мир Светом потустороннего, сакрального мира, продолжением которого он является. Это может быть «Священная империя», «Белое царство», «Третий Рейх» и т. п.

Данная идеологическая модель предполагает монархическую ориентацию, стремление возвеличить фигуру Правителя и распространить его власть на максимальное пространство путем имперской экспансии. Эта экспансия рассматривается как милость, как онтологическая роскошь для тех, кто попал под власть Правителя.

Следует обратить внимание, что подлинный монархизм нельзя отделять от религиозной составляющей. Во всех религиозных традициях обязательно присутствует идея Сакрального правителя: у христиан – это царь небесный, у мусульман-шиитов – это скрытый Имам или Имам времени, у иудеев – это царь Машиах (мессия). В данной мировоззренческой модели вообще нельзя разделять религию и политику, поэтому многие праворадикальные политические режимы XX в. так или иначе основывались на религиозной эзотерике. В Германии в 20–30 гг. активно привлекались к политическим процессам представители тайных оккультных организаций; в Иране шиитский режим Хомейни использовал идею Скрытого Имама.

Таким образом, данная метафизическая модель является целиком радикальной, так как тотально отрицает современность и прогресс. Ее политическое бытие предполагает восстание против современного мира, активное неприятие его базовых ценностей. Политический экстремизм в этом случае является не просто следствием, но получает религиозно-философское обоснование. Ярким примером из недавнего прошлого является Сербская республика Босния и Герцеговина. Вот слова ее президента Радована Караджича (ныне разыскиваемого международным судом): «Нас укоряют в том, что мы несовременны, в том, что мы архаичны. Да, это так. Мы сербы, не принадлежим современному миру, миру атеизма, материализма, рынка... Мы живем в нашем национальном времени, где нет обычной длительности... Наши герои, которые умерли тысячу лет назад на Косовом поле, и наши герои, погибшие вчера в боях с хорватами и мусульманами принадлежат Вечному настоящему. Это Вечное настоящее Сербской нации. Наши мертвые идут с нами в бой. Мы чувствуем их плечо в атаке. Мы воюем здесь против современного мира, утратившего понимание Вечного настоящего. Мы умираем за торжество Православия, за великую Идею Славянства. И мы победим...»².

Вторая метафизико-политическая модель, разбираемая А. Г. Дугиным, – это идеология «Творец – Творение». В этом случае человек рассматривается как изгнанник из Рая, имеющий двойственную природу: с одной стороны, на человеке лежит печать Творца (так как человек сотворен по образу и подобию Божьему), но с другой – человек испорчен грехопадением, неисправимо несовершенен.

Наиболее последовательно данная мысль представлена в иудейском клерикальном сознании: «3000 лет назад иудаизм предложил другую модель взаимоот-

¹ Дугин А. Указ. соч. С. 85.

² Дугина А. Г. Сербия: консервативная революция // Консервативная революция. М., 1994. С. 165.

ношений Человека и Мира, другое мировоззрение. Иудаизм заявил, что окружающий человека мир, человеческое сообщество и сам человек существуют по единым объективным для человека законам, что человек не в состоянии изменять эти законы, а может только научиться ими пользоваться, изучая их. Весь последующий «прогресс» человечества представлял собой путь высокомерия, «детской болезни левизны» язычества к пониманию законов существования Мира и своего места в нем. Отказ от языческого ощущения своей власти над миром оказался длинным и тяжелым. Этот процесс имел различные проявления: от антисемитизма, попыток физического устранения носителей иудаизма, до создания симбиозов иудаизма и язычества (христианства, ислама, левых социалистических и новолевых постмодернистских теорий и др.) Только в течение последних 400 лет Человечество окончательно осмыслило и осознало объективность окружающего его физического мира. Достижения естественных наук убедило его в этом. В ходе кровавых левых экспериментов XX в. Человечество осознало объективность и «экономического» Мира»¹.

Появление христианства было революцией по отношению к иудаизму, так как несло в себе иную «Полярно-райскую» модель «Нового человека». Христос подтвердил в Евангелии ветхозаветную формулу «Аз рекох: Бози – есте» (Я сказал: вы – Боги). Но позже христианство трансформировалось в клерикальное, церковное христианство с идеологией «Творец – Творение». Наиболее полно это воплотилось в католической церкви (католикос – в переводе с латинского означает собор, «все вместе»). Субъект здесь не самодостаточен, поэтому нуждается в социальной интеграции, в этом случае в социальную систему вовлекается как можно большее количество несовершенных индивидов, которые тем самым надеются изменить качество жизни. В этой системе тоже есть иерархия, но она выстраивается иначе – снизу. Вождь, царь, император самодостаточен, он является, а не выходит «снизу» (как Римский Папа выбирается из кардиналов). Наиболее ярко это проявляется в споре суннитов и шиитов о том, кому должна принадлежать политическая власть в исламском мире. Сунниты (модель «Творец – Творение») отстаивают принцип выборной власти: халиф должен выбираться большинством. Шииты же («Полярно-райская» модель) отстаивают принцип наследственной власти потомков Али (Священного Имама).

Таким образом, модель «Творец – Творение» может быть охарактеризована как консервативная. Ее сущностными признаками в политической плоскости являются, во-первых, резко отрицательное отношение к скачкообразным, травматическим изменениям, во-вторых, отрицательное отношение к претензиям человека на роль Героя и Пророка.

Такая модель в политической сфере воплощается в позиции «право-правые». В культурно-политической сфере подобное движение направлено на традиционные ценности, почерпнутые из религиозной морали, и национальную культуру. В экономике же происходит ориентация на рыночные ценности, признание факта объективности законов экономической жизни. Данную позицию по сути можно назвать «консервативной» (даже без приставки «право»), так как консервативное начало в ней, безусловно, превалирует над «правым»).

¹ Радутский М. Левые идеологии – примитивизм язычества // www.zionel.co.il/maof/Radutsky.

Правоконсервативные движения в XIX в. возникают практически во всех европейских странах как реакции на разрушительные тенденции, поражение Великой Французской революции. Идеологом правоконсервативного движения можно назвать Клеменса Меттерниха, вдохновителя контрреволюционного союза европейских монархов (русского, прусского, австро-венгерского). Данное движение можно назвать национально-консервативным, так как под традиционными ценностями понимались национальные ценности.

Даже беглый взгляд на национально-консервативную модель «право-правых» говорит о ее принципиальном неприятии политического экстремизма. Поэтому совершенно справедливо звучит обращенный к современным историкам и политологам Митрополитом Санкт-Петербургским Иоанном (Снычевым) вопрос: «Что послужило причиной вырождения национально-консервативной идеологии в агрессивное, бездуховное мировоззрение откровенного расизма и националистической нетерпимости?»¹

Этот вопрос является весьма актуальным как для российского, так и для европейского сообщества, поскольку национально-консервативные ценности все больше и больше овладевают умами и сердцами европейских, да и российских избирателей. По Европе (Франции, Австрии, Голландии) прошла волна серьезных успехов «правых» на выборах. В России пик симпатий избирателей к правоконсервативным национал-патриотическим идеям пришелся на декабрь 1993 г., когда талантливый политический актер Жириновский сумел собрать большинство голосов на первых выборах в российский парламент (Государственную Думу). И после декабря 1993 г. национал-патриотизм медленно, но верно наращивает свое влияние в российском обществе. Если в начале 90-х гг. слово «патриотизм» было почти неприличным у политиков (вспомним «патриотизм – последнее прибежище негодяев»), то уже на президентских выборах 1996 г. была активно разграничена «патриотическая карта» в лице генерала Лебедева. Владимир Путин пришел к власти, активно используя в предвыборной пропаганде именно правоконсервативные лозунги. Следует ответить на вопрос: где грань, отделяющая «здоровый» национализм и патриотизм от политического правого экстремизма?

Нам представляется, что правоконсерватизм и правозэкстремизм, несмотря на сходство отдельных лозунгов и образов, – две различные совершенно несводимые друг к другу политические доктрины. Они могут сосуществовать в рамках одного общества и традиции, но фундаментальные различия рано или поздно дадут о себе знать. Историческими примерами являются войны гвельфов и гибеллинов, альбигойский крестовый поход, фатимидский халифат и т. д. Представители одной и той же традиции жестоко воюют друг с другом, взаимно обвиняя в вероотступничестве и заблуждениях.

В России данное различие дало о себе знать в «правом» движении начала XX в. Произошло серьезное размежевание в «правом» стане на консерваторов-конституционалистов европейского типа (октябристы и кадеты) и праворадикалов-экстремистов (собирательное наименование – Черная Сотня). В советской исторической литературе обычно педалировали только один аспект идеологии черносотенцев – антисемитизм, хотя он был далеко не единственным и не главным. Название «Черная Сотня» очень точно обозначает социальный состав дви-

¹ Митрополит Иоанн. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1994. С. 290.

жения – общенародный и всесословный. В допетровской Руси «черными сотнями» называли простой люд, податное тягловое население городских посадов. Подобная допетровская терминология символизировала оппозицию консервативно-бюрократическому государству. Противник черносотенства, В. И. Ленин очень точно подметил: «В нашем черносотенстве есть одна чрезвычайно отрицательная черта, на которую обращено недостаточно внимания. Это темный мужицкий демократизм, самый грубый, но и самый глубокий»¹. Видеть в черносотенцах только ксенофобов, антисемитов и шовинистов ошибочно.

Черносотенное движение сочетало в себе национал-традиционализм со стремлением к удовлетворению потребности русского народа в социальной справедливости, народовластии. В черносотенстве в равной степени воплотились и ультранационализм, и антикапитализм с антибюрократизмом. Это был вариант национал-социализма или, пользуясь терминологией нашей работы, «праволевая» позиция, «правая» культурно-политически и «левая» экономически... Среди требований Союза русского народа (СРН) были ограничение рабочего дня, государственное страхование рабочих, выделение дешевых предметов крестьянского хозяйства, предоставление каждому сельскому жителю минимума земли. Современники отмечают сходство тогдашних русских «левых» и «правых» радикалов: «Крайне «правое» крыло этого движения (СРН) усвоило себе почти те же приемы пропаганды, какими пользовались партии революционные. Разница была лишь в том, что одни обещали массам насильственное перераспределение собственности именем самодержавного царя, как представителя интересов народа и его защитника от угнетения богатыми, а другие – именем рабочих и крестьян, объединенных в демократическую или пролетарскую республику»².

Представляется, что неприязнь капитализма не была у черносотенцев чем-то случайным и конъюнктурным, исходящим из общей популярности в России времени социалистических идей. По своему социальному составу черносотенцы не принадлежали к «бедным низам», но и не были буржуазией в чистом виде. Среди руководителей организации были врачи, журналисты, адвокаты, профессора, отставные военные. Основную же массу рядовых членов составляли мелкие трудящиеся, собственники, представители традиционного сектора экономики, в равной степени страдающие и от конкуренции крупных предпринимателей, и от «левых» забастовок.

Русские праворадикалы начала XX в. тяготели к национал-капитализму, третьему пути в экономике, о чем пишет один из руководителей СРН А. А. Майков: «Признавая, однако, что без капитала невозможны ни промышленность, ни торговля, ни вообще какое бы то ни было хозяйство, черносотенники считают, что необходимо, чтобы капитал занимал служебное, относительно народа и государства, положение, но не являлся бы исключительной, движущей в государстве силой. Признавая полную несостоятельность борьбы с капиталом, проповедуемой анархистами-социалистами, стремящимися уничтожить всякую собственность и власть, черносотенцы признают, что исключительное господство капитала есть великое зло и считают, что только неограниченная царская власть способна охранять народ от чрезмерного гнета капиталистов»³.

¹ Ленин В. И. Собрание сочинений. Т. 24. С. 18.

² Леонтович В. В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. С. 152.

³ Майков А. А. Революционеры и черносотенцы. СПб., 1907. С. 23.

Несмотря на ненависть по отношению к «левым», сами черносотенцы являлись сторонниками радикальных, революционных изменений в обществе. Массовые уличные выступления «Черных Сотен» начались как реакция на октябрьский манифест. В выборах в Думу черносотенцы участвовали для того, чтобы подорвать российский парламентаризм изнутри. «Черносотенники желают полного переустройства русской жизни, осуждают всю правительственную политику, как внутреннюю, так и внешнюю, всего последнего времени и желают самых коренных реформ. Но только они домогаются, чтобы реформы эти были произведены в духе русского народа, согласно с его историей, чтобы реформы явились естественным развитием всего созданного русским народом, а не являлись бы проявлением чуждых русскому народу учений и учреждений»¹.

Черносотенцы отрицали принцип всеобщего равного избирательного права, настаивая на корпоративном устройстве высшего представительного органа страны (данная идея была развита в Европе в 20–40-е гг.). В состав Собора или Думы должны, по их мнению, входить только представители русского православного народа, инородцы же должны иметь своих особых представителей при Думе. Выборы должны производиться по сословному принципу, каждый думец обязан представлять определенное сословие.

Русских праворадикалов, в начале XX в., в лице «Черной Сотни» (СРН) можно рассматривать как предтечу, прообраз правоэкстремистского движения Германии и Италии 20–40-х гг. Но, в целом, СРН так и не смог создать законченной «право-левой» национал-социалистической модели. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, черносотенное движение не сумело полностью оторваться от своих консервативных корней. Верность традиционным формам политической жизни в лице самодержавия не позволяло признать факт глубокого кризиса романовской династии как политического клана. Так же, на наш взгляд, черносотенцы не сумели, в отличие от леворадикалов, использовать потенциал народного стремления к социальной справедливости, радикальному переустройству отношений собственности. Во-вторых, несмотря на «фирменный знак» СРН, который свидетельствует об яром антисемитизме, черносотенцы в целом не создали четкой национальной программы (конструктивного или деструктивного плана). Возможно, это следствие русской ментальности, что является темой отдельного исследования.

Гораздо в большей степени преуспели в выстраивании «право-левой» модели немецкие и итальянские правоэкстремисты XX в., известные под собирательным названием «фашисты».

Фашизм вырос из национально-консервативной среды, но являлся принципиально новой политической моделью экстремизма. Отметим, что отличало фашистов от национал-консерваторов, и те признаки экстремизма, которые можно усмотреть в фашизме:

1) ревизия и отрицание традиционных моральных норм, установление особого национального кодекса;

2) провозглашение исторической избранности, мессианской роли отдельного народа, перерастающее в ксенофобию;

¹ Майков А. А. Указ. соч. С. 30.

- 3) культ харизматической личности героя-вождя;
- 4) воинствующий антилиберализм в политической и экономической сфере, стремление подчинить экономику государству в политических целях;
- 5) максимальная централизация власти, диктаторский характер власти;
- 6) культ насилия и террора, их открытое использование;
- 7) презрение к праву, стремление создать свое собственное «право», подчинение права интересам нации;
- 8) экспансионизм во внешней политике, стремление к захвату «жизненного пространства»;
- 9) милитаризация всех сфер жизни общества;
- 10) специфическая идея «сверхчеловека», «нового человека», вытекающая из «Полярно-райского» мировоззрения.

Очень часто в советско-российской публицистике по отношению к фашизму (нацизму) применяли эпитет «человеконенавистничество». При поверхностном взгляде он кажется совершенно непонятным и алогичным. Но правозэкстремисты не ставят своей непосредственной целью уничтожение человечества. Человек рассматривается как исходный материал, который необходимо максимально использовать. Отношение к человечеству в этом случае – отношение экспериментатора к своему объекту. В наличном состоянии человечество не имеет ценности, поэтому данный эксперимент является смертельным. Правозэкстремизм – это конструктивное человеконенавистничество, стратегия смертельных экспериментов над человеком. Ненависть к человечеству в данном случае является не целью в себе, а подчинена более высокой цели, и пример тому – появление «сверхчеловека» (Ф. Ницше).

Теоретик современного правозэкстремизма Жан-Мишель Ив верно подметил, что «истинных правозэкстремистов в мире – считанные единицы. Они не могут идти напролом: играть в открытую – заведомое самоубийство»¹. Действительно, в тех странах, где правозэкстремисты пришли к власти, они действовали методом обольщения и искушения, «возбуждая» народ и направляя его в нужное русло. О. Ф. Русакова в качестве сущностной черты фашизма называет антиинтеллектуализм, подозрительное отношение к интеллектуалам².

Думается, это сознательный ход, способ воздействия на окружающих, попытка использовать в своих целях природу человека. (О. Ф. Русакова приводит слова А. Гитлера: «Человек может умирать только за ту идею, которую он не понимает»).

Любая попытка реализовать правозэкстремистские идеи на государственном уровне – это самоубийственный риск, допускаемый сознательно. Если сравнивать сталинский и гитлеровский режимы, то последний был гораздо более рискованным. Гитлер не был националистом, немецкий народ являлся для него «исходным материалом». Жан-Мишель Ив выдвигает весьма меткое и емкое определение германского фашизма – «тупоголовая мелкобуржуазная масса, оказавшаяся под контролем профессиональных человеконенавистников».

Для реализации правозэкстремистских планов необходима полная власть над человечеством. Один из идеологов, Юлиус Эвола, выдвинул идею «правого»

¹ Ив Ж.-М. Правый экстремизм: фантом и реальность // www.Kornev.euro.ru.

² Русакова О. Ф. Радикализм в России и современном мире: вопросы типологии. Екатеринбург, 2001. С. 55.

анархизма, призывая к индивидуальному разрушению общества. Но это представляется неэффективным, поэтому успешным политическим проектом может быть построение антиобщества, тоталитарного государства, «Империи Зла», где основная людская масса станет объектом грандиозного эксперимента.

Исторической правоэкстремистской формой государственно-политического устройства в XX в. стал тоталитарный режим в Италии и Германии. Фашистское (нацистское) государство было объявлено Высшей Ценностью. Стержнем этого государства являлась партия, подчиняющая все органы государственного управления и общественные организации.

В наибольшей степени правоэкстремизм получил свое выражение в германском национал-социализме (нацизме). Стержнем нацизма стала идея расизма, изложенная в книге Альфреда Розенберга «Миф XX века».

Это была не просто идея превосходства немцев (или белых людей) над всем остальным человечеством. Было выдвинуто квазинаучное понятие «арийской расы» как единственной творческой расы в истории. Принадлежность к «арийцам» – это роскошь, честь, этому статусу нужно соответствовать. Отсюда знаменитые Нюрнбергские законы, строго карающие немцев за брачно-сексуальные связи с «не-арийцами».

Германский Рейх считался высшим выражением арийства и величия белого человека. Третий Рейх должен был быть организован на социо-биологической основе как расовая общность, как жизненное пространство. Все подданные Империи делились на имперских граждан (арийцев) и государственных подданных (всех не-арийцев). Арийцы получали исключительное право полноценно участвовать в жизни государства.

В Рейхе проводилась попытка государственного антисемитизма, окончившаяся Холокостом (массовым истреблением евреев в Европе). Впервые в истории планетарное истребление целого народа было официально легитимировано.

Военное поражение стран Оси (Германии, Италии, Японии) положило конец страшному экстремистскому эксперименту в государственных масштабах. Современная (послевоенная) история правоэкстремизма распадается на ряд самостоятельных направлений.

Первое направление – неофашизм (неонацизм) и как его непосредственное выражение – ультраправый неофашистский терроризм. Его очагами в 60–80 гг. XX в. стали западноевропейские страны: Италия, Германия, Испания. Это была попытка «второго издания» фашистской (нацистской) идеологии. Показательно, что основателем крупнейшей состоявшей из бельгийских фашистов неофашистской организации в Италии «Новый порядок» был Леон Дегрель, бывший командир бригады СС «Валлония». Данное направление стоит относить именно к неофашистским, а не националистическим, так как главным объектом силовых акций были избраны «левые» и либеральные деятели, а целью ставилось изменение общественного строя в духе фашистской доктрины. Назовем некоторые из этих организаций:

Италия:

«Молодая Италия», «Отряд действия Бенито Муссолини», «Подпольная антикоммунистическая армия» и др. В частности, **«Новый (черный) порядок»** в 1974 г. провел серию терактов, готовясь к «Ночи святой Мадонны» – государственному перевороту.

Германия:

«Военно-спортивная группа Гофмана», «Германские группы действия», «Викин – югенд», «Подпольная организация вервольф». Следуя «отечественной традиции», немецкие ультраправые всегда отличались ксенофобией.

Франция:

«Секретная вооруженная организация» (ОАС) – правоэкстремистская организация, учрежденная отставными французскими военными, оскорбленными «предательством» Де Голя по отношению к алжирским французам.

В современной Западной Европе правоэкстремисты неонацистского толка не имеют значимого политического влияния, что объясняется стойкой «исторической прививкой» от тоталитаризма в массовом сознании европейцев.

«Право-левые» «национал-социалистические» позиции вызывают стойкие ассоциации сразу с двумя историческими формами тоталитаризма: коммунизмом и фашизмом. Другое дело классическая «право-правая» позиция. Мы настаиваем на необходимости дифференцировать эти две позиции: фашистскую и национал-консервативную (национал-патриотическую, националистическую позицию). Подобные дифференциации на уровне структуры работы присутствуют у О. Ф. Русаковой в книге «Радикализм в России и современном мире: вопросы типологии»¹. В качестве отдельных направлений радикализма О. Ф. Русакова выделяет апартеид и этнонационализм, считая данные феномены формами экстремизма. Мы считаем неправильным связывать их с классической фашистской моделью.

Национальная политическая идея может принимать экстремистские и даже террористические формы, сочетаясь при этом и с «правым», и с «левым» политическими началами, о чем свидетельствует наличие в современной истории лево-националистических экстремистов.

Апартеид – это форма государственного экстремизма, выражающаяся в узаконенном политическом социально-экономическом бесправии части населения страны по расово-национальному признаку. Ущемляемую расовую или национальную группу могут лишить избирательных прав, дискриминировать в размере оплаты за труд, поместить в гетто или изгнать из страны. Наиболее ярким примером апартеида является государственная политика расовой сегрегации в ЮАР 1948–1990 гг. В 1973 г. апартеид был признан ООН преступлением против человечества.

К сожалению, в 90-е гг. XX в. апартеид обрел «вторую жизнь» в форме этнонационализма.

Сразу оговоримся, что следует отличать национализм от этнонационализма. Тема национализма является темой отдельной работы, поэтому определимся, что под национализмом мы имеем ввиду приверженность европейским State-nation, государствам-нациям, нация в этом случае понимается как гражданско-культурная общность. Большинство наций в настоящее время полиэтничны. И если этнос как общность, единая по происхождению, языковым и антропологическим особенностям, перестает себя ассоциировать с государством-нацией, происходит конфликт. Этнос начинает претендовать на монополию в государственном управлении. Наиболее ярко это проявилось при распаде СССР и Югославии.

¹ Русакова О. Ф. Указ. соч.

Ни одна из «национальных республик» СССР или Югославии не была моноэтнической. Так называемые «титulyные (по названию республики) нации-этнoсы» стали претендовать на монополию в государственном управлении новых образований, дискриминируя инородцев. Это проявилось в следующих моментах:

1) в создании политических организаций – «народных фронтов» для борьбы коренного населения с чужаками;

2) требовании сегрегации по этнокультурному признаку для предотвращения смешения этносов;

3) назначении на ведущие государственные должности по этническому признаку, только представителей «титulyной нации»;

4) монопольном использовании языка «титulyной нации» во всех сферах общественной жизни;

5) придании законного статуса требованиям возврата территории, когда-то принадлежащей государству «титulyной нации» или материальной компенсации;

6) юридической реабилитации лиц, участвовавших в вооруженной национал-сепаратистской террористической борьбе.

На практике формируется взаимная национальная нетерпимость: жители новых этнонациональных государств обвиняют во всех своих бедах нацию «оккупантов» (русских, сербов, т. д.), а национально мыслящие представители имперских наций обвиняют малые народы в развале страны (прибалтов, албанцев и т. д.).

Этнонационалистический экстремизм на практике проявляется в следующих формах: этнические дискриминации, этнические чистки, этнонационалистический терроризм.

Первые две формы реализуются на государственном уровне в том случае, если этнонационалисты оказываются у власти. Например, в Латвии, где русскоязычное население практически лишено избирательных прав. Или в бывшей Югославии, где практиковались этнические чистки – убийства и изгнание чужаков. Или на Западной Украине, где практикуются этнолингвистические чистки – переименование улиц, запрет на публичное пользование русским языком.

Но наиболее опасна террористическая форма этнонационалистического сепаратизма. Этнотерроризм широко распространен в мире и связан со стремлением добиться независимости от какой-либо страны либо особых прав для своей нации. Ряд этнонационалистических экстремистских группировок совмещают этнонационализм с «левым», иногда даже с марксистско-ленинскими лозунгами. Назовем наиболее известные этнонационалистические экстремистские группировки:

«Ирландская республиканская армия» (ИРА), в результате раскола которой появились **«Временная группировка Ирландской республиканской армии» (ВГИРА)**, **«Ирландская национал-освободительная армия» (ИНОА)**, **«Ирландская армия продолжения борьбы» (ИАП)**, **«Подлинная Ирландская республиканская армия» (ПИРА)**.

«Эценади Та Аскатасуна» – «Страна Басков и свобода» – организация баскских сепаратистов-экстремистов.

«Террористы-сикхи» – («Национальная армия Халистана)» – требуют отделения от Индии штата Пенджаб и создания независимого «Халистана». Убили Индиру Ганди.

«Тигры освободители Тамил Элама» – ведут борьбу против сингальского большинства Шри-Ланки за создание независимого тамильского государства. Убили Раджива Ганди, когда он перестал оказывать им содействие.

«Курдская рабочая партия», «Народная освободительная армия Курдистана» – ведут террористическую борьбу в основном против Турции за создание независимого Курдистана.

Армянские экстремисты: партия **Дашнакцутюн, «Армянская секретная армия освобождения Армении»** – борются против Турции за восстановление Армении в исторических границах.

«Фронт национального освобождения Корсики» – ведут террор против французских властей острова Корсики.

«Национальный революционный фронт Восточного Туркестана» – антикитайская террористическая организация уйгурских национал-сепаратистов.

Еврейские экстремистские группировки: **«Ках»** – ведет борьбу за полное изгнание арабов с Западного берега реки Иордан.

«Мивцах Эвлохим» – уникальная государственная террористическая группировка, действует по приказу Израильского правительства и осуществляет внесудебные расправы по всему миру с лицами, виновными в терактах против израильтян.

В 1995 г. еврейский террорист-одиночка Игал Амир убил премьер-министра Израиля Рабина «за измену национальным интересам».

Национал-экстремистские палестинские организации: **«Организация освобождения Палестины», «Аль-Фатх», «Черный сентябрь», «Вооруженный отряд 17», «Народный фронт освобождения Палестины».**

Мы назвали только самые известные в новейшей истории национал-экстремистские организации, ведущие борьбу террористическими методами.

В качестве отдельного предмета разговора следует выделить феномен роста популярности европейских национал-патриотов. Данная популярность выражается, прежде всего, в электоральном успехе национал-патриотов.

Мы полагаем, что существует принципиальное отличие вышеназванных политических сил от неофашистского лагеря, так как они являются «старыми правыми», отстаивают традиционные ценности национальной культуры и национальной ориентированности рыночной экономики. В их политических планах нет того, что мы назвали «конструктивным человеконенавистничеством». Поэтому данные партии стремятся действовать цивилизованными, парламентскими методами, допуская при этом экстремистские высказывания ксенофобского толка.

Особый случай национал-радикализма представлен в современных США. Там существует широкое движение сторонников традиционных американских ценностей, которое приобрело характер терроризма. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что американское общество и государство в наибольшей степени либерализовано и не оставляет сторонникам национальных ценностей иного выбора. Сказываются традиции расовой нетерпимости, а также большая криминализованность, по сравнению с Европой, американского общества.

В США действует целый ряд правоэкстремистских организаций, практикующих или допускающих террор и насилие.

«Ку-Клус-Клан» (ККК) – расистская и антикатолическая организация. Осуществляет нападения на представителей национальных меньшинств.

«Церковь арийской христианской нации» (ЦАХН). Зарекомендовала себя взрывами, убийствами, ограблениями банков. Выступает за создание на территории пяти северо-западных штатов «арийского государства».

«Арийская республиканская партия» (АРА). Считает, что США управляет ZOG (сионистским оккупационным правительством), поэтому с помощью террора необходимо избавиться от «колониального ига».

«Движение насилия против абортгов» (ДНПА). Взрывает клиники, убивает врачей, производящих аборты.

«Гражданская милиция». Возникла в годы «холодной войны» как объединение американских патриотов, готовых в случае советской оккупации начать вооруженную борьбу. Полулегально располагает большим арсеналом стрелкового оружия. Члены организации объединены в бригады и дивизии численностью до нескольких тысяч. Ныне организация выступает «за приоритет прав личности перед интересами государства, за превосходство белой расы над цветными; против разлагающего влияния «цивилизации больших городов» (наркотики, порнография, сексуальные извращения, насилие как развлечение, атеизм); против ООН, в которой видят угрозу независимости США (ибо там заправляют «цветные, мусульмане, евреи, коммунисты»); против «левых» мер по ужесточению контроля над оборотом оружия; крайне негативно относятся к федеральным правоохранительным агентствам, таким как ФБР, Агентство по борьбе с незаконным оборотом оружия и другим. Они считают свою организацию средством предотвращения тирании в США»¹. Именно данная организация идейно повлияла на террористов, совершивших в 1995 г. и 1997 г. взрывы в Атланте и Оклахоме.

Говоря о правозэкстремизме в современной России, следует отметить преобладание этнонационалистической формы экстремизма. Элементы неонацистской идеологии действительно присутствуют в ряде организаций, но они не являются доминирующими. В наибольшей степени к «право-левой», праворадикальной модели экстремизма приближаются так называемые «красно-коричневые» или «национал-большевики» в идеологическом, а не узкопартийном смысле этого понятия. В 90-е гг. идейно-мировоззренческая работа в этом направлении велась в интеллектуальных группах вокруг историко-культурного движения «Арктогея», журналов «Элементы», «Милый ангел». Политическим продуктом этих исканий стала Национал-большевистская партия (НБП), созданная Э. Лимоновым и А. Дугиным. Несмотря на вторую часть названия, мы относим эту партию именно к праворадикальной, «право-левой» модели, продолжающей традиции итальянского и германского фашизма. Этим объясняется отсутствие у идеологов данной партии примитивного этнонационализма, ксенофобии, антисемитизма. Партия ставит своей целью антропосоциальную революцию, изменение самих основ русской нации. Для этого должны быть разрушены все традиционные ценности: мораль, религия, семья, государство. Вот что пишет Э. Лимонов в своем программном труде с символическим названием «Вторая Россия»: «Нужно взбунтоваться. Нужно придумать, вычислить для нас, для нашей группы, для тех людей, кого мы считаем своими другую модель жизни и навязать ее. Но, прежде всего, нужно создать новую нацию...Надо отбирать людей для новой нации. Пусть она будет

¹ Кожушко Е. П. Современный терроризм. Анализ основных направлений. Минск, 2000. С. 156.

называться как-то иначе, пусть не русские... Не суть важно, но новую нацию надо на других принципах, не по цвету волос и глаз, а по храбрости, принадлежности нашей общине»¹.

Помимо этнонационалистов российских регионов (Татарстан, Чечня), НБП в настоящее время остается практически единственной экстремистской организацией, способной на эффективные политические действия. Все остальные представляют из себя маргинальные группы сектантского типа.

Наряду с широкоизвестными представителями правоэкстремизма, о которых речь шла выше, следует обратить внимание еще на одну модель так называемых «лево-правых». Это идеологическое направление, сочетающее прогрессизм и космополитизм в духовно-культурной сфере с максимальной степенью либерализма и индивидуализма в экономике. Данная позиция в глобальном общемировом масштабе выражена в идее «конца истории» Ф. Фукуямы и мирового торжества неолиберализма демократов США. В России такая идеология нашла свое выражение в политике государственного экстремизма «молодых реформаторов» 90-х гг.

Российские либералы-реформаторы во второй половине 90-х гг. объединились в партию «Союз правых сил» (СПС). Безусловно, использование слова «правый» в данном случае носит весьма условный характер, так как СПС не имеет ничего общего с историческими «правыми», правоконсерваторами. Приведем слова Натальи Нарочницкой, лидера кадетской партии начала 90-х гг. XX в.: «Правые – это религиозное и национальное мировоззрение, сугубо консервативная философия. Это я “правая”, а не Хакамада!» Но, тем не менее, мы относим «российских реформаторов 90-х гг. к правоэкстремистам в праворадикальном аспекте».

«Истории известна более продвинутая группа замаскированных правых экстремистов, которые во многом возродили и повторили опыт своих немецких товарищей. В частности, они сумели осуществить тот грандиозный эксперимент, который нацистам оказался не по плечу: развалить Советский Союз и посмотреть, что получилось. Получилось не очень здорово, но искусство требует жертв»². Именно российским либералам принадлежит неологизм «новый русский», который по смыслу практически совпадает с идеей Э. Лимонова о «другой России», «новой нации». Идея неолибералов состоит в том, что русский народ должен тотально измениться, чтобы счастливо жить в «светлом либерал-капиталистическом завтра». Нынешняя Россия и русский народ обречены. Вот отрывки из скандального интервью с Альфредом Кохом (одним из российских неолиберальных «правых»):

Кох: Не нужна Россия никому – как вы не поймете? Она обанкротившаяся страна. (Радостно хмыкает).

Журналист: Могут ли быть реформы приемлемы для России?

Кох: Если только она оставит разговоры о духовности русских и о специальной его роли. Если же они будут замыкаться в национальном самолюбии и искать особого подхода к себе, думать, что булки растут на деревьях, думаю, русские ничего не сумеют сделать. Они так собою любят! Они ведь потому до сих пор восхищаются своим балетом, своим классическим балетом, своей литературой, что

¹ Лимонов Э. Вторая Россия. М., 2002. С. 5.

² Ив Ж.-М. Указ. соч.

не в состоянии ничего нового сделать. Или вот поляки... Польский опыт, польский опыт... А что они сделали? Ничего. ... Живут себе, картошку копают. Я за ними не знаю никакого таланта. Они что, ракеты начали делать? (Хихикает).

Журналист: Если исходить из вашего взгляда на Россию, создается весьма безрадостная картина...

Кох: Да, конечно. А она не может быть радостной.

Журналист: Но все-таки хотелось бы, чтобы этот многострадальный народ...

Кох: Этот многострадальный народ страдает по собственной вине. Поэтому этот народ по заслугам пожинает то, что он плодил. (Смеется необыкновенно радостно)¹.

Подведем некоторые итоги. Существует как минимум четыре «правых» политических модели: а) классическая «право-правая»; б) праворадикальная, «красно-коричневая», «право-левая», «фашистская»; в) этнонационалистическая; г) «лево-правая», неолиберальная. В наименьшей степени способна генерировать экстремизм правоконсервативная модель, но только в том случае, если переходит в этнонационализм. Наиболее ярко представлен правоэкстремизм в праворадикальной «красно-коричневой» версии. «Лево-правые» неолиберальные версии, несмотря на иные культурно-мировоззренческие корни, имеют с праворадикализмом общие сущностные признаки: «конструктивное человеконенавистничество».

*Норвиги І. А.,
Евреи І. А.
УрЮИ МВД России*

***ДААЕЕАЕУІ УЕ ОАІ ОВЕСІ
Е ДАЕЕАЕІ СІ І-І ІЕЕОЕХАНЕЕЕ ЯЕНОВАІ ЕСІ***

Появлению термина «радикальный центризм» политическая наука обязана А. Г. Дугину, пытавшемуся найти концептуальное обоснование парадоксальному, на первый взгляд, феномену слияния «крайне левых» и «крайне правых» в так называемом «национал-большевизме» или «консервативной революции». Следует отметить, что на уровне практической политики этот альянс не принимал законченных и эффективных форм. Однако в теоретическом плане это направление имеет богатую историю.

Изначально радикализм возник в его «левой», модернистской версии, поэтому консерваторы отождествлялись с ретроградством, сопротивлением всему новому и прогрессивному. Такая позиция обрекала сторонников традиционных ценностей на заведомый проигрыш и способствовала успеху модернистов. Постепенно в среде консерваторов вызревала идея, что причина их проигрыша кроется в них самих, в их неумении ясно и четко сформулировать свой «проект», неспособности на радикальные действия по его осуществлению.

Современная система политических «координат» берет свое начало со времени Великой Французской революции, противопоставившей старое, «правое», консервативное, традиционное и новое, «левое», прогрессивное (антиклерикализм, антимонархизм, антиаристократизм). Предтечи радикального центризма

¹ Минкин А. Альфред Кох. Штрихи к портрету // www.patriotica.ru.

сделали из революции свой вывод: причина революции – в ущербности дореволюционных клерикальной и монархической моделей. Необходимо преодолеть не только революцию, но причины, ее породившие. К старому возвращаться невозможно и ненужно, необходим радикальный поворот к первооснове, традиционным ценностям Духа.

Радикальный центр в этом случае предстает как тотальное отрицание секулярного, гуманистического, рационального видения мира, «революция против современного мира».

В XVIII в. эта позиция была представлена такими критиками Французской революции как Жозеф де Мэстр, Луи Бональд Доносо Кортес. Сам же термин «революционный консерватизм» был предложен русским славянофилом Ю. Самариным в 1875 г. и активно использовался Достоевским, Данилевским, Леонтьевым. Для русских консерваторов-радикалов границей несовершенного старого и плохого нового стали реформы Петра I. Целью политического развития для славянофилов стал религиозный идеал «Святой Руси», обращение к которому способно разрешить национальные и социальные проблемы, преодолевая разделение на «правых» и «левых». Эта позиция получила также название «Третьего Пути».

Мы полагаем, что в современную эпоху аутентичной «революционно-консервативной», радикально-центристской позицией являются религиозные традиции. Проблема актуальна не только в теоретическом, но и в практическом преломлении, так как «религиозный экстремизм» стал за последнее десятилетие значимым фактором политической жизни.

Религиозная традиция является радикальной оппозицией современному миру, но правомерно ли считать, что религия должна породить экстремизм?

Задачей статьи является исследование возможности религиозно-политического экстремизма в рамках заданной системы координат: «левые-правые». Сущностным признаком левоэкстремизма является стремление к осуществлению общественного прогресса насильственными методами, а сущностным признаком правоэкстремизма – так называемое «конструктивное человеконенавистничество», стремление к радикальному преобразованию личности. Все традиционные религии стремятся к социальной и личностной гармонии, признавая духовную свободу и выполняя миротворческую функцию. Будучи радикально-центристским, традиционное религиозное мировоззрение противоположно консервативно-центристскому, светскому, «современному» мировоззрению. Но, следуя идеалу абсолютного совершенства («будьте совершенными, как Отец ваш Небесный»), традиционная религия отвергает несовершенные, деконструктивные способы достижения своих целей. К тому же главная цель находится по ту сторону истории, земного бытия человечества (что особенно ярко выражено в христианстве: «Царство Мое не от мира сего»).

Мы выдвигаем тезис, что религиозно-политический экстремизм появляется в результате отклонения от радикального центра. «Левый» уклон проявляет себя в стремлении насильственно утвердить в обществе клерикальную политико-правовую модель, повернув историю вспять (например, ваххабитский проект всемирного Халифата). «Правый уклон», на наш взгляд, проявляет себя в стремлении к тотальной перестройке личности человека, оказавшегося в сфере влияния

религиозного движения (примером могут служить многочисленные тоталитарные секты). Предлагаемая типология не является абсолютной: религиозные экстремизмы могут сочетать элементы и «правого», и «левого» уклонов.

В последние годы в России активно используется пропагандистский штамп, озвученный на самом высоком политическом уровне: «У бандитов (террористов) нет ни национальности, ни религии». Парадокс заключается в том, что это и так, и не так. Следуя правовому принципу равенства всех перед законом, мы не можем давать негативную политико-правовую оценку вероучению как таковому и тем более его отдельным представителям. Но, оставаясь на позиции политической науки, мы не имеем права не анализировать религиозные движения на предмет их способности генерировать экстремистские практики. Следует признать, что пресловутый «международный терроризм» имеет множество этноконфессиональных ликов. Мы выносим за рамки нашего исследования вопрос о чисто этнической обусловленности экстремального поведения, так как, исходя из культурологической методологии, рассматриваем этнос и нацию как духовно-культурное явление, стержнем которого является религия. Мы уже упоминали о национал-экстремизме, использующем религиозную символику и терминологию («Черная Сотня», УНА-УНСО, католические и протестантские группировки в Северной Ирландии). Здесь же речь пойдет о религиозно-политических движениях в чистом виде, т. е. о тех, в которых религиозное доминирует над национальным. Перед нами стоит задача проанализировать современный спектр религий под углом интересующей нас проблемы политического экстремизма.

В Новой и Новейшей истории известны только две религии, игравшие значимую самостоятельную политическую роль: христианство и ислам. Даже рассматривая современные новые нетрадиционные религиозные движения и секты, следует помнить, что большинство из них возникло как оппозиция традиционному христианству и исламу.

Классифицировать религиозно-политический экстремизм можно по нескольким основаниям. Во-первых, по конфессиональному признаку можно выделить исламизм (исламский фундаментализм), протестантский фундаментализм (диспенсациализм), иудейский экстремизм (религиозный сионизм), православный фундаментализм (в том числе старообрядческие группы), а также целый блок тоталитарных сект.

Во-вторых, по отношению к национально-политическим вопросам религиозные экстремистские движения можно разделить на те, которые при доминировании религиозного начала все же признают национальное, и на те, которые стоят на позициях интернационального глобализма. К первой группе можно отнести религиозный сионизм, британоизраилизм, секту мормонов, диспенсациализм американских протестантов, «Русскую идею» отечественных православных фундаменталистов. Все вышеперечисленные столь разные религиозные движения объединяет одно: тот или иной вариант о «богоизбранном» народе, которому суждено выполнить особую миссию: сыграть мессианскую роль в судьбе всего человечества. Такая роль предполагает наделение «избранного» народа особыми правами, делает его выше остальных народов. Ко второй группе относится, прежде всего, исламизм, особенно в его ваххабитской версии, отвергающий национальные различия внутри исламской уммы и выступающий за создание мирового ис-

ламского государства – Халифата. Сюда же можно отнести многие тоталитарные секты, например «Свидетелей Иеговы», последователи которых рассматривают себя как членов единого мирового теократического государства.

В-третьих, религиозные экстремистские организации можно разделить на имеющие влиятельные и организованные политические структуры, и на те, которые только стремятся к созданию таких структур или являются маргинальными, пока что не способными повлиять на политические процессы в обществе.

Самое большое место в ряду религиозных экстремистских движений по праву отводится исламу. Радикальной исламистской идеологии и экстремистским исламским группировкам во второй половине XX в. более, чем все остальным экстремистам, удавалось влиять на мировую политику. Несмотря на то, что исламизм многолик, разнообразен в конфессионально-религиозных проявлениях, исламские экстремисты и террористы широко контактируют между собой. Например, шиитский Иран активно поддерживает экстремистов-суннитов, а ваххабиты Саудовской Аравии принимают участие в боевых действиях на Северном Кавказе. Между экстремистами ваххабитского, суннитского или шиитского толка гораздо больше общего, чем различного. Этим общим знаменателем является радикальная идеология исламизма, так называемый радикальный ислам. Невозможно понять идеологию исламизма, не обратившись к самому исламскому вероучению.

До известных событий 11 сентября 2001 г. западное, и в особенности российское общество, избегали использования религиозных терминов в политическом дискурсе. Однако теракт в Нью-Йорке поставил Россию перед выбором: «Запад и мир ислама противостоят друг другу, а России как лидеру восточно-христианской цивилизации надлежит найти свое место в этом важнейшем сейчас глобальном конфликте»¹. В этот момент выяснилось, что многие лидеры российского мусульманства не спешат принимать точку зрения евроамериканского сообщества. Так, сопредседатель Совета муфтиев России, верховный муфтий Азиатской части России Нафигулла Аширов заявил: «Мы знаем, какая страна имеет разветвленную сеть спецслужбы. У Бен Ладена нет таких возможностей. Это сделали не арабы и не мусульмане, а те, кто располагает возможностями и кому это выгодно»². Даже муфтий Талгат Таджудин, глава Центрального духовного управления мусульман (ЦДУМ) России, уже 12 сентября заявил о вине США в случившемся: «... когда проблеме (на Ближнем Востоке или в Афганистане) не решают за столом переговоров, это выливается в трагедии, и простые люди начинают страдать из-за того, что не сумели договориться политики... Америка везде пыталась навести порядок. У США та же проблема, что была у фараона – кичливость и гордыня, желание стать хозяином мира»³. Все вышеперечисленные примеры наталкивают на мысль, что ислам в любой из его версий имеет общие типические черты, делающие его потенциально радикальным, и главная из этих черт – неприятие западных ценностей и образа жизни.

¹ Верховский А. Исламофобия после 11 сентября // www.religion.sovacenter.ru/publications/1500AF0/1501AAA.

² Аделаида С. Мусульмане нашли виноватых // Коммерсант. 2001. 19 сент.

³ Таджудин Т. Теракты в США – эхо событий в горячих точках // www.news.ru. 2001. 12 сент.

В современной политической и религиоведческой литературе принято выделять две точки зрения на проблему религиозно-вероучительной основы исламского экстремизма, которые мы и постараемся проанализировать.

Согласно первой точке зрения, исламизм противоречит «истинному, традиционному исламу». Данная точка зрения разделяется и озвучивается официальными представителями традиционной уммы России, Центральным духовным управлением мусульман России и его председателем, Верховным муфтием России Талгатом Таджудином. Он говорит об «экстремистских ересьях в истории ислама»¹. Таджудин выделяет в качестве традиционных 4 мазхаба, богословские школы. Все, что выходит за их пределы, расценивается как ересь модернизма. По мнению Таджудина, неверно отождествлять понятия «исламского фундаментализма» и «исламизма, так как последний лишь внешне противостоит нововведениям и модернизации ислама: «Исламизм – это еще более опасное явление, чем исламский модернизм или социализм, так как представляет собой оборотную сторону последних». К таким еретическим учениям и движениям относятся «Братья-мусульмане» Хасана аль-Банни, ваххабизм, салафизм, пакистанская секта Таблиг, давшая начало движению «Талибан».

Позиция, противопоставляющая ислам и исламизм, является весьма выигрышной в современном политическом контексте, особенно в России, так как позволяет идеологически отделить российских мусульман от экстремистски настроенных зарубежных единоверцев. Наиболее последовательными сторонниками данной позиции являются Александр Дугин и его единомышленники из движения «Евразия», организовавшие в 2002 г. конференцию с почти что риторическим названием-вопросом «Исламская угроза или угроза исламу?» Дугин считает, что существует два ислама: «евразийский», традиционный (умеренный, лояльный российскому обществу и государству) и «атлантический» (экстремистски настроенный, антироссийский). По Дугину, самое эффективное средство противодействия исламскому экстремизму – это государственная поддержка традиционного ислама.

Созвучным вышесказанному является проект «русский ислам», развиваемый экспертами из окружения Сергея Кириенко – Сергеем Градиловским и Петром Шедровицким. Суть данного проекта состоит в создании под патронажем власти национальной (татарской, башкирской, кавказской) мусульманской школы, которая стала бы для российских мусульман большим авторитетом, чем проповедники из арабских стран, значительная часть которых является исламскими экстремистами. Но, в отличие от Дугина, советник Кириенко ориентируется не на Центральное Духовное управление мусульман России, а на Совет муфтиев, возглавляемый Равиль Гайнутдином.

Представляется, что противодействие исламскому экстремизму не может ограничиваться административно-политическими методами «кнута и пряника» или «разделяй и властвуй». В диалоге с исламскими организациями важно выделять именно духовные, богословские аспекты, влияющие на принятие политических решений. Тем более это верно для западного мира, имеющего многомиллионное, нелояльно настроенное по отношению к западным ценностям мусульманское

¹ Таджудин Т. Тезисы выступления // Исламская угроза или угроза исламу?: Материалы международ. конф.; www.evrazia.org/index.php.

население и внешних противников в лице оснащенных современным вооружением экстремистских исламских режимов.

Вторая распространенная точка зрения на ислам является весьма непопулярной в глазах общественного мнения. Одним из наиболее ярких ее представителей на современном Западе является американский протестантский проповедник Джерри Фалвелл. В передаче канала CBS «Шестьдесят минут» он назвал пророка Мухаммеда «террористом» (правда ему вскоре пришлось принести извинения). В России в печальную годовщину событий 11 сентября 2001 г. в газете «Известия» была опубликована статья Олега Осетинского, написанная в жанре политического памфлета «Если бы я был Бен Ладеном...». Провокационный эффект данной статьи очевиден и прогнозируем. Осетинский ставит вопрос предельно остро: «И совершенно ясно, что сегодня мусульмане и христиане вместе в Европе ужиться не могут. Значит, надо мирно разойтись по квартирам. Это – не фашизм, это профилактика и гигиена, которая поможет избежать всемирной гибели»¹. Еще более резко высказывается Андрей Кривов из Парижа: «Мусульманский фундаментализм – это чума XXI в. Это разновидность фашизма, тоталитаризма, угрожающие западной цивилизации. И до тех пор, пока мы этого не осознаем, не поймем во всей глубине и очевидности, до тех пор усилия Запада в борьбе с исламским терроризмом будут тщетны. Только переоценив ислам, только поставив его в один ряд с фашизмом, мы найдем ему адекватный ответ»².

Религиоведческий взгляд на проблему исламского экстремизма кажется нам весьма актуальным и перспективным, и он позволит проанализировать ряд постулатов только что озвученной позиции:

1) Исламский фундаментализм является разновидностью тоталитаризма (у А. Кривова – наряду с нацизмом и коммунизмом).

2) Идеологические истоки исламского тоталитаризма и экстремизма лежат в вероучении религии ислама.

3) Только осознав религиозные корни исламского тоталитаризма и экстремизма, можно найти эффективные средства противодействия.

4) Исламские экстремисты и террористы вербуют свои кадры из мусульманской среды.

5) Ислам практически не изменяем, не реформируем в силу своей догматичности.

6) Тем не менее, в истории и современности встречаются мирные и неагрессивные мусульмане.

7) Следует стремиться к тому, чтобы все мусульмане приобрели такую неагрессивность.

Как и следовало ожидать, апологию ислама первыми подвергли острой критике именно западные публицисты. Одним из таких выступлений стала статья Хью Фитцджеральда «Политические аспекты ислама»³ (Ислам против неверных), где дается попытка проанализировать теологию ислама на предмет ее возможности генерировать экстремизм.

¹ Осетинский О. Если бы я был Бен Ладеном // Известия. 2002. сент.

² Кривов А. С исламом не все так просто // www.open-forum.ru/forum/1050300736.

³ Фитцджеральд Х. Политические аспекты ислама // www.rationalism.org/library/publicism/fitzgerald/fitzgerald-islam.htm.

Во-первых, следует отметить, что ислам, в отличие от христианства, имеет свою завершенную и внутренне непротиворечивую политико-правовую концепцию (шариат). Исламу чужд европейский правовой принцип: «что не запрещено, то разрешено». Мусульманское правосознание не делит право на позитивное и естественное, так как источником права является Священное Писание (Коран) и все право богоустановлено. То, что в европейском обществе рассматривается как проблема морального выбора, в мусульманских обществах и государствах является предметом юридического разбирательства. Это касается, прежде всего, вопросов веры. Отступничество от Ислама – это тяжкое уголовное преступление, подлежащее наказанию смертью. Причем, отступником может быть как человек, сам принявший ислам, так и тот, чьи родители (или хотя бы один из них) были мусульманами¹. То есть в исламском вероучении можно найти обоснование препятствий для выхода из религии: «Верующие да не будут дружить с неверующими помимо верующих. А если кто дружит с неверующим, то он не заслуживает никакого вознаграждения от Аллаха, за исключением тех случаев, когда вам грозит опасность с их стороны»². «Если же кто избрет иную веру, кроме ислама, то такое поведение не будет одобрено, а в будущей жизни он окажется среди потерпевших урон»³.

Во-вторых, в исламском богословии существует понятие «джихада» (борьбы, войны за веру). Современные апологеты обычно трактуют его как «Малый» джихад, а под «Большим» понимают внутреннюю борьбу со страстями, которую мусульманин ведет в своей душе. Здесь приводятся слова пророка Мухаммеда о том, что он возвращается к домашнему очагу, возвращаясь с Меньшего джихада к Большему. Это слова одного из хадисов (устных преданий о жизни пророка), но есть и слова Корана: «И убивайте их (неверных), где бы вы их ни встретили, изгоняйте их из тех мест, откуда они вас изгнали, ибо для них заблуждение хуже, чем смерть от вашей руки»⁴. Известные современные исламские апологеты, например, «русский мусульманин» Али Вячеслав Полоснин (бывший православный священник), приводят слова из Корана: «И если б Твой Господь желал того, то все до одного, что на земле, уверовали бы в Бога. Так неужели ты (о, Мухаммед!) способен вынудить людей принять Господню веру?»⁵. Но Полоснин не приводит следующего, сотога аята из вышеназванной суры: «Душа может веровать только по изволению Бога; и казнью поражает Он тех, которые не разумеют»⁶. Данный отрывок говорит скорее об исламском фанатизме, но не о полном отрицании принуждения в религии.

В исламе существует четкая политическая установка: «весь мир делится на Дар-аль-Ислам («страна ислама», государство, где правят по шариату) и Дар-аль-Харб («страна неверных», немусульманские государства). Дар-аль-Ислам находится в состоянии бескомпромиссной борьбы с Дар-аль-Харб. Религиозной обязанностью мусульман является непрерывное расширение исламской территории

¹ См.: Казнить ли отступников? Аллах не любит Америку / Под ред. А. Парфрея. М.: Ультра Культура, 2003. С. 15.

² Коран. Семейство Имрана. 3 (27).

³ Там же. 3 (79).

⁴ Коран. Корова. 2 (187).

⁵ Коран. Иона. 10 (99).

⁶ Коран. Иона 10 (100).

за счет территории «неверных (кафиров)». Это не означает полного геноцида «неверных», достаточно утвердить повсеместно (в Британии, Японии, России, Китае и т. д.) исламскую власть и шариат. Борьба за Веру – это «джихад» в смысле «сражение» (в таком контексте понятие джихад упоминается в Коране 28 раз). Но сражение может вестись не обязательно военными средствами. Это может быть экономическая война, подкуп чиновников, демографическая экспансия. Ясир Арафат неоднократно заявлял, что самое эффективное средство в борьбе с «неверными» – это «матка арабской женщины».

В качестве новейшей формы джихада Хью Фитцджеральд рассматривает переселение мусульман в Европу. Когда в результате реконквисты (освободительной войны против мусульман в Европе) халифат (исламское государство) был ликвидирован, исламские старейшины постановили, что мусульмане не могут жить под властью «неверных», и в 1492 г. мусульмане покинули Испанию. В последние же 30–40 лет мы наблюдаем обратный процесс: мусульмане переселяются в Европу, открыто заявляя, что через 1–2 поколения Европа станет мусульманской.

Один из бывших лидеров террористической организации «Хезболлах» привел в ряде выступлений перед соратниками следующий исторический факт. Когда в 1258 г. монголы захватили Багдад, то казалось, что халифату пришел конец. Но мусульмане обратили в ислам монгольских правителей и в корне изменили дело. Монгольские земли стали исламскими. «Сражайтесь с ними, пока не исчезнет неверие и не утвердится вера Аллаха. Если же они перестанут быть неверными, то не должно быть вражды, кроме как к нечестивцам»¹.

Вопрос состоит в следующем: возможен ли диалог и мирное сосуществование с исламом всего остального мира и, прежде всего, европейской цивилизации? В европейском правосознании существует принцип *Pacta sunt servanda* («договоры должны исполняться»). В исламском правосознании и юридической мысли такого принципа нет. Мусульманское понятие «договора» сформировалось на основе известного эпизода из жизни пророка, когда Мухаммед заключил договор с жителями Мекки в 628 году н. э. («договор Аль-Худдаби»). По этому договору мусульмане обязались не идти на Мекку войной, а взамен им разрешалось посещать Мекку один раз в год. Договор был заключен на 10 лет, но Мухаммед нашел повод разорвать его до истечения следующего года, так как стал могущественнее и решил завоевать Мекку. Этот эпизод воспринимается мусульманским сознанием как положительный пример. Поэтому всякие договоры между мусульманами и «неверными» – это договоры не о мире, а всего лишь о перемирии. Особенно выпукло это проявляется в отношениях между Израилем и палестинцами. Мы убеждены, что данный конфликт выходит за рамки межнационального, межгосударственного и регионального и носит религиозно-политический характер. Далеко не все израильтяне, американцы и европейцы понимают, что израильско-палестинские соглашения – это только перемирия, «временные прекращения огня». Европейскому сознанию очень трудно принять как факт принудительную невозможность обоюдного мира. Сотрудник кафедры востоковедения Еврейского Университета в Иерусалиме, профессор-арабист Моше Шарон, отвечая на вопрос «что же нам делать?», пишет: «Исламу нужна причина, чтобы оказаться от вой-

¹ Коран. Ковра. 2 (189).

ны. Эта причина – военное превосходство врага... Политика Израиля демонстрирует слабость и не оставляет палестинцам выбора. Они просто обязаны воевать с нами. Пока у них нет военной силы, способной устоять против Израиля, поэтому они стараются ослабить еврейское государство. Если мы будем значительно сильнее их, им придется откладывать джихад снова и снова. Они должны ощутить нашу силу, почувствовать, что им нас не победить. Только тогда они сложат оружие, даже не на самых выгодных для них условиях...»¹.

Тема исламского экстремизма и терроризма воистину неисчерпаема. Жанр данной работы не позволяет подробно излагать историю мусульманских экстремистских организаций. Назовем только основные этапы и наиболее громкие имена.

«Адаоу – и айеу ай» (АИ). Организована в 1923 г. в арабском мире, но основную деятельность развернула в 50–60-е гг. Идеологи данной организации считали, что арабское общество пребывает в состоянии варварства, поэтому истинные верующие должны от него отделиться и образовать «джамаат исламийя» – исламские ассоциации. Террористическую деятельность «братья» начали в арабских странах. На их совести попытка государственного переворота в Сирии (1979–1982 гг.), убийство президента Египта А. Садата (1981 г.), террор против египетских политиков, жителей и гостей этой страны. В 90-е гг. на базе БМ образовалась группа «Исламский джихад», финансируемая Ираном и действующая против Израиля.

Оаайеао (i'adò eý Äeäoä). Возникла в Иране, во времена Хомейни, а затем распространила свою деятельность на Ливию и Сирию.

Оай ай («Ейеай нейа äeaeái eá m'i õi'ò eäeái eý»). Основано в 1987 г. шейхом Ахмед Ясином. Цель – «освобождение Палестины от моря до Иордана».

В США исламский экстремизм представлен группировками **«Аеай ао Оей Ооэдä» (АО)**, которая возникла в 1980 г. в Бруклине и **«Айи'йе Дай сè Пйоä»** устроившей взрыв в 1993 г. в ныне несуществующем WTC (центре международной торговли).

«Аей-Еаеä» («I'm i'ä»). Возникла в 1989 г. в Судане. Основатель – почти легендарная личность, Усама Бен-Ладен, который придерживается идеологии ваххабизма, современной формы мусульманского «протестантизма».

Ряд исследователей проводят параллели между ваххабизмом и европейской религиозной реформацией, указывая на сектантский, антитрадиционный характер того и другого.

Далее речь пойдет о противоположной исламскому миру стороне, которая, как это ни парадоксально, порождает схожие экстремистские идеи и практики.

Принципиальным вопросом для исламистов является проблема Иерусалима. Даже неарабский Иран постоянно акцентирует внимание на том, что третий по значимости в Исламе священный город (после Мекки и Медина) находится под контролем «неверных». «До каких пор будут топтать грязными ботинками землю Иерусалима американцы и израильские захватчики? Сколько еще Иерусалим, Палестина, Ливан и угнетенные мусульмане должны находиться под властью преступников, в то время как вы остаетесь сторонними наблюдателями, а некото-

¹ Шарон М. В. Коране нет и намек на мир // www.evrey.com/sitep/think/arkhiv1.

рые ваши единоверцы тем даже помогают этим преступникам?»¹. Освобождение Иерусалима от израильтян (евреев) – это, прежде всего религиозный, а не геополитический вопрос. В 1948 году Организация Объединенных Наций попыталась дать возможность евреям и арабам создать на этой земле свои государства, оставив при этом за Иерусалимом статус священного города трех религий: христианства, ислама и иудаизма. Все эти три религии имеют свою версию святости Иерусалима и всего остального Израиля (Палестины). Из данных версий напрямую следует религиозно-политическая установка, приобретающая экстремистские выражения.

В наименьшей степени, в данном случае, политизировано христианство. Христианская церковь носит вселенский характер и не связана с определенным географическим местом. Миссия древнего израильского народа была выношена после прихода Иисуса Христа, соответственно, христианская святость от Христа возможна везде, в любой стране, в среде любого народа. Вселенская церковь (православная и католическая) универсальна и интернациональна. Иерусалим и Святая Земля в церковном сознании – это место поклонения святыням, но политического значения они более не имеют, как и древнееврейский народ, который после прихода Христа стал просто одним из народов. Православные и католические фундаменталисты не рассматривают проблему Святой Земли в качестве политической.

Мусульмане связывают Иерусалим с известной историей из жизни пророка Мухаммеда, когда он на кентавре Бураке вознесся на небо и беседовал там с Аллахом. Местом вознесения был Иерусалим, Храмовая гора, где до этого находился древнееврейский ветхозаветный храм Соломона. На месте этого вознесения была построена мечеть Аль-Акса.

Для иудейского религиозного сознания проблема Святой Земли переживается особенно остро. В иудаизме невозможно отделить религиозное от национально-политического, поэтому политическая самореализация еврейского народа подразумевает восстановление еврейской государственности в Израиле (Палестине). Еврейский национализм (сионизм) имеет свои неповторимые черты, так как целиком религиозен. Даже этимология термина «сионизм» указывает на это. Сион – религиозное понятие обители древнееврейского народа. Сионисты, даже формально неверующие, ставят и ставят перед собой иррациональную цель бытия государства, ни экономически, ни геополитически не оправданную.

Сионизм можно понять только в религиозном аспекте учения о Третьем Храме, основе еврейского (иудейского) фундаментализма. В иудаизме может быть только один храм, в Иерусалиме, но он был разрушен в 70 г. н. э. римлянами. Вся последующая история евреев – это «алия» (восхождение), возвращение в Сион. Восстановление Третьего Храма – это начало «вечного Шаббата», процветания еврейского народа и царства Мессии (Машиаха). Еврейское «царство Машиаха» – это теократия, а не демократия, поэтому иудейские фундаменталисты по определению не могут разделять либеральных ценностей «открытого общества».

В христианской и мусульманской традиции еврейский Машиах ассоциируется с образом зла: с Антихристом – у христиан и Даджалла – у мусульман. Воцарение Машиаха означает разрушение мусульманской Аль-Аксы на Храмовой горе. По-

¹ Хомейни И. Выступление по случаю дня Иерусалима, 1981 / Под ред. А. Парфрея. М.: Ультра Культура, 2003. С. 266.

сле победы Израиля в Шестидневной войне в 1967 г. вокруг Храмовой горы существует иудейско-мусульманская напряженность, периодически выражающаяся в осуществляемых с обеих сторон экстремистских акциях. В книге Дон Стюарта и Чака Мисслера «Храм Грядущий: Последний этап обратного отсчета», которая упоминается в сборнике «Аллах не любит Америку», приводится хроника этого противостояния, полная насилия и даже гибели людей. Израильские власти пытаются бороться как с исламскими, так и с иудейскими экстремистами, но последние пользуются поддержкой среди отдельных представителей властных структур.

Данный конфликт мог бы рассматриваться как региональный, если бы не возникший в XX в. феномен христианского сионизма. Под последним понимаются взаимные симпатии и религиозно-политический альянс между американскими протестантскими фундаменталистами и израильскими ультраправыми сионистами. Чтобы не «лить воду на мельницу» любителей мифа о «жидо-масонском заговоре» и «сионистских штатах Америки (США)», сразу сделаем оговорку, что своеобразный сионизм протестантских фундаменталистов является одним из аспектов их учения, названного диспенсациализм (от лат. *despensatio* – замысел).

Диспенсациализм восходит к американскому проповеднику XIX в. Сайрису Ингерсону Скофилду, говорившему, что мир неизбежно придет к концу (Апокалипсису), но христиане должны радоваться и приветствовать эту катастрофу. У Бога есть свой замысел относительно христиан-англосаксов, евреев и всех остальных народов. Англосаксы считаются потомками десяти колен Израилевых, не вернувшихся в Иудею из Вавилонского пленения. Перед концом Света должна наступить «смертная эпоха», когда силы зла нападут на англосаксов-протестантов. Это будет «царство царя Гога», которое отождествляется с восточно-христианской цивилизацией (Россией), вступившей в союз с мусульманами. Евреи же должны буквально исполнить библейские пророчества и восстановить свое государство. Израилю в этой схеме отводится роль ударной силы в последней битве добра и зла (Армагедоне).

Диспенсациализм – это не маргинальные религиозные позиции, а учение, горячим приверженцами которого были многие американские президенты, в том числе Рональд Рейган.

В современном русском национал-экстремизме роль православной церкви невелика. Полагаем, что православные фундаменталисты в чистом, религиозном виде не проявляют политической активности. Термин «фундаментализм» весьма условен по отношению к ультраконсервативным элементам в Русской Православной церкви. Если исламские фундаменталисты стремятся к восстановлению раннего ислама, то фундаменталисты РПЦ апеллируют не к раннему христианству, а к модели «исконно русского православия», «Русской Идее». По словам Владимира Илюшенко, «закрытая модель христианства представляет собой вариант религиозного фундаментализма, или русскую религию... они полагают, что во Христе нет ни эллина, ни иудея, но есть русский»¹. Политический экстремизм представителей РПЦ проявляется в следующих случаях: во-первых, это против-

¹ Илюшенко В. Две модели христианства и русский фашизм // Нужен ли Гитлер России? М., 1996. С. 195–200.

стояние «либерального» и «фундаменталистского» крыла в руководстве РПЦ. Фундаменталистское крыло возглавлял Санкт-Петербургский митрополит Иоанн (Снычев), скончавшийся в 1995 г. Сегодня данное направление представлено газетами «Радонеж» и «Русь православная» (главный редактор Константин Душенов), которая до 1997 г. выходила как приложение к газете «Советская Россия». Фундаменталисты обвиняют своих противников в ереси экуменизма, называя их «никодимовцами» (по имени покойного митрополита Никодима), и в так называемой «ереси жидовствующих», подразумевая рукоположение в священники лиц еврейской национальности, хотя данная ересь на Руси XV в. к этническим евреям никакого отношения не имела. Надо сказать, что антисемитизм отдельных представителей РПЦ является проявлением собственного религиозного невежества (христианство, в том числе православие, принципиально универсально). С другой стороны, представители «либерального» крыла РПЦ, такие как московский священник Яков Кротов или нынешний митрополит Санкт-Петербурга Владимир Котляров, настаивают на проведении богослужебных реформ, что провоцирует внутрицерковный раскол.

Во-вторых, наиболее экстремистским проявлением официального руководства РПЦ является антикатолическая (антизападная) позиция. Миссионерская деятельность католиков в России вызывает крайне негативную реакцию Московской патриархии. Представляется, что это именно политическое соперничество, так как мало кто из православного духовенства, не говоря уж о рядовых верующих, могут внятно объяснить принципиальность расхождения в вероучениях «Церквей-Сестер». Любопытно, что согласно данным социологических исследований, наиболее негативно рядовые православные воспринимают не иудаизм и не католицизм, а ислам, хотя официальные издания МП практически не ведут антиисламской пропаганды. Самой же «любимой» конфессией, несмотря на церковную пропаганду, у православных являются католики¹.

В целом, религиозно-политический экстремизм в РПЦ остается фрагментированным и маргинальным явлением, так как не может быть достаточно убедительно обоснован евангелическим учением.

В качестве вывода отметим следующее. «Радикальный центр» есть необходимый элемент в выстраиваемой в нашей работе системе политических координат. Позиция радикального центризма возникла как противоположность гуманистическим, светским идеалам Великой Французской революции и наиболее полно представлена в традиционном религиозном мировоззрении. Но традиционные религии по своей сути являются миротворческими и на уровне догматики отрицают деконструктивные способы достижения своих радикальных целей по отношению к современному.

¹ Нуруллаев А. А. Общественное мнение об этноконфессиональных отношениях // Национальное и религиозное. М., 1996.

Один из первых юридических документов, указывающих на такое преступление, как политический терроризм, можно увидеть в третьей редакции «Русской правды» (XIII в.). В ней, в частности, определялась ответственность за убийство «княжих мужей» и взыскивание с виновного денежного штрафа в размере «двойной виры» – 80 гривен. Законотворчество славян не стояло на месте, и в Первом Судебнике 1497 г. говорится уже о «государственном убийстве и крамольнике, подымщике и зажигальнике». К середине XVI в. «Русская правда» четко определяет тогдашнего террориста, которого называли «лихим человеком»: он профессионально участвует в вооруженных мятежах, занимается разбоем, бандитскими нападениями. Согласно Первому Судебнику 1497 г., еще не указывалось на большую общественную опасность террористов для общества.

Но в более позднее время отношение к «лихим людям» меняется, что нашло отражение в документах, в частности, в Белозерской губной грамоте 1539 г. В разгар реформ Судебник 1550 г. утвердил самое суровое наказание для «лихих людей» – обязательность смертной казни в общегосударственном масштабе.

В связи с восстаниями посадских людей, стрельцов, холопов и боярской дворни во главе с боярином Б. И. Морозовым, в 1649 г. было принято Соборное уложение (Уложение царя Алексея Михайловича). В нем обозначились преступные деяния, которые посягали на церковные устои и власть государя.

Проблема политических преступлений была актуальна и во времена правления Петра I. При Петре I был принят воинский артикул, который действовал параллельно с Соборным уложением 1649 г. вплоть до создания Свода законов Российской империи, включая не только статьи воинских, общеуголовных, но и политических преступлений.

Уложение о наказаниях 1845 г. (в редакции 1885 г.) действовало вплоть до Октябрьской революции 1917 г., как и уложение 1903 г. (а лишь частично было введено в действие) значительно расширило круг политических преступлений против священной особы государя императора и членов императорского дома, включая такие деяния, как повреждения статуэток, бюстов или иного изображения императора.

В Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, принятом в 1864 г., в ст. 37 находим отдаленный прообраз современного «заведомо ложного сообщения об акте терроризма».

В России термин «террор», «террористический акт» появился вместе с революционным движением в конце XVIII в., вобравшем в себя опыт Великой Французской революции.

Но в современном понимании политический терроризм в России берет свое начало с покушений на императора Александра II.

В начале XIX в. в России борьба с преступлениями политического характера была возложена первоначально на Министерство полиции, а затем – Министерство внутренних дел.

Новый император, Николай Павлович, 3 июля 1826 г. учреждает III отделение Собственно Его Императорского Величества канцелярии, основной целью которого было «охранение устоев русской государственной жизни». Несмотря на работу III отделения, «брожение в некоторых слоях интеллигенции, начавшееся в 60-е гг., бы-

стро усиливалось, и во 2-й половине 70-х гг. приняло террористический характер». Терроризм стал неотъемлемой частью антиправительственных выступлений. Отправной точкой терроризма стало покушение В. Засулич на градоначальника Петербурга Трепова. Суд присяжных вынес оправдательный приговор В. Засулич.

Террористическое покушение на императора Александра II в Зимнем дворце в феврале 1880 г. привело к учреждению в Санкт-Петербурге Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного спокойствия во главе с Лорис-Меликовым, и передачей ей чрезвычайных полномочий.

Эпоха терроризма 70-х гг. XIX в. закончилась убийством императора Александра II 1 марта 1881 г. членами «Народной воли». Борьба с терроризмом в России в конце XIX в. требовала и соответствующих легитимных юридических механизмов. 9 мая 1878 г. был издан закон «О временном изменении подсудности и порядка производства дел по некоторым преступлениям», который был ответной реакцией законодателей на вынесенный присяжными оправдательный приговор террористки В. Засулич. Согласно закону «О временном изменении подсудности и порядка производства дел по некоторым преступлениям», из подсудности суда присяжных были выведены такие преступления, как убийства должностных лиц, нанесение им ран, увечий и т. п. при исполнении ими служебных обязанностей, «коль скоро преступления эти сопровождалась убийством или покушением на убийство, нанесением ран, увечий, тяжких побоев, предавать военному суду для суждения их по законам военного времени, определения виновным наказания, установленного статьей 279 Воинского Устава о наказаниях, изданного в 1875 году», т. е. смертной казни.

5 апреля 1879 года последовал указ «О генерал-губернаторах». Этим Указом в Санкт-Петербурге, Харькове и Одессе назначались временные генерал-губернаторы, которым вместе с генерал-губернаторами в Москве, Варшаве и Киеве предоставлялись чрезвычайные полномочия для охраны порядка и общественного спокойствия. Согласно Указу, генерал-губернаторы могли за государственные, а когда признают необходимым, и за общие преступления всех лиц гражданского ведомства предавать военному суду с применением к ним наказаний, установленных для военного времени. Им также предоставлялось право: высылать административным порядком всех лиц, дальнейшее пребывание которых в данной местности они признают вредным; подвергать личному задержанию, когда они признают это необходимым, всех лиц, несмотря на название; приостанавливать или запрещать издание журналов и газет вредного направления; вообще принимать все те меры, которые они признают необходимыми для охраны спокойствия.

И это только некоторые меры, с помощью которых власть пыталась предотвратить развитие антиправительственных, в том числе и террористических настроений.

Ôðàí ö Ñ. Á.

УрЮИ МВД России

ÔÀÔÍ ÎÊÎÄËË ÑÎÇÀÎËËß ÎÎÎÊ ÎÄÀËÛÎ ÎÎÒË

Если бы кто-то всего 20 лет назад сказал, что телевидение станет коммерческим, а 50% эфирного времени будет съедать реклама, то сильно бы удивил. Сегодня реклама на TV – норма, к ее помощи прибегают и коммерсанты, и политики. В

век постмодерна продается все: от товара – до имиджа. И фантастически успешно! За последние два десятилетия рекламодателям удалось сформировать психологию потребительства. Для этого были использованы различные технологии: PR, НЛП, мифодизайн и еще кое-что из запасников ВПК. Они базируются на использовании сложного отражения реальности в сознании человека, на виртуализации и мифологизации действительности, на естественном стремлении людей к получению наслаждения, на проницаемости информационных технологий в сознание человека и возможностях его стимулирования с помощью электронных сигналов.

В наши дни постепенно исчезает проблема границы тела как эксклюзивной области, локуса получения наслаждения. Как и в античной философии, происходит стремительный переход от идеи телесных удовольствий к идее интеллектуального наслаждения, часто усиленного визуально и с помощью аудиосредств, иногда симулированного СМИ, средствами рекламы и Internet.

Данные приемы находят применение и в политической рекламе, которая стала объектом нашего небольшого исследования. Она представляет интерес со стороны использованных технологий воздействия на формирование политических предпочтений электората. В качестве примера мы взяли предвыборный ролик кандидата на пост Главы одного из муниципальных образований под условным названием «Рабочий».

На экране, в потоке выходящих из заводской проходной людей к зрителю приближается немолодой среднего роста смуглый, темноволосый мужчина, одетый в кожаную кепку, темную куртку со светлым воротником и черные брюки. Стандартная внешность и одежда. Серый унылый городской пейзаж, звуки улицы, хмурый человек на фоне озабоченных лиц. Приближаясь к нам, мужчина с недовольным видом произносит следующий монолог: «Начальство заставляет нас голосовать за банкира. А на хрена нам банкир? Сытый голодного не понимает. Не-е, мы с мужиками решили: «Будем голосовать...!»

(Посредине экрана, на уровне глаз, появляется написанная крупными буквами фамилия кандидата, а ниже – имя и отчество).

На последней фразе формат изображения резко меняется: тот же мужчина в полроста появляется на обочине дороги и начинает поворачиваться лицом к рекламному щиту, в левой части которого размещено располагающее к себе фото кандидата на пост Главы города (единственно яркое «пятно» за все время демонстрации ролика), посредине справа крупно написаны его фамилия, имя и отчество, внизу – призыв: «ЗА правду! ЗА людей! ЗА справедливость!» Рекламный щит, выполненный в красном цвете, медленно «наезжает» на зрителя и зависает на экране.

19 секунд плотно упакованной политической рекламы, в которой есть все: почти документальная достоверность (конкретный завод и выходящая из его дверей смена), реальные звуки и планы города, убедительно звучащая речь и подкрепляющие ее жесты, приятный тембр голоса, два цветовых решения видеоряда – черно-белое (для безрадостного настоящего) и цветное (для будущего Главы города).

Из всего следует, что рекламно-агитационный ролик сделан профессионально, с соблюдением всех канонов, более того – переизбытком средств воздействия. Его многоплановость очевидна: присутствуют вербальные и невербальные средства воздействия, видео- и аудиоэффекты.

Теперь уже многие исследователи сходятся во мнении, что рекламное изображение состоит из нескольких уровней, поэтому мы тоже будем переходить с одного уровня на другой. Анализ производимого роликом эффекта мы будем делать поэтапно, «снимая» слой за слоем, а затем вновь наложим друг на друга.

Слой первый – визуальный

Во-первых, возраст «рассказчика» и кандидата совпадает. К тому же он примерно соответствует возрастным, социальным и материальным параметрам основной части избирателей города. Значит, был сделан точный социологический «отстрел» аудитории.

Во-вторых, как и подобает современной рекламе, сообщение преподнесено в *аспекте надежности*: выбран документальный жанр изложения, убедительно-категоричный тон повествования, использован «респектабельно-геничный» фотоснимок кандидата. Данный прием в рекламе означает, что *замыслам свойственно сбываться*, а это, в свою очередь, формирует подсознательную психологическую установку на «завершенность действия», окончание события, т. е. уже заранее кем-то произведенный выбор. В таком случае срабатывает пусковой механизм «присоединения» у одних (формируя желание сделать так же), «паралича» у других (вызывая апатию и нежелание сопротивляться, когда все и так решено). Во всяком случае, всегда приятно переложить груз ответственности за выбор на чьи-то плечи.

В-третьих, использована типизация кандидата (*подстраивание под аудиторию*): прическа, макияж, оптимистичное выражение лица, строгость и мягкость одновременно, явный жизненный опыт, открытый взгляд и легкая «хитринка» в уголках глаз – как похоже это лицо на учителя, бухгалтера, врача, руководителя среднего звена... Оно почти гармонично, что имеет глубинно-мифологические и вполне объяснимые на уровне понимания визуальных воздействий основы: *деление людей на «своих» и «чужих» и «маркировка» кандидата как «своего»*. Он соответствует ожиданиям электората (опять *предвосхищение событий*): зная насущные проблемы избирателей, он решит их как свои личные (рекламный прием, заключающийся в том, чтобы человек, погруженный в свои проблемы, *нашел в предлагаемой рекламе способ их разрешения*).

В-четвертых, воздействие рекламного фотоизображения проистекает еще и из удивительного сочетания активных цветов (оттенков красного) и композиционного решения рекламного щита (проверенного соотношения изо- и графо- составляющих), увеличения изображения в процессе его приближения к зрителю (*укрупнение и приближение события, усиленное третьей подачей*).

Эффективность воздействия основана на технике *субмодальности*. Это использование особенностей и характеристик изображения (или звука) для управления эмоциональным тоном. Как правило, с помощью субмодальностей создается позитивная эмоциональная окраска для создания поведенческих предпочтений на бессознательном уровне. Красивым примером является рекламный ролик «Мегафона», в котором быстро летящие по небу облака в сочетании с пробивающимся через них светом, создают ощущение быстро приближающегося светлого будущего»¹.

Следует упомянуть и о трехкратно увеличенном «ЗА» в слогане «ЗА правду! ЗА людей! ЗА справедливость!». Это явное использование в рекламе (наряду с различ-

¹ См.: http://nlp-system.com/vvedenie_v_nlp.php.

ными видами шрифтов и их размеров) так называемых «привлекателей», подсознательно воздействующих на принятие решений.

Как утверждают профессиональные источники, для рекламных технологий НЛП важно, в первую очередь, «определение метапрограмного профиля целевой аудитории – т. е. выявление свойственных целевой аудитории фильтров внимания и определенных стратегий мышления. Это позволяет, создавая рекламные обращения, “кодировать” их в тех нейро-стратегиях и транслировать в тех каналах восприятия, которые наиболее свойственны этим людям. Помимо точного попадания рекламной идеи в сознание целевой аудитории, это дает еще и очень высокий процент принятия этими людьми рекламной идеи как своей собственной либо авторитетной для них»¹.

Этим, видимо, и можно объяснить произведенный роликом визуальный эффект.

Слой второй – вербальный

Языковая статистика: в тексте 4 предложения, 24 языковые единицы, объединенные в 19 смысловых блоков-синтагм² (это проклитика и энклитика³) – ровно столько секунд длится и ролик.

1. Начальство заставляет нас голосовать за банкира.
2. Ана хренанам банкир?
3. Сытый голодного не разумеет.
4. Не-е, мыс мужиками решили: «Будем голосовать... за Исаеву!»

Следовательно, каждой единице времени строго соответствует определенный языковой образ. Это задает, во-первых, *четкий темп речи (соответствующий пульсу человека)*, во-вторых, *создает условия для точной когнитивной фиксации созданных образов*. Этим можно объяснить хорошую запоминаемость текста.

Выбранный темпо-ритм и синтаксический строй предложений оптимальны для запоминания, что подтверждает проведенный нами эксперимент: вместо данного текста испытуемым был предложен уподобленный оригинальному текст, и он также был дословно повторен аудиторией: «Соседи мешают нам спать по ночам. Зачем нам такие соседи? Выспавшийся недоспавшего не поймет. Не, мы с родителями решили: «Будем избавляться от Галкиных!»»

Точно соблюденный рекламный прием «выражайтесь яснее, изъясняйтесь максимально простым языком – таким, каким вы говорили бы со своими клиентами при личной встрече, не допускайте возможности двойного толкования» сработал и в данном случае.

Орфоэпические⁴ особенности текста:

¹ Там же.

² **Синтагма** – цельная синтаксическая интонационно-смысловая единица (слово или группа слов). Например, следующие стихи Пушкина делятся на 4 синтагмы: «Три девицы под окном | пряли | поздно вечерком» (здесь и далее цит. по: Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1984).

³ **Энклитика** – слово, утратившее собственное ударение и стоящее позади ударяемого слова, к которому оно примыкает, образуя вместе с ним в отношении ударения одно целое (например, мой←то, тот←то).

Проклитика – безударное слово, стоящее впереди ударного, к которому оно и примыкает в отношении ударения (например, подо→мно́й).

⁴ **Орфоэпия** – 1) раздел лингвистики, занимающийся изучением правильного литературного произношения; 2) правильное литературное произношение.

Рассматриваемый текст озвучен профессионально, с соблюдением орфоэпических норм, а именно:

- смыслового изменения темпа речи;
- произношения слов;
- расстановки акцентов в словах и предложениях/

Обратите внимание на акцентуацию¹, которая имеет целью выделить в тексте слова и предложения с наибольшей смысловой нагрузкой.

1. *Нача́льство* заставляет нас голосовать за *банка́ира*.
2. А на *хре́на* нам *банка́ир*?
3. *Сы́тый* голо́дного *не́* *разуме́-ет*.
4. *Не-е́*, мы с мужиками *реши́ли*: «*Буде́м* *голосова́ть... за Иса́еву*»!

Как видим, по количеству акцентов наиболее значимыми являются третье и пятое предложения. В данном случае эффективной является *акцентуация*.

*Грамматический*² и *контекстный анализ*:

1. Начальство заставляет НАС голосовать за банкира.
2. А на хрена (=нейтральному «зачем») НАМ банкир?
3. Сытый голодного не разумеет.
4. Не-е, МЫ С МУЖИКАМИ решили: «будЕМ голосовать... за Исаеву»!

По составу все предложения простые, что способствует их легкому усвоению и воспроизведению.

В первом предложении в роли подлежащего используется собирательное существительное «начальство», обобщающий характер которого задает тон всему повествованию, указывает на социально-профессиональную рознь. В контексте с глаголом «заставляет», лексическое значение которого «побуждать к действию кого-то вне его желания», оно формирует агрессивно-враждебное отношение к служащим – как к белым, так и к синим воротничкам (другими словами, любым представителям власти).

Второе предложение неполное, в нем отсутствует сказуемое. Это назывное вопросительно-утвердительное предложение с использованием нелитературного (=ненормативного) выражения, являющегося общеупотребительным в социальных слоях низшего уровня (например, в Словаре русского языка С. И. Ожегова выражение «старый хрен» дается с пометой «прост., бран.»). В назывном предложении акцент смещается на подлежащее «банкир», что делает его «словом-якорем» (*психол.*), особенно воздействующим на эмоциональное восприятие. А поскольку нейтральное существительное «банкир» употребляется в сочетании с бранным словом, то контекстуально формируется резко негативное к нему отношение. В условиях всемирного банковского кризиса происходит *наложение негативной отрицательный образ банкира* четко связывается с финансовым кризисом. Это действует деструктивно на подсознательном уровне в отношении к представителям данной профессии, формирует, если хотите, опасный образ врага и является распространенным политтехнологическим приемом.

¹ **Акцентуация** – 1) обозначение ударений; 2) повышение голоса в местах речи, требующих этого.

² **Грамматика** – наука о строе языка; включает *морфологию* (учение о формах слова) и *синтаксис* (учение о сочетании слов в предложении).

Третье предложение представляет собой пословицу («краткое народное изречение с назидательным смыслом»), следовательно, оказывает сильное образно-эмоциональное и воспитательное воздействие. В пословицах в обобщенной форме выражается определенная точка зрения (сентенция, суждение). Являясь логическим продолжением предшествующих предложений, пословица позволяет провести нам соответствующие смысловые параллели: банкира привязать к эпитету «сытый», а автора-рассказчика – к эпитету «голодный». Используемый эмоционально-образный литературный прием формирует резко негативное отношение к «банкиру», восходит к *архетипическим бессознательным образам «богатого» и «бедного», социально-классовым различиям и социальной несправедливости*. Это также очень эффективный рекламный ход.

Последнее предложение осложнено прямой речью, что свидетельствует о его авторстве, т. е. дословном воспроизведении коллективной речи (так как из контекста восстанавливается местоимение 1 лица множественного числа «мы»).

И, наконец, скажем о словах автора в определенно-личной части последнего предложения (в ней отсутствует подлежащее). Составное-глагольное сказуемое с вспомогательным глаголом «будем» модально¹ усиленно. При отсутствующем подлежащем высказанное в нем суждение становится категоричным. В логике оно называется аподиктическим, т. е. «доказывающим, достоверным, основанным на логической необходимости, непроверяемым» (Словарь иностранных слов). Помимо прочего, оба глагола («будем» и «голосовать») в предложении интонационно выделены и их действие конкретно направлено на также интонационно маркированное дополнение «ФИО кандидата». Прямая речь в контексте «мы с мужиками решили» может быть расценена с точки зрения логики и орфоэпии как принятое решение, *открытое давление коллективного мнения*, которому сложно индивидуально противостоять, как *агрессивная агитация (черная технология)*.

Хочется также обратить внимание на обилие в тексте различных форм местоимения «мы», хотя повествование ведется от 1-го лица. Такая явная подмена выражает коллективное мнение. Чье конкретно? Ясно, что не «начальства», не «банкира» (в единственном числе), но человека, находящегося в толпе людей, выходящих из проходной завода в конце рабочего дня, «голодного» мужика, как следует из рекламного ролика, к которому непонятно, каким образом (извините за употребление явно эмоционально окрашенного слова) «присоседился» кандидат на должность Главы муниципального образования. Подобное «присоединение» – технология *создания комплексных эквивалентов*. «Комплексные эквиваленты – это объединенные друг с другом факты, но не имеющие четкой причинно-следственной связи, а соединенные предполагаемой (домысливаемой) логической связью. Например: «Хорошие хозяйки выбирают Тайд». Почему они выбирают именно Тайд? Как это связано с тем, что они хорошие? Каждый найдет в этом свою логику, подтвердив тем самым мета-сообщение связки: если вы выбираете Тайд, значит вы хорошая хозяйка. В большинстве случаев мета-сообщение воспринимается на бессознательном уровне». Так и в нашем тексте: если мы голосуем за бан-

¹ **Модальность** – способ существования к.-л. объекта или протекания к.-л. явления или же способ понимания суждения об объекте, явлении или событии.

кира – значит мы за одно с начальством, а если мы голосуем за кандидата – значит выбираем того, кто против него. Откуда такая убежденность, что кандидат «свой»?

Наряду с перечисленными в видеоролике используется еще одна НЛП-технология, названная *«речевой пресуппозицией»*. «Технология речевых пресуппозиций позволяет строить предложения, смещая фокус внимания с необходимых утверждений на детали так, что необходимые утверждения начинают подразумеваться, как само собой разумеющееся. Тогда эти утверждения принимаются клиентом как данность, не подлежащая сомнению, и выбор происходит уже внутри этой рамки. Простой пример: «Вы можете взять «Кока-колу» в новой большой бутылке, и получить больше за ту же цену». Теперь выбор происходит уже между бутылками, а не между Кока-колой и чем-то еще». В нашем случае смещение делается именно на банкира, хотя он не был единственным конкурентом данного кандидата.

Помимо прочего, документальный характер видеосъемок производит *эффект достоверности сказанного и подлинности происходящего*, что также является явным искажением (точнее, моделированием) событий.

Слой третий – невербальный

Если убрать звук и обратить внимание на имеющиеся в ролике невербальные «излишества», поразит «сурдологическая нервозность» рассказчика. *Каждой произнесенной фразе соответствует определенный набор движений*: 1-е предложение – троекратное подергивание козырька кепки (начальство – крыша – кепка); 2-е предложение – двукратное моргание (приглашение согласиться с высказыванием); 3-е предложение – рука погружена в карман, оставленный на поверхности большой палец 4 раза к нему прикасается; 4-е предложение – высоко поднимается и поправляется воротник куртки, изображение увеличивается, перекрывая экран (подводится итог сказанному, предыдущее изображение отсекается от последующего, отбрасывая негатив от позитива). Самый оригинальный прием *невербального использования скрытой метафоры* использован, несомненно, во время манипуляции большим пальцем руки, аллюзирующий с высказываниями «дать на лапу», «положить в карман» (но ведь это не прозвучало, следовательно, не является «уликой»).

Итак, очевидным остается факт использования *скрытого воздействия* на восприятие потребителя рекламы.

Слой четвертый – аудиовоздействие

Мы уже упомянули о таких средствах аудиовоздействия, как:

- четкая расстановка смысловых акцентов в каждом предложении;
- различный темпо-ритм (произнесение скороговоркой менее значимых слов и четкое проговаривание слов, имеющих смысловую нагрузку);
- хорошо подобранный тембр голоса (низкий регистр), с хрипотцой, так называемый низкочастотный резонанс, оказывающий программирующее воздействие.

Хочется, тем не менее, обратить внимание еще на одну особенность рекламного ролика – явное *использование «звуковой подложки»* для текста (вполне вероятно, были использованы какие-то запрещенные сигналы). Так, фраза «Начальство заставляет нас голосовать за банкира. А на хрена нам банкир?» сопровождается усиливающимся давящим на уши гудком, который сменяет шум улицы, зво-

нок трамвая, автоклаксоны, во второй части остаются только незначительные шорохи. Заметьте, использованы как бы естественные звуки, музыка отсутствует. Мы, конечно, не имели возможности провести частотно-резонансное исследование, поэтому можем только констатировать наличие в ролике «посторонних» шумов, как и тот факт, что каждое движение, многократно повторенное (как в ритуальном танце), скрыто направлено на закрепляющее воздействие на аудиторию.

Вывод:

Использование в видеоролике «Рабочий» различных технологий воздействия на аудиторию (наряду с ненормативной и экспрессивной лексикой), в т. ч. скрытых (возможно, и недопустимых), является нарушением закона «О рекламе» (статьи гл. II) и позволяет назвать этот рекламный продукт «недобросовестным», «неэтичным» (как минимум – ст. 6, ст. 8), «недоверенным» и «заведомо ложным» (в потенциале – ст. 7, ст. 9), «продуктом ненадлежащего качества», деформирующим действительность, что влечет ответственность по ст. 30–31 того же закона.

× áñááááá Ì . Á

УрЮИ МВД России

***Ї ДІАЄАІ А ЁЁЕАЁААОЁЕ ЎЁЊДАІ ЕЊЊЕЁО І ДААІ ЕСАОЕЕ
А ДІ ЊЊЕЊЕІ Е ОААДАОЁЕ Е АА І ЊЊАЊЊОАЕВ***

За последние десять лет экстремизм из феномена, интересного исключительно теоретикам права, философам и политологам, превратился в неотъемлемую часть нашей повседневной жизни. А одним из важнейших направлений деятельности государства стала борьба с экстремизмом и выявление проблем реализации законодательства о противодействии ему.

По данным МВД России, на территории Российской Федерации действует до 80 международных экстремистских групп и организаций, имеющих «финансовую» и идеологическую подпитку из-за рубежа, и около 80% участников экстремистских групп составляют люди в возрасте от 20 до 30 лет¹.

До принятия Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. в Российской Федерации существовала развернутая система нормативных актов, направленных на борьбу с отдельными видами и формами экстремизма. В этой связи, прежде всего, следует назвать Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26 сентября 1997 г., Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» от 25 июля 1998 г. Противодействие организованным формам экстремизма вполне обоснованно стало одним из основных направлений развития законодательства в этой сфере. Нормы, регламентирующие механизм ликвидации организации и запрета на деятельность объединения в связи со злоупотреблениями при реализации конституционного права на свободу совести и вероисповедания, а также с осуществлением террористической деятельности, были предусмотрены как Федеральным законом «О свободе совести..» (ст. 14), так и Федеральным законом «О борьбе с терроризмом» (ст. 25) соответственно.

Законодатель, сконструировав понятие экстремизма, разработав очень сложный механизм ликвидации экстремистской организации либо запрета на деятель-

¹ Розенко С. В. Экстремизм в России: состояние и проблемы уголовной ответственности // Правовая политика и правовая жизнь. 2007. № 1. С. 127.

ность общественного или религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом (ст. 9 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»), не внес соответствующих изменений ни в Федеральный закон «О свободе совести...», ни в Федеральный закон «О борьбе с терроризмом».

Таким образом, на сегодняшний момент существует три подобные процедуры. Первая, многоступенчатая, предусмотрена ст. 6, 7, 9 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», вторая – ст. 25 Федерального закона «О борьбе с терроризмом» и третья – ст. 14 Федерального закона «О свободе...». И, как следствие, на лицо искусственное создание конкуренции правовых предписаний, одним из негативных последствий которой является неприменение соответствующих норм прямого действия, включенных в Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»¹.

Грамматическое толкование ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» показывает, что экстремистской является только такая организация, которая была ликвидирована согласно предписаниям настоящего закона.

В то же время, как отмечалось выше, аналогичные основания указаны еще в двух документах, а следовательно, гражданско-правовое понятие экстремистской организации уже, чем уголовно-правовое: т. е. организации, ликвидированные не только в соответствии с положениями Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», но и с нормами Федерального закона «О борьбе с терроризмом» и Федерального закона «О свободе совести...»².

Согласно порядку проведения ликвидации экстремистской организации, определенному в ст. 7 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», регистрационная служба и ее территориальные органы выносят предупреждение общественному или религиозному объединению о недопустимости осуществления экстремистской деятельности.

В случае неустранения общественным либо религиозным объединением допущенных нарушений в установленные в предупреждении сроки либо повторного допущения этой организацией экстремистских проявлений в своей деятельности в течение двенадцати месяцев с момента вынесения предупреждения, федеральный орган исполнительной власти в сфере юстиции или его территориальные органы обращаются в суд с заявлением о ликвидации общественного или религиозного объединения.

Согласно ст. 9 данного Федерального закона, органы юстиции обращаются в суд с заявлением о ликвидации общественного либо религиозного объединения (о запрещении деятельности общественного либо религиозного объединения, не являющегося юридическим лицом) в случае осуществления этими организациями или их региональными структурными подразделениями экстремистской деятельности, повлекшей за собой нарушение прав и свобод человека и гражданина, причинение вреда личности, здоровью граждан, окружающей среде, общественному порядку, общественной безопасности, собственности, законным экономическим

¹ Бурковская В. Законодательство, направленное на борьбу с экстремизмом: проблемы становления правоприменительной практики // Уголовное право. 2005. № 1. С. 104.

² Там же. С. 105.

интересам физических и юридических лиц, обществу и государству или создающей реальную угрозу причинения такого вреда¹.

Следует заметить, что теперь судебное решение о ликвидации экстремистских организаций должно быть опубликовано не только в СМИ, но и в Интернете.

Согласно действующему законодательству, имущество, принадлежащее ликвидированной организации, идет на удовлетворение требований кредиторов, а оставшееся подлежит обращению в собственность Российской Федерации. При этом решение об обращении указанного имущества в собственность РФ выносится судом одновременно с решением о ликвидации общественного или религиозного объединения либо иной организации².

Таким образом, Федеральная регистрационная служба и ее территориальные структуры совершают большую работу по противодействию экстремизму в деятельности общественных объединений и политических партий. В то же время практика применения этих норм показала, что наиболее слабым местом в реализации закона является организация взаимодействия Минюста России и его территориальных органов с Генеральной прокуратурой РФ, МВД России и другими ведомствами.

Отсутствие данной согласованности действий различных государственных структур в борьбе с экстремизмом в значительной степени обусловлено пробелами правового регулирования, имеющимися в действующем законодательстве³.

Политика государства должна быть направлена на устранение выявленных противоречий, а также на установление подробной регламентации механизма ликвидации экстремистских организаций и объединений с приспособлением его к современным реалиям.

¹ Гаврилов А. В., Москвитин О. А. Пути решения проблем реализации законодательства о противодействии экстремизму // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. 2005. № 4. С. 53.

² Розенко С. В. Экстремизм в России: состояние и проблемы уголовной ответственности // Правовая политика и правовая жизнь. 2007. № 1. С. 126.

³ Гаврилов А. В., Москвитин О. А. Указ соч. С. 53.

ÑÁÁÁÁÍ ÈВ ÍÁ ÁÁÒÏ ÐАÕ

Áðõùááσáá Èáõù Áðèá õùááè-;, военнослужащий воинской части № 69617, кандидат философских наук, подполковник;

Ááííúó Ñòáí èñéáá Ááòì áí íáè-;, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уральского института государственной противопожарной службы МЧС России, кандидат философских наук, доцент, подполковник внутренней службы;

Ááðáðáá Ð èèÿ Áéáèñáí áðíáí á; адъюнкт Уральского юридического института МВД России, лейтенант милиции;

Ááèèè Ð èèÿ Ñáÿò Ìñéááí áí á; доцент кафедры криминологии и УИП Уральского юридического института МВД России, подполковник милиции;

Ááðáí èèíáí Í èÿñ Í áò ðíáí á; адъюнкт Уральского юридического института МВД России, старший лейтенант милиции;

Áèèèèí á Ð èèÿ Ááñí ùáí á; аспирант философского факультета Уральского государственного университета имени А. М. Горького;

Áúèíáá Áéáí á Ááíðèááí á; адъюнкт Уральского юридического института МВД России, старший лейтенант милиции;

Ááííáí èí Èèèÿ Áíðèñáí á; научный сотрудник ОН и РИО Уральского института государственной противопожарной службы МЧС России, кандидат политических наук;

Áíèóáúõ Í èèèò á Áéááèí èðíáè-;, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, подполковник милиции;

Çááí èí á Í èÿñ Áéáèñáí áðíáí á; начальник кафедры уголовного процесса УрЮИ МВД России, кандидат юридических наук, доцент, подполковник милиции;

Èááí í á Áéááèí èð Ááñí ùáè-; ученый секретарь Уральского института государственной противопожарной службы МЧС России, кандидат исторических наук, доцент, полковник внутренней службы;

Èóèèè Áéáí á Áí áò Ìèÿñáí á; инспектор отделения психологического обеспечения Уральского юридического института МВД России, лейтенант милиции;

Èóèèèí á Áéááèí èð Áíðèñáè-; начальник кафедры профессиональной педагогики и психологии Уральского юридического института МВД России, доктор философских наук, профессор;

Èèí áò í èèíáí Áéáí á Ááèáí ò èí í áí á; доцент кафедры философии Уральского юридического института МВД России, кандидат философских наук, доцент, подполковник милиции;

Í áèþáèí Ñáðñé Áéááèí èðíáè-; адъюнкт Уральского юридического института МВД России, лейтенант милиции;

Í íèíáèá Ááñèèèè Ááñèèÿáè-; начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности ОВД Уральского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, полковник милиции;

Ñóñíííá Í ááñ Ááñí ùáè-; начальник кафедры философии Уральского юридического института МВД России, кандидат философских наук, доцент, подполковник милиции;

Óäëíâ Èí à Òéâëâí à преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Уральского института государственной противопожарной службы МЧС России;

Óäëíâ Äéâëí ä Äéâëí èðíâ:, курсант 212 учебной группы Уральского института государственной противопожарной службы МЧС России;

Óëíí êí Òëÿ Äéâëí èðíâí à, заведующая кабинетом кафедры философии Уральского юридического института МВД России;

Óðâí ö Ñâòëâí à Äéòíðíâí à, доцент кафедры философии Уральского юридического института МВД России, кандидат философских наук, доцент, подполковник милиции;

× äíââââ Í äðéí à Äÿ: äëââíâí à адъюнкт Уральского юридического института МВД России, старший лейтенант милиции.

Противодействие экстремизму: теоретико-методологические и прикладные аспекты проблемы

*материалы межведомственной и межвузовской
научно-практической конференции (24 ноября 2008 г.)*

Редактор: *Г. Р. Кудоярова*
Компьютерная верстка *Г. Р. Кудояровой*

Подписано в печать 01.04.2009. Формат 60x84 1 /16
Печать трафаретная. Бумага писчая
Усл. печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 10,3
Тираж 43 экз. Заказ № 66

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел
Уральского юридического института МВД России

620057, Екатеринбург, ул. Корепина, 66

Копировально-множительное бюро
Уральского юридического института МВД России